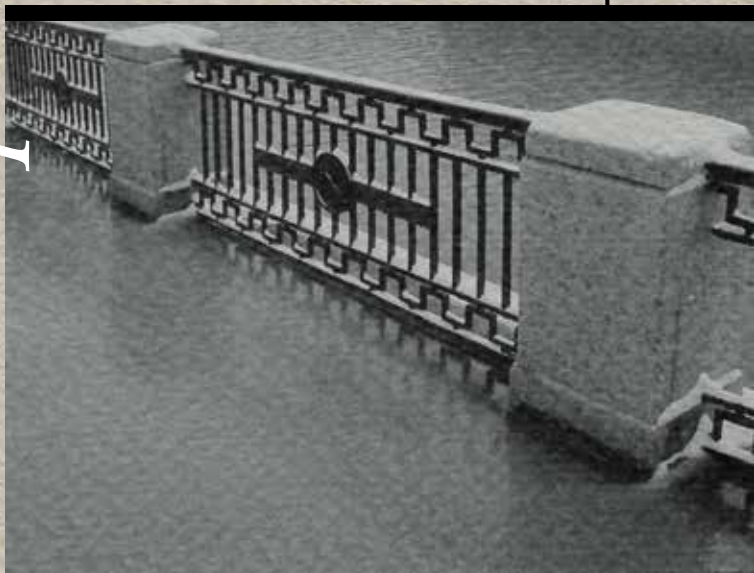

Общая тетрадь

ВЕСТНИК ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

№ 2 (97)

2 0 2 5

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

№ 2 (97)

Рига 2025

**Издание выходит
раз в квартал**

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертес (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Литературный редактор *А. Заматаева*

Верстка *В. Матисон*

Содержание

№ 2 (97) 2025

Тема номера

<i>Жизнь продолжается</i> Юрий Сенокосов	5
<i>Демографические тренды гражданской активности</i> Иван Крастев	16
<i>Суд над невообразимым</i> Андрей Колесников	35

Политика

<i>Глобальная политика: смена ценностей</i> Владислав Иноземцев	42
<i>Конфликт двух Просвещений</i> Михаил Минаков	59

Гражданское общество

<i>Об универсальном понятии прав человека</i> Кирилл Коротеев	76
--	----

Оппозиция

<i>Тело протеста</i> Сергей Медведев	84
<i>Навальный: политическая стратегия и механизмы ее реализации</i> Николай Митрохин	92
<i>Шепоты и крики – об акциях оппозиции</i> Андрей Архангельский	97

Опыт истории

<i>Ближневосточный конфликт как часть мирового беспорядка</i> Константин фон Эггерт	101
--	-----

К н и г и

Послевкусие советского прошлого
Сергей Мошкин 117

Контрапункт
Максим Горюнов 121

Nota bene

Чудо, каким является разговор
Хакан Алтынай 129

In Memoriam

Александр Казачков 151

Мы живем в эпоху, когда, с одной стороны, прошлое приобретает пугающую актуальность, а с другой стороны, привычные понятия требуют пересмотра. В условиях растущей неопределенности и новых вызовов, перед которыми сегодня стоит общество, особенно важно не терять способность к размышлению и диалогу — и не забывать о личной ответственности.

Жизнь продолжается*

Наша мания мыслью заменить акт жизни мешает нам понять происходящее.

Мераб Мамардашвили

Жизнь продолжается, и всем нам еще многое предстоит пережить. На это, безусловно, нужны силы, которые появляются — я уверен в этом, — когда мы общаемся и задумываемся, стараясь лучше понять, что происходит.

Слушая вчера выступление Василия Жаркова, когда он говорил об империализме и имперскости, я невольно подумал, что в перестроечной России слово «имперскость» появилось не случайно. Слово «империализм» несет в себе *воинственный* заряд, а «имперскость» звучит все же мягче. Как не случайно и то, что Ельцин ввел в оборот еще одно перестроечное определение: «Мы, россияне...» Не только русские. Поскольку это было время, когда встал вопрос, как выйти из ужаса, в котором семьдесят лет жили все россияне. И еще вопрос, как выйти с наименьшими потерями из ситуации распада страны. Тогда ведь не только Ельцину надо было принимать ответственные решения, но и россиянам. А почему это слово теперь исчезло, я думаю, понятно.

Юрий Сенокосов,
главный редактор журнала
«Общая тетрадь»

* Фрагменты из выступления на семинаре в Вильнюсе 9 марта 2025 г.

«Мы судим дела, а не людей»

Юридически мы оформили появление Школы в декабре 1992 года. А в начале апреля 1993-го прошел наш первый семинар. Участвовали в нем, если мне не изменяет память, 32 или 33 человека. Это были молодые люди, в том числе депутаты Госдумы из регионов. Мы с Леной уже тогда понимали, что надо не только говорить о том, что пережила страна, но и что-то делать практически. Что будет с Россией после распада Советского Союза, как обрушить однопартийную систему, как ввести рыночную экономику, о которой, как и о политической конкуренции, все семьдесят лет советской власти вообще не заходило речи; за все ведь отвечали партия

Нам стало понятно, что вместо того, чтобы задаваться русскими вопросами «Кто виноват?» и «Что делать?», стоило бы задуматься над гамлетовским вопросом «Быть или не быть?»

и известная организация — ЧК, созданная в декабре 1917-го с передачей полномочий в 1922 году ГПУ при НКВД РСФСР. Как это прошлое преодолеть?

Я часто в этой связи вспоминаю слова Мераба Мамардашвили, вернее, одну из его записей дневникового характера: «Мы судим дела, а не людей, то есть состояния, а не их но-

сителей. Людей же пусть судит Бог»¹. Что значат эти слова в атеистической стране? Как судить дела, когда нет нормальной судебной системы? И кто должен судить?

Позднее нам стало понятно, что вместо того, чтобы снова задаваться русскими вопросами «Кто виноват?» и «Что делать?», стоило бы задуматься над гамлетовским вопросом «Быть или не быть?». Быть или не быть гражданином? А также быть или не быть личностью? Быть или не быть теми, кто не задавал и не задает такого вопроса и поэтому уверенно выносит приговоры, сажает, убивает, то есть теми, кто воинственен?

А Лена в первый день семинара говорила о гуманизме и гуманности.

Есть переведенная на русский язык известная лекция Сартра 1945 года «Экзистенциализм — это гуманизм». Гуманизм, по Сартру, включает в себя представление о деятельном характере человека, для которого нет другого законодателя, кроме него самого; освобождение человека происходит через его самоосуществление. И в конце своего выступления Лена прочитала письмо, которое прислал Володя Рыжков, один из первых наших выпускников. В нем очень точно сказано: «Все мы были безгласны и невежественны»².

Да, именно такими они сидели на первом семинаре, проходившем в «Лесных далях» под Москвой. Более тридцати человек, а также

¹ Мамардашвили М. К. Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996. С. 212

² См.: Рыжков В. К читателю // Общая тетрадь. Вестник Школы гражданского просвещения. Рига, 2025. № 1 (96). С. 5–6.

представитель Совета Европы, другие европейцы, и никто, кроме Володи, не мог задать им вопроса! Дискуссии не получалось, нам что-то говорили, присутствующие молодые люди молчали, не очень понимая, о чем речь. И мы с Леной тоже. Да, у нас были друзья парламентарии, мы были дружны с помощниками Горбачева и Ельцина, но ведь и те мало что соображали. Да и откуда бы тогда появиться демократической, не воинственной, гуманистической культуре?

Я могу на собственном опыте рассказать, как с помощью политической пропаганды, ядром которой была классовая идеология, в СССР зомбировали молодежь и как мы освобождались от нее. В 19 лет в 1957 году после двухлетней работы на московских стройках я поступил на истфак Московского университета. То есть фактически через полтора года после XX антисталинского съезда КПСС. Тогда на семинарах мы, студенты, доводили порой преподавателя истории КПСС своими вопросами до того, что он убегал из аудитории. Он терялся, не зная, как и мы, ответов на наши вопросы.

Или хорошо помню, как мы с моим другом Борисом Орешиним (он потом стал издателем) сидели у памятника Карлу Марксу, который поставили в 1956 году у Большого театра, и мысль у нас была одна: о чем говорить, мы же *бессильны!* Мы, молодые и ничего толком не знающие, мы, как нам тогда казалось, не способны что-либо изменить.

И в том же 1957 году из ГУЛАГа стали возвращаться люди, в том числе и те, кто, видимо, учился когда-то в Московском университете.

Потому что я их видел на Моховой улице в университетской столовой, где в то время был бесплатный хлеб, капуста и чай. И хорошо помню свое чувство: мы знали, что людей освобождают, а вот сидишь с мрачным человеком за столом, и о чем с ним говорить? Вопрос задать? Иногда вроде бы задавали, но отвечать они соглашались не очень охотно.

Это в Москве, а что в регионах?..

И вот мы создали Школу и сами не сразу поняли, что вопрос-то заключается в «Быть или не быть?».

*В XX веке потерпели
крушение две идеологии,
претендовавшие
на универсальность, –
фашизм и коммунизм*

Идеологии сегодня нет

Что такое идеология?

Говорят, что это наше ценностное отношение к тому, что имеет цель и вариант ее достижения. А целью может быть какая-то форма правления (монархия, демократия, автократия) или экономическая система (капитализм, социализм и т.д.). То есть идеология состоит из идей о том, как должно быть организовано общество, и о методе достижения цели.

Вопрос: является ли в таком случае названное отношение действительно ценностным, а значит, и универсальным, общечеловеческим?

Учитывая, что в XX веке уже потерпели крушение две идеологии, претендовавшие на универсальность, — фашизм и коммунизм.

Карл Маркс, как известно, написал три тома «Капитала», где доказывал, что неизбежная нищета пролетариата чревата революциями, и обосновывал идею классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Об этом сегодня редко говорят, чаще ссылаются на Маркса-экономиста. Но ведь это он породил квазирелигиозную идеологию с соответствующим мифом и ритуалом поклонения пролетариату.

В последнее время нередко слышишь или читаешь, что идеологии нет. Действительно, нет. Ведь ее так просто не придумашь. Тем более в эпоху нарастающего глобального кризиса и учитывая, что появление в XX веке

Каким образом «философия необходимости» превратилась в «философию свободы»?

философии ценностей и распространение затем «языка ценностей» на самом деле только идеологическая видимость, доступная нашему восприятию, ограниченному человеческим мозгом.

Позже я к этому вернусь. А пока лишь повторю сказанное. То, что происходит сегодня, после вторжения России в Украину, и то, что мы переживаем, не случайно. Огромная чекистская армия никуда не делась, к ней присоединились священники, теперь выполняющие на войне роль политруков.

Все мы — граждане

Языков, как известно, много, и все они разные. В их числе и языки науки, искусства, политики, экономики, спорта. Но ведь когда-то их не было, как не было и письменности, современной техники, лекарств, одежды. Как же все это, включая и искусственный интеллект, появилось? И как это понять, когда мы даже друг друга перестали понимать?

Приведу два-три утверждения, которые представляются мне важными для ответа.

Первое принадлежит известному французскому философу Этьену Жильсону: «Греческие философские учения, сложившиеся под влиянием греческой религии, суть философия необходимости, тогда как философские учения, находящиеся под влиянием христианства, суть философия свободы»³.

Вопрос: каким образом «философия необходимости» превратилась в «философию свободы» и сами будущие научные открытия и технологические изобретения европейской цивилизации повлияли на развитие мировой истории?

Необходимым, как мы знаем из физики, считается такое явление, которое происходит при определенных условиях (например, фазовые

³ Жильсон Э. Философия в Средние века: от истоков патристики до конца XIV века / Пер. с фр.; общ. ред., посл. и прим. С. С. Неретиной. М.: Республика, 2004. С. 8.

Джоана Васконселос (Joana Vasconcelos). Древо жизни. 2023

переходы). А в общественных, межчеловеческих отношениях? В связи с которыми встает второй вопрос: «Где была греческая мысль, когда греки исчезли, а адресат еще не появился?»⁴. Ответ на него самого Мамардашвили: «Впереди понимающей мысли нет ничего другого, она сама “впервые и однажды” завязывает историю»⁵.

А Жильсон, отвечая фактически на им же поставленный вопрос, писал: после того, как христианская религия во II веке вступила в контакт с философией, среди обращенных в христианство появились представители греческой культуры, поверившие в божественное происхождение и в учение Иисуса Христа (а не олимпийских богов). И добавляет, что в этом нет ничего от философии. Так как философия есть знание, обращенное к разуму, а христианство — учение о спасении, и потому оно — религия, которая обращается к человеку и говорит ему о его судьбе: либо для того, чтобы он ей покорился (античная религия), либо для того, что-

*На мой взгляд,
сегодня полагаться,
не задумываясь,
на мозг — то же самое,
что полагаться
на искусственный
интеллект*

бы он ее сотворил, будучи свободным (в случае христианства).

А теперь вернемся к «ценностному отношению» и к человеческому мозгу. То, что обычно считают ценностями, философы предпочитают называть высшими объектами. Например, одним из таких объектов является истина, о которой Платон когда-то говорил, что это неизменное абсолютное свойство идеальных объектов.

А сегодня говорят, что сама истина ни на чем не держится, но держит все остальное благодаря деятельной силе личности и форме, позволяющей реализовать деятельную силу как событие.

Какое отношение это имеет к человеческому мозгу? На мой взгляд, сегодня полагаться, не задумываясь, на мозг — то же самое, что полагаться на искусственный интеллект, не обращая внимания на то, как работает живой мозг. А точнее, наши органы чувств. Их шесть — зрение, слух, восприятие гравитации, обоняние, вкус, осязание, — и они состоят из нервных клеток и вспомогательных структур, которые воспринимают и первично анализируют различные раздражения, получаемые организмом из внешней и внутренней среды, и передают информацию в центральную нервную систему. И эта информация, как об этом говорится в энциклопедических словарях, поступающая в головной мозг от органов чувств, и формирует восприятие человеком окружающего мира и самого себя.

Каким образом? Очевидно впервые в момент естественной сращенности в случае органа слуха *голоса* и *фонемы*. Или, другими словами, в этот момент тайны и одновременно будущей истины звук голоса стал фонемой, а затем словом и речью, а увиденное глазом обрело форму и цвет минимальной смысловозначительной единицы письменности в виде буквы. Так как буква не фонема. Не говоря уже о морфеме — минимальной значимой части слова. В русском языке, например, некоторые буквы (*ь* и *ъ*) вообще не передают никаких фонем, другие в начале слова

⁴ Мамардашвили М. К. Стрела познания. Набросок естественно-исторической гносеологии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 287.

⁵ Там же. С. 286.

и после гласных передают даже по две фонемы (я, ю, ё, е), третьи могут передавать то одну фонему, то другую (например, первое о в слове «корова» передает фонему а, а во втором фонему о). То же самое в английском и французском языках. Например, английское слово «дочь», состоящее из четырех фонем «доте», записывается восемью буквами *daughter*. А в иврите и арабском наоборот — гласные фонемы буквами вообще не обозначаются. Свидетельствуя тем самым о неслучайном появлении разных алфавитов и письменности, математики, физики, лингвистики. Так как в названном сращении, и только в нем, (уже) определено, что мы слышим звук⁶ и, разумеется, продолжаем его слышать, когда говорим, но не обращаем на него внимание, потому что для нас важна речь и ее смысл. И считаем это сознанием, как и создатели искусственного интеллекта, наделяющие сознанием компьютер и забывающие о неудаче создания эсперанто. То есть не обращаем внимания на природу языка, а точнее, на то, что языки разные. Передать эту разность индивидуального живого происхождения ссылками на алгоритмы и структуры данных механически невозможно. Можно выучить стихотворение, прочитать философский текст или запомнить афоризм, но быть поэтом или философом — значит обладать врожденным чувством сращенности живого голоса и живого смысла слов.

*Под мыслью мы обычно
имеем в виду конкретное
слово, а акт жизни
подтверждает, подобно
документу, случившееся
со-бытие*

И отсюда предупреждение философа о том, что «наша мания мыслью заменить акт жизни мешает нам понять происходящее». Почему? Потому что под мыслью, когда мы говорим, мы обычно имеем в виду конкретное слово, а акт жизни подтверждает, подобно документу, случившееся со-бытие. «Жить — разве это не значит как раз желать быть чем-то другим, нежели природа?» — писал Ницше в книге «По ту сторону добра и зла».

Назову три известных слова: «бытие», «весть» и «знание» (они есть и в других языках), важных для ответа на вопрос, что такое сознание, свобода и личность. И добавлю, что к ним можно относиться как к «витаминной добавке» для пожилых людей. А к Школе мы с Леной относимся именно как к *просветительской* добавке для молодых людей.

Все мы граждане по паспорту той или иной страны, и все не раз слышали фразы «случилось событие», «у человека есть совесть», «пришел в сознание». Однако мы повторяем их скорее по привычке, не задумываясь над тем, почему каждое из названных трех слов начинается с приставки «со», то есть значимой части слова, стоящей перед его корнем.

⁶ См.: Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 395.

Ответ на этот вопрос для меня очевиден: понимание того, что человек узнал, начинается с просвещения, поскольку именно свет ума позволяет увидеть полученное знание не только ясно, но и отчетливо. Ясно во время получения профессии и отчетливо уже в зрелом возрасте. Если не забывать о кантовской педагогике.

В сознании упаковано все прошлое и одновременно вечное, уже случившееся однажды. Каким образом? В момент чуда тайны — со-знания, со-бытия, со-вести.

Потому что в слове «сознание», которое не относится, как и два других слова, к материальным предметам, частица «со» указывает на измерение невидимого⁷. Или, другими словами, на факт вербализованного человеком знания в состоянии, подобном озарению, в котором оно получено. Так же, как и в слове «совесть». Но что это за *состояние*, обозначенное

*Моральный поступок
невыводим напрямую
(формально-логически)
из понятия совести,
поскольку иначе было бы
легко совершать
такие поступки*

Декартом как *cogito (мысль)*, явно указывающее на некий первичный и не поддающийся суду метафизический акт, конституирующий человека в качестве *личности* и одновременно выделяющий ее в виде морального феномена в этике и культуре? То есть когда моральный поступок невыводим напрямую (формально-логически) из *понятия* совести, поскольку иначе было бы легко совершать такие поступки. А когда они совершаются, мы

узнаем, что они соответствуют ему. И узнаем об этом не во время суда осуществляющего правосудие.

Так как же это происходит? Ведь люди продолжают совершать нравственные поступки не потому, что соотносят при этом слово «добро» и слово «зло» и думают, что добро обязательно победит зло. Но тем не менее совершают их без каких бы то ни было на это причин, подобно библейскому Иову. Тогда как человек в состоянии недоверия, а тем более агрессии, всегда находит причину. У добра, как и у совести (то есть полученного откуда-то знания — *вести*), нет причин. И поэтому такое знание непередаваемо, поскольку оно не передается механически, сколько бы мы ни повторяли, что нужно «иметь совесть», «жить не по лжи», «перестать грабить и воровать».

Следовательно, понять и описать феномен морального, нравственного поступка (не забывая, что русская нравственность от слова «нрав») можно лишь посредством символических, философских понятий, метафор, парадоксов, художественных образов.

К сказанному добавлю ответ на еще один вопрос: помогает ли нам в таком случае знание о прошлом *понять* настоящее как современное?

⁷ Я уже писал об этом. См.: История учит. Письма о гражданском просвещении и образовании: письмо второе. М.: Московская школа политических исследований, 2013.

Помогает, так как известно, что слово *modern* (новейший, современный) появилось в европейских языках накануне Реформации на фоне кризиса средневековых представлений о человеке и восходит оно к латыни, в которой наречие *modo* означало «как раз теперь», «только что», «здесь и сейчас»⁸. Это понятие общей новизны и образа жизни, отличного, по выражению Бринтона, от образа жизни предков в том смысле, что, переживая прошлое в настоящем, европейцы в то время стали осознать прошлое как современное. Хотя человек всегда, конечно, жил в современную ему эпоху, но не удивлялся этому факту. А гуманисты, открыв античное наследие, удивились и изобрели метафизическое понятие, в свете которого история вместо ее прежнего эсхатологического переживания (о конце света) предстала как вечное настоящее или вечно новое, относящееся, как сказал бы сегодня философ, к области пространственно-временной феноменологии события знания.

«Я знаю, что ничего не знаю, а другие и этого не знают», — отвечал когда-то Сократ своим оппонентам. В этом сосредоточенном желании (поскольку здесь важен акцент на слове «знаю») удержать нечто, что открывается на границе знания о неизвестном, и заключена драма человеческой свободы. И разыгрывается она в зависимости от человеческих способностей и усилий, прилагаемых к творческому созидательному существованию. Это и есть собранность человека в цивилизации, наследующей дух античности и христианской религии.

Гражданское просвещение — «витаминная добавка» к любой профессии. Все мы — читатели, зрители, болельщики, потребители — разные, но мы *граждане*. Это наш школьный девиз: «Все мы — граждане!»

Гражданское общество необходимо государству в качестве свободного и законного оппонента для защиты граждан, когда не работает правовая система из-за отсутствия правовой культуры и адвокатуры. Притом что есть прокуроры, есть слуги. И существует соответствующее гражданское общество, подчиненное государству государственным же властным насилием и террором. Появление же независимого гражданского общества радикально меняет авторитарную государственную систему благодаря созданию двух и более конкурирующих партий, каждая из которых в результате выборов может стать правящей.

*Гражданское просвещение –
«витаминная добавка»
к любой профессии*

*Появление независимого
гражданского общества
радикально меняет
авторитарную
государственную систему*

⁸ Бринтон К. Истоки западного образа мысли / Пер. с англ. В. Франка. М.: Московская школа политических исследований, 2003. С. 62.

Вани Хидаятур Рахман (Vani Hidayatur Rahman). Мыслитель № 3. Построение мирной цивилизации. 2019

Ответственность за поезд надежды

Из опыта собственной жизни я знаю, что есть *вера*, есть *доверие*, а еще есть *убеждение*. В русском языке слово «убеждение» есть и употребляется, а, например, в английском его нет (во всяком случае, в нашем понимании). Между тем в четырехтомном знаменитом словаре Даля убеждению посвящено больше страницы. И в качестве примера приводится, в частности, фраза: «Убедила меня смерть жены».

А «смерть Христа», множественное насилие?..

Убеждает беда. Убеждает трагедия. Ужас 1930-х годов.

И как продолжать жить, когда юристы снова восстанавливают право делать то же и так же, как в сравнительно недавнем прошлом?

В детстве у меня был друг Сережа Островский. В день своего рождения, который я помню, он позвал в гости нас, 7–8-летних, и меня в том числе. Дело было в Восточном Казахстане, в поселке Белоусовка, где папа Сережи был директором рудника. Потом, во время кампании против космополитизма, его арестовали, а что стало с Сережей, я не знаю. Но в

тот день рождения Сережи его отец обратился к сыну и одновременно ко всем нам: «Представьте: вы машинист паровоза. Паровоз большой, 15 вагонов. Вагоны разные. И количество пассажиров тоже разное. В одних по 20 человек, в других больше. В некоторых 30, а в одном 12. Сколько машинисту лет?» И я сказал: «Ему 7 лет!» Отец посмотрел на меня: «Правильно! Сереже сегодня 7 лет. И ты тоже машинист, тебе сколько лет?...»

Может быть, это было первой прививкой личной ответственности за дело, которое делаешь, прививкой не только для меня. Ответственность за поезд надежды, за поезда, которые мы ведем и в которых едут люди.

Почему мы создали Школу? Потому что, видимо, судьба и потому что исповедовали философию свободы.

В 1963 году, когда я уже окончил истфак, именно судьба свела меня с о. Александром Менем, Евгением Барабановым, Владимиром Кормером, Михаилом Меерсоном.

В библиотеке ИНИОН, которая находилась тогда на улице Фрунзе, где я работал после окончания университета, у меня была возможность читать журналы «Большевик», «Новый мир», «Октябрь» и т.д. И в «Большевике» я увидел, что во второй половине 30-х годов на последней странице каждого номера публиковался список репрессированных и приговоренных к расстрелу граждан СССР, а в «Известиях РАН» в начале 1920-х годов в рубрике «Скорбная летопись» — фамилии тоже репрессированных, умерших от голода и болезней в разных городах страны ученых. И мы на наших встречах стали это обсуждать, а затем с Женей Барабановым ходили в Ленинскую библиотеку смотреть российские газеты, выходившие до 1918 года в Москве и Петербурге, и составлять библиографию статей запрещенных при советской власти авторов русской религиозно-философской мысли — Бердяева, Франка, Флоренского, Лосского и других. А также занялись самиздатом книг этих авторов.

А потом произошла моя встреча с Мерабом Мамардашвили, которая сыграла в нашей с Леной жизни, не побоюсь этого сказать, решающую роль.

С одной стороны, богослов и священнослужитель, с другой стороны, философ. Моя лично страсть не к истории как к науке, а к философии истории заставила меня думать.

И когда мы с Леной создавали Школу, мы очень хотели видеть молодых думских депутатов за одним столом с нашими друзьями — послами, журналистами, политиками, юристами, экономистами, чтобы вместе обсуждать российские проблемы.

Так родилась Школа для вас — «машинистов» поездов, которые вы ведете с «витаминной добавкой» в виде гражданского просвещения.

*В «Большевике» во второй
половине 30-х годов на
последней странице каждого
номера публиковался
список репрессированных и
приговоренных к расстрелу
граждан СССР*

Иван Крастев,
глава Центра
либеральных стратегий
(София)

Демографические тренды гражданской активности*

Сегодня многие, как мне кажется, ощущают, что мы живем в эпоху больших перемен, и удивительнее всего даже не направление, в котором все движется, а скорость. Отчасти это напоминает мне 1989–1991 годы, когда события сменялись с такой быстротой, что в пятницу уже не верилось в то, что в понедельник казалось важным. Это очень странный опыт, который есть у людей самых разных политических взглядов.

Людам свойственно искать в прошлом что-то общее с настоящим. Мы спрашиваем себя: не вернулись ли мы, например, в 1930-е? У Spiegel была обложка с вопросом: вернулись ли мы к фашизму? Некоторые вещи действительно вызывают тревогу, и это не только рост ультраправых партий, но и готовность сотрудничать с ними. С другой стороны, есть вещи, которые сильно отличают нынешнее время. Лучшая книга, которую стоит прочитать, чтобы это понять, — своего рода нон-фикшн итальянца Антонио Скурати (*Scurati A. M: Son of the Century*). Роман о Муссолини и его времени. В 1920–1930-е годы европейские общества были молодыми. Когда населению около 20 лет, у него появляется аппетит к революции, аппетит к насилию. В домах престарелых не так часто происходят революции. Так что одно из главных отличий нашего времени — демографический профиль Европы. Европа сейчас намного старше, чем была сто лет назад. И этот фактор, возможно, будет сдерживать определенные процессы, но по этой же причине некоторые желаемые изменения не случатся.

Еще важное отличие: в 1920–1930-е годы почти все молодые люди были бывшими солдатами. Европа выглядела почти так же, как Украина сегодня: либо ты идешь в армию, либо из армии. И большинство бывших солдат из самой вертикальной структуры,

* Выступление на семинаре Школы в Вене 7 октября 2024 г.

армии, попали в некий хаос мирной жизни. Процессы, происходящие сейчас в Европейском союзе, несколько сложнее. По сути, это сочетание поляризации и фрагментации. Такие страны, как, например, Соединенные Штаты, полностью поляризованы. Существуют две Америки, которые борются на каждом выборах. Каждый результат выборов — это смена режима. Похожее положение и в Польше, где поляризация позволяет структурировать политическое пространство.

Но мне хочется поговорить о стране, которая менее известна, — о Болгарии. В октябре 2024 года в Болгарии прошли уже седьмые парламентские выборы за последние три года. Люди голосуют, выбирают парламент, парламент не может избрать правительство, люди снова голосуют. И так семь раз за три года. Неудивительно, что людей голосует все меньше и меньше. Только 30% населения. Когда в голосовании участвует только 30% населения, это означает, что голосуют самые политически активные, самые преданные избиратели разных партий. И они награждают свои партии не столько за то, что те делают, сколько за то, чего они не делают. Это классическая политика идентичности. В результате управлением страны занимаются временные правительства, а люди просто начинают задаваться вопросом: зачем вообще голосовать? Любого рода коалиция начинает выглядеть нелегитимной. А правительства боятся что-либо делать, потому что могут мгновенно потерять поддержку общества.

Вспомните последние парламентские выборы во Франции. Высокая явка, почти 70%. Все ожидали, что ультраправые победят, а они стали третьей партией. Президент Макрон говорит: мы вернулись, мы должны остановить фашизм. Фактически был создан Народный фронт, как в 1930-е годы. Но потом появилось правительство. И оно оказалось не совсем такое, как ожидалось. Потому что крайне левые от центра (в первую очередь по экономическим вопросам) оказались гораздо дальше, чем крайне правые, особенно учитывая огромный государственный долг Франции. Многие говорят о мобилизации против радикалов, фашистов, а мне представляется, что решающее значение для Европы может сыграть та часть населения, которая просто сдалась и не верит, что можно что-то изменить. Эти люди больше не различают партии и боятся мобилизации и последующих ужасов. В результате у власти оказывается не очень жизнеспособное правительство. После каждого выборов политики сообщают, что худший сценарий предотвращен, но никто не понимает, что это значит.

Теперь к третьему отличию. В 1920-х и 1930-х годах с обеих сторон существовали партии, ставящие утопические цели. И у коммунистов, и у нацистов была идея нового человека. Вам может нравиться или не нравиться то, чего они хотели, но это был очень ориентированный на будущее политический проект. Им не нравились люди такими, какие они есть, и у них была идея, как создать другой народ. Новый человек

был критически важен для Муссолини. Новый человек был очень важен для большевистского проекта. Этого нельзя сказать о нынешних ультраправых и популистских партиях. Им нравятся люди такими, какие они есть. В определенном смысле они говорят людям: мы не собираемся вас менять. Делайте что хотите. Одним из основных сильных посылов австрийских ультраправых была борьба за право курить. Они говорили: это ваша свобода. Возникает вопрос: если нет этого проекта, почему

Главная проблема Европы в том, что некоторые общества не просто стареют, но и сокращаются демографически

эта партия привлекает так много людей? И здесь я коснусь того, что, на мой взгляд, тоже очень важно для понимания причин начала российско-украинской войны и, возможно, причин того, чем она закончится.

Главная проблема Европы в том, что некоторые общества не просто стареют, но и сокращаются в демографическом плане. Одна из причин

того, что почти во всей Европе уровень рождаемости намного ниже коэффициента воспроизводства населения, — культурный выбор, экономическое развитие, высокий уровень образования женщин, которые выходят на рынок труда и очень продуктивны. Людей нет. А раз нет людей и есть государство всеобщего благосостояния, значит, нужно открыться для миграции, которая может быть полезной. Но, конечно, тут есть и свой риск. Вот вы живете в своей квартире, никуда не переезжаете, но вокруг вас люди все время меняются, и у вас возникает ощущение, что все не как прежде. Избиратели крайне правых партий — тоже мигранты, они просто хотят вернуться в страну, которой больше нет. И, честно говоря, можно легко понять, почему они этого хотят. Но проблема в том, что уезжать некуда.

Моему сыну 15 лет. Он учится в одной из венских школ, и перед выборами у них проводилась панельная дискуссия с представителями всех политических партий. Один из лидеров ультраправых говорил об этнически однородной Австрии. А проблема этнически однородной Австрии в том, что у 70% венских школьников, которым меньше 14 лет, немецкий не является родным языком. Это не очень заметно в столице, потому что Вена — белый город. Но это очень важно. И еще важно то, что основные изменения произошли за последние два-три года. Был сирийский кризис, был украинский кризис. И общество кардинально поменялось. И многие люди не понимают, как это произошло, не понимают, почему это допустили, и не понимают, кто контролирует ситуацию.

Мне кажется, никто не сможет понять постсоветскую историю, если не будет понимать, что огромное количество людей до сих пор не знает, не понимает, как произошел развал СССР. Мемуары разных людей (и тех, что были у власти, и тех, что были в оппозиции) подтверждают это: они не знают, как это произошло. И человек, для которого этот вопрос был особенно важен, — нынешний президент Российской Федерации.

Очень трудно понять, что происходит в твоей стране в период перемен, когда ты не там (а Владимир Путин не жил в Советском Союзе во время перестройки). Он находился в Германии. Путин покинул страну, которую, по его мнению, хорошо понимал, а вернулся в страну, о которой не имел ни малейшего представления, в том числе откуда она взялась. Отсюда и идея большого заговора и переворота. Вся эта одержимость предательством проистекает из очень личного опыта. Так было со многими людьми.

В 1990-е годы рождаемость в России упала на 39%

И здесь я перехожу к российско-украинскому кризису и прогнозам. Обида на Запад не нова. Главным моментом, когда российская общественность изменила свое отношение к Западу, стал день начала операции в Косово. Именно в этот день 33% россиян изменили свои взгляды с позитивных на негативные. И позже в опросах общественного мнения, конечно, происходило изменение баланса, например, после финансового кризиса 1998 года, когда, по сути, был уничтожен первый российский средний класс. Но тут интересно и важно понимать, что одной из вещей, произошедших в 1990-е годы, был демографический кризис российского общества. В 1990-е годы рождаемость в России упала на 39%. Люди были не уверены в себе. Это были очень бедные годы. Детей рождалось мало. В итоге мы видим президента, серьезно одержимого демографией. Если послушать речи Путина с самого первого дня, то станет ясно, что увеличение численности населения для него было критически важно, потому что в России очень плохие показатели продолжительности жизни. А за полгода до полномасштабной войны в Украине он выступал перед детьми во Владивостоке, где в очередной раз повторил, что если бы не Вторая мировая война, если бы не революция, население России сейчас должно было бы составить 500 миллионов человек. 2017 год стал последним годом, когда Россия имела положительный естественный прирост после целенаправленной политики. С этой точки зрения речь идет о том, что русских недостаточно. А раз русских недостаточно, то, цитируя Соловьева, давайте рассматривать белорусов и украинцев как заколдованных русских. На них наложено заклятие, и это заклятие должно быть разрушено. В результате через три года Россия потеряла не только тех, кто был убит на войне, а целое поколение. Война — это не только убитые и раненые. Это люди, которые не рождаются. Каждый убитый молодой солдат — это, возможно, один или два ребенка, которых не будет. И вот Россия контролирует новые территории, но на них не так много населения. Есть немного стран с худшей демографической ситуацией, чем Россия, и одна из них — Украина.

В конце существования Советского Союза в Украине проживало 52 млн человек. Когда началась война, было около 34–40 млн. По последним подсчетам, под контролем украинского правительства находится

около 26–27 млн. А по данным киевского Института демографии и социальных исследований, в 2051 году в Украине будет проживать около 25 миллионов человек. Это объясняет, почему украинское правительство в начале войны не хотело вербовать молодых людей. Потому что, если они погибнут, у них не родятся дети. А еще есть эмиграция. Если война затянется надолго, многие из уехавших не вернуться. Статистика говорит, что если люди уезжают более чем на три года, их возвращение очень маловероятно. И в результате, с одной стороны, существовал проект по превращению украинцев в русских, который не сработал. С другой стороны, украинское правительство задается вопросом, сколько еще людей может потерять Украина, не потеряв при этом своего будущего. Очень трудно говорить об этом публично. Но это одна из тех вещей, которую правительства будут обсуждать, которая может повлиять на решение, замораживать или не замораживать конфликт и как это сделать. И это же главная причина поддержки ультраправых. Левые очень сильно сосредоточены на изменении климата. Они боятся будущего, в котором не будет жизни на Земле. Кошмар правых — демография. Я из страны, где население сокращается быстрее всего в истории человечества в отсутствие войны или стихийного бедствия. В 1989 году в Болгарии проживало 9 млн человек, сейчас — около 6,5. Вы не можете себе представить, как психологически сложно жить там, где нет детей. Я не говорю о проблемах труда, не говорю о финансах, я говорю о психологии. Возникает ощущение, что вы лишены будущего. И это та среда, в которой ультраправые, по сути, укрепляют свою поддержку. Такая правая версия восстания против вымирания. Не из-за климата, а из-за демографии. Особенно в Восточной Европе, где много маленьких стран. Знаете, какое правительство выдало больше всего разрешений на работу иностранцам в 2018 году? Правительство Венгрии. Если послушать господина Орбана, то легко поверить, что ни один иностранец не будет допущен в страну, но поскольку на деле он хочет индустриализации, он привлекает людей отовсюду. Недавно он заявил, что собирается дать легкие визовые разрешения на работу русским и белорусам. Многие на Западе думают, что это часть его пророссийской политики. Но причина в том, что Орбан предпочитает иметь мигрантов европейских.

Моя главная мысль — насколько сильно демографическая тревога формирует мировую политику. Невозможно ничего понять в израильско-палестинском конфликте, не изучив демографической ситуации арабов и израильтян, религиозных и нерелигиозных евреев. Впервые политика характеризуется депопуляцией, страхом перед ней. В 1930-х годах Гитлер, по сути, хотел колонизировать Украину, потому что, по его мнению, количество немцев должно было так вырасти, что понадобились бы новые земли для их проживания. Теперь в приоритете не территория, а люди. И именно поэтому Китай решил запретить иностранцам усыновлять китайских детей в рамках своей политики «одна семья — один ребенок»,

Йозеф Клибански (Joseph Klibansky). Мыслитель. 2018

которая заставляла многие семьи отказываться от своих детей. И мы должны быть готовы к тому, что в 2040–2050-х годах мир с демографической точки зрения будет выглядеть совершенно иначе. Число людей моложе 25 лет в Африке сегодня превышает число людей моложе 25 лет во всех индустриальных странах, вместе взятых, плюс Китай. И это наша новая реальность.

Но какие-то вещи не меняются. Ненависть к тому, кто не похож на тебя. Нежелание людей терять свои доходы. Стремление простых людей

*Мы должны быть
готовы к тому, что
в 2040–2050-х годах мир
с демографической точки
зрения будет выглядеть
совершенно иначе*

к социальной стабильности. И все эти проблемы подталкивают нас к вопросу: что делать в этой ситуации? Ведь мы сами способствуем успеху ультраправых, проводя неправильные аналогии. Например, полагая, что можно мобилизовать людей, опираясь на воспоминания о Второй ми-

ровой войне. Даже самый травматичный опыт очень сложно передать более чем через три поколения. Для мобилизации нужны люди, которые имеют часть этого опыта. Данные немецких школ за несколько лет показывают, что практически треть учеников считает, что права человека одинаково хорошо защищались и при Гитлере,

и в Федеративной Республике. Потому что для них Гитлер — это древняя история, имя, совершенно оторванное от какого-либо опыта. Да и проблема, на мой взгляд, не в том, чтобы просто мобилизовать своих. Проблема в том, чтобы изменить язык повествования. И работать в этом направлении особенно трудно, когда находишься за пределами своей страны. Я испытываю огромное уважение к людям, которые пытаются изменить страну в момент серьезных потрясений, находясь вне ее пределов. Потому что внезапно слова меняют свое значение. И даже те, с кем вы имеете схожие позиции, говорят о происходящем другими словами. Подводя итог, я призываю всех попробовать посмотреть на ситуацию с точки зрения новизны. Мне кажется, что это важнейшая вещь для работы таких институтов, как Школа.

Дискуссия: вопросы и ответы

Михаил, Свободный университет Берлина: Не могли бы вы более подробно остановиться на разрыве поколений как на одном из аспектов демографической политики? В частности, начиная с недавних выборов в Германии. В некоторых регионах удивительным и тревожным для многих аналитиков фактом стало то, что «Альтернатива для Германии» показала очень хорошие результаты среди молодежи. Можно было бы ожидать, что если это своего рода демографическая тревога и т.д., то именно старики будут голосовать за ультраправых. Отчасти так и произошло, но правые также показали отличные результаты среди молодежи. Известно, что молодые люди склонны к более радикальной политике, чем люди старшего поколения. Но вот в чем вопрос: молодые люди недовольны политическим статус-кво во многих странах, и у них, возможно, есть на то веские причины, ведь средний возраст политика в Германии — 60 с лишним лет. И эти люди очень плохо понимают, как разговаривать с молодыми. Как изменить эту тенденцию? Могут ли мейнстримные партии найти язык, который молодежь примет и поймет? Или это битва, которую невозможно выиграть, потому что молодежь все равно будет бунтовать?

И. Крастев: Замечательный вопрос. Прежде всего, молодое поколение (люди моложе 24 лет) в Западной Европе — это поколение, которое наиболее скептически относится к демократии, гораздо более скептически, чем предыдущее поколение их ровесников.

В политике малочисленность поколения не помогает. Потому что политика — это подсчеты. В 1968 году в политику пришло поколение, которое было радикальным, и оно было настолько большим, что его нельзя было игнорировать. Проблема с молодыми людьми сегодня заключается в том, что их поколение очень малочисленно. Можно выиграть выборы, например, во многих странах Восточной Европы, не получив ни одного голоса от человека моложе 24 лет. И это объясняет причину, по которой вы видите многих из этих молодых людей на улицах, а не у избирательных урн: они уверены, что их политическое влияние не может быть большим. Во-вторых, конечно, есть основные социальные проблемы, и они важны. Жилищный вопрос — один из важнейших. Но есть и раскол среди молодого поколения, который, на мой взгляд, будет еще более травматичным. Это разделение между молодыми мужчинами и молодыми женщинами. Я говорю сейчас о Франции, Германии, Великобритании, США, где молодые женщины и молодые мужчины голосуют по-разному. Молодые женщины смещаются влево, а молодые мужчины — вправо. И на это есть несколько причин. Одна из них заключается в том, что женщины лучше успевают, особенно в школе, в когнитивном плане. И в результате, поскольку мы находимся в экономике, где когнитивные навыки очень важны, они начинают больше зарабатывать. Не больше, чем мужчины, а по сравнению с прошлым. И во-вторых, посмотрите на структуру браков, и вы увидите, что высокообразованная, хорошо зарабатывающая женщина не выйдет замуж за человека, который не учился в университете. Люди с высшим образованием вступают в брак с людьми с высшим образованием, и это одна из причин усиления социального неравенства. И если вы молодой человек без хорошего образования — и это особенно верно для восточных немцев — вы находитесь на дне брачного рынка.

При этом в высшем образовании, в первую очередь в Соединенных Штатах, происходит нечто иное. Потому что на протяжении веков мужчины находились в гораздо более привилегированном положении с точки зрения образования, достаточно посмотреть на процент мужчин, поступающих в университеты. И вот вас на факультете девять мужчин и одна женщина. Даже если вы не очень радикальны, очевидно, что следующее назначение получит женщина, потому что исторический перекося сторону мужчин был слишком силен. Но если вы мужчина, получивший докторскую степень, даже зная про эту историческую закономерность, вы все равно говорите: почему я должен расплачиваться за привилегии предыдущего поколения? И это справедливо даже на уровне компаний. Даже очень успешным белым мужчинам за 50 нелегко попасть в совет директоров важной компании в США, потому что современный мир

диктует необходимость создания хотя бы небольшого разнообразия. И меня как политолога очень интересует вопрос, за кого будут голосовать матери мальчиков через 10 лет. На данный момент они голосуют за свою феминистскую идентичность. Но если они увидят, что на их сыновей оказывается давление, я не знаю, как они будут голосовать.

*Меня как политолога
интересует вопрос,
за кого будут голосовать
матери мальчиков
через 10 лет*

Вообще, говоря о поколении, надо понимать, что оно неоднородно. Некоторые крупные городские центры, по сути, противостоят сельской местности. Плохие районы — благополучным. Если в вашем районе люди имеют привычку выяснять отношения, стреляя, вы вряд ли окажетесь в центре. Так

что я считаю, что поляризация будет происходить не только между поколениями, но и внутри поколений. И, скорее всего, вы увидите значительное перераспределение богатства. Я родился в 1965 году, так что я, вероятно, последний из беби-бумеров. Мое послевоенное поколение многое выиграло: смогло обзавестись домами, сбережениями и так далее. И наши дети унаследуют довольно много. А большинство мигрантов не получают наследства. Это и будет главным различием между ними и местными жителями. Как почувствовать, что вы иностранец в стране, даже если вы хорошо знаете язык и интегрированы? Однажды вам говорят: «Мы не можем встретиться в выходные, мне нужно увидеться с родственниками». Ведь чего у вас нет в новой стране, так это родственников. Так что подобные изменения, в том числе на уровне семьи, очень важны. У каждой революции есть один главный враг, и это семья. Потому что семья — это враг любой большой эгалитарной утопии. Самое трудное в мире — любить всех детей так же, как своих.

Кстати, вернемся к большевистской революции. В 1920-е годы советское законодательство о семье было одним из самых либеральных. А в конце 1920-х — начале 1930-х годов Советский Союз оказался с одним из самых консервативных семейных законодательств. Почему? Причина в сиротах. Из-за революции, из-за Гражданской войны, из-за Первой мировой войны в Советском Союзе остались миллионы сирот. И государственная политика, начавшаяся с идеи свободной любви, закончилась очень строгим семейным законодательством. Я считаю, что это у нас впереди. Когда люди говорят, что Путин, а также крайне правые лидеры в России, преследуя ЛГБТ или третируя бездетные семьи, занимаются пиаром, они ошибаются. Это неправда. Дело не в ненависти, мы знаем довольно много геев, занимающих высокие посты во власти. Но есть ощущение, что все меняется и естественный порядок вещей под вопросом. Я верю, что для таких людей, как Путин, тот факт, что сын может стать дочерью, настолько страшен, что это не просто пиар и политический мотив. Он воспринимает это как апокалипсис, как конец света. Это подталкивает его к радикальной политике.

Технологии также сильно меняют общество. Вы вряд ли можете себе представить, какое влияние оказывают социальные сети на молодое поколение. Я еще раз приведу некоторые американские данные о самоубийствах. Раньше, по статистике, девушки совершали больше попыток самоубийства, чем мужчины, но юноши были более успешны. Сейчас с появлением социальных сетей в Соединенных Штатах в три раза увеличилось число успешных суицидальных попыток среди девушек 14–19 лет. Социальные сети оказывают сильнейшее давление на девочек, устраивая тотальное соревнование, кто красивее. И когда мы говорим о политике, мы должны все это помнить. Это и есть политика.

И последнее — определенный тип потребительской практики. Я всегда был одержим решением большого шопинга, например, больших модных магазинов, где можно купить что-то, а через 24 или 48 часов вернуть обратно и получить что-то другое. Это определенным образом воспитывает поколение, для которого отсутствие выбора — это окончательный выбор. А теперь вы каждый раз принимаете решение заново. Ничто не является окончательным. Вы знаете, что количество разводов в браках по расчету гораздо ниже, чем в любых других браках? Во-первых, это связано с социальной структурой общества, которое соглашается на это, а во-вторых, если ваши родители решили за вас, то вы, по крайней мере, не вините себя за то, что были идиотом, выбрав этого человека. Все эти культурные практики меняют отношение людей к политике. Например, немецкие «зеленые» столкнулись с тем, что у них был мандат на изменение мира, и все радовались, что они собираются это сделать. Но когда они попросили людей поменять свои бойлеры, они получили ответ: «У вас есть мандат на изменение мира, но не моего образа жизни. Не трогайте меня». И в этой новой реальности, пытаясь понять, что происходит, мы должны помнить, что культурные практики очень сильно изменились. Мы не вернулись в 1930-е годы, но это не значит, что все будет лучше, чем в 1930-е.

Пытаясь понять, что происходит, мы должны помнить, что культурные практики очень сильно изменились

Михаил Минаков, *Институт Кеннана при Международном научном центре им. Вудро Вильсона*: Вы ответили на два первых вопроса с точки зрения биополитики: как биополитический аргумент работает для предсказания изменения Европы, Евросоюза и так далее. Но давайте посмотрим на другую сторону нашего глобуса и обратимся к некрополитическому аргументу. То есть к войне. Как война влияет на Европейский союз? Я перечислю несколько вещей, которые я вижу. Недавно у нас была встреча украинских экспертов с членами новой комиссии. В наших рядах были два украинских юриста-международника высочайшего уровня, которые продвигали идею, что членство должно даваться через войну. Таким образом, концепция членства через войну становится

чем-то, чего никто из членов комиссии фактически не отрицал. Или еще один аргумент, который был поднят, — как Европейский союз, Европейская комиссия влияют на стремящиеся к членству страны с точки зрения соблюдения их конституций. И речь не только об Украине, посмотрите на Грузию и Молдову. И последнее: Ричард Янгс в одной из своих книг о Европе, различных видах европеизации говорит о Европейском союзе, который становится либо нейтральным, либо даже негативным с точки зрения поддержки либеральной демократии и стремящихся к ней стран. Так что же это — эффект войны, оказываемый на ЕС, на демократию, или союз демократий в состоянии войны?

Абы, демограф: Я пишу докторскую в Высшей школе социальных наук в Париже, окончил «Вышку» по демографии. И простите, если буду говорить какие-то технические вещи. У меня больше не вопрос, а комментарий. Два аспекта. Я с вами во всем согласен, но политики совершают две принципиальные ошибки, повторяющиеся уже на протяжении века, в том, что касается демографии. Во-первых, они всегда верят в прогнозы. Если мы откроем ооновские прогнозы до 2100 года, мы увидим там катастрофический рост Конго и других стран. Но правда в том, что демографы всегда ошибаются в своих прогнозах. И я вам приведу пример: в Советском Союзе в 80-е годы был прогноз численности населения СССР до 2000 года с цифрой 350 млн. Этот прогноз делал ЦСУ, официальный статистический орган. И известный демограф Виктор Переведенцев задал вопрос сотруднику ЦСУ: «У всех, по расчетам, получается 290 или 300 миллионов, откуда у вас 350?» Сотрудник ответил: «У тех республик, где высокая рождаемость, мы оставили, а у тех, у кого низкая, мы чуть-чуть подняли». Переведенцев спросил почему. Сотрудник: «А что, вы не верите, что при коммунистическом типе воспроизводства население будет увеличиваться?»

Первая ошибка — чрезмерная вера в такого типа прогнозы. Вторая. Сегодня политики стимулируют рождаемость разными методами. У российских политиков своя логика: в 2020 году Путин ввел материнский капитал на первого ребенка. Логика в том, что если вы родили первого ребенка, значит, родите и второго. А в реальности каждое поколение рождает меньше, чем последующее. История с чайлдфри. Дело не в том, что Путин за традиционные ценности, хотя и это тоже. У нас 10% бездетных, говорит Путин, не понимая, что главный фактор бездетности — не чайлдфри, не осознанная бездетность, а неудавшаяся личная жизнь, о чем говорят западные исследования моих коллег. Недавно — кажется, это уже во время войны — Песков, отвечая на вопрос про демографию, сказал, что демография — это, наверное, единственная проблема, которую они не могут решить. Но на это мало кто обратил внимание. И сейчас многие говорят о том, что сегодняшняя война с Украиной и предыдущие события — это в том числе расширение демографического пространства. Путин не может решить проблему с помощью демполитики и использует

такой метод — притянуть территорию. Но проблема-то в том, что молодые оттуда уезжают, остаются старики.

И. Крастев: То, что прогнозы неверны, не значит, что они не будут формировать политику. Будущее — это больше не проект. Это прогнозы. И демографический прогноз — один из них. И, кстати, необязательно, что они идеологически неверны, потому что это экстраполяция. И вы экстраполируете, по сути, на предыдущий тип данных, который сильно изменится. Вы можете видеть, что во всех странах демографический переход гораздо более универсален, чем демократический, и некоторые вещи очень хорошо изучены. С точки зрения такого человека, как Путин, происходящее не просто естественный процесс, а результат культурной войны против России. Потому

*Будущее – это больше
не проект. Это прогнозы*

что они не могут понять, почему люди рожают или не рожают. Если вы считаете, что все дело в социальных стимулах, например, в детских садах, в том, как платят людям, в уважении к женщине в семье, то вы никогда не поймете, почему в такой стране, как Финляндия, такая низкая рождаемость. Сейчас в Финляндии катастрофические показатели рождаемости. И это страна, в которой эгалитарное общество, в которой уважают женщин и проводится очень щедрая социальная политика.

Известно одно исследование, в котором приняли участие две группы белых американцев. Одной из них показали демографические прогнозы, согласно которым в 2044 году в Америке не останется белого большинства. Что, конечно, полная чушь, определение «белый» постоянно пересматривается. В 1880 году Болгария и Соединенные Штаты не были белыми. И евреи не были белыми. И ирландцы не были белыми. И греки не были белыми. Но в 1920-х годах они стали белыми. Так что латиноамериканцев можно классифицировать совершенно по-разному, и в итоге вы по-

*Европейский союз начинался
как мирный проект, главной
целью которого было сделать
войну немыслимой*

лучите совершенно разную демографию, основанную не только на идее того, что происходит, но и на том, как люди определяют себя. Так вот, те американцы, которые посмотрели демографические прогнозы, оказались более консервативными в своем политическом выборе, более жесткими в отношении миграции, потому что это условное большинство увидело себя в будущем как этническое меньшинство. Для меня политика демографического воображения, а не политика демографии — вот что действительно важно.

И есть еще идея войны. Европейский союз в данный момент является жертвой своего успеха. Потому что Европейский союз, по сути, начинался как мирный проект, главной целью которого было сделать войну немыслимой. Российско-украинская война бросила вызов ЕС на четырех уровнях. Первый — идея о том, что экономическая взаимозависимость

является основным источником безопасности, была универсальным подходом Европейского союза. Экономическая взаимозависимость означает, что мы будем покупать у вас так много, что вы никогда не осмелитесь начать войну против нас, потому что это уничтожит вас экономически. И это не сработало. Второй — Европа, по сути, делегировала свою военную безопасность Соединенным Штатам. На мой взгляд, настоящим скандалом стал не «Северный поток — 2», который всегда можно либо остановить, либо взорвать, а то, что военные бюджеты Европейского союза не сдвинулись с места после Крыма. Это то, за что правительство должно нести реальную ответственность. И в результате, когда началась война, Европейский союз обнаружил, что у него нет мощностей. Даже сегодня Россия превосходит по производству боеприпасов США и Евросоюз, вместе взятые. Россия перешла к военной экономике, а Европейский союз не смог этого сделать. Дело не в бюджетах. Генералы говорили, что бюджеты не ведут войны. И они правы, войны ведут люди. Но, например, в такой стране, как Германия, немецкие офицеры ходили

Изабель и Альфредо Аквиллан (Isabel and Alfredo Aquilizan). Отражения/Жилища. 2025

на работу в гражданском, потому что немецкой публике не нравилось видеть людей в форме. А сейчас, по сути, нужно набирать рекрутов. Третий уровень — это идея постгероического общества. Война в Украине и то, что сделали украинцы, показывают, что если у вас нет героев, то у вас нет шансов. Мы видели пример самопожертвования всех этих людей, которые в первые недели войны пошли добровольцами, по сути, на смерть. Это то, что позволяет выжить или не выжить. И Европейский союз в корне меняется, в том числе в культурном плане, чтобы переоценить роль национализма. И это очень заметно в таких странах, как Польша. Думаю, и в Скандинавских странах.

Четвертый — это то, что мы в определенном смысле совершенно не готовы. Реакция Европы на любую крупную военную ситуацию напоминает мне старый фильм «Будучи там», где парень почти весь день смотрел телевизор. Когда на него напали на улице, он попытался нажать на пульт дистанционного управления, хотел переключить канал. И это то, что делает Европа. Так что с этой точки зрения Украина не может быть

интегрирована в Европейский союз в том виде, в котором она находится сейчас. Но и Европейский союз в его нынешнем виде, вероятно, не выживет. Возможно, интеграция Украины станет причиной трансформации Европейского союза в сторону военного союза. Речь идет о консолидации политического пространства. Даже если Украина будет интегрирована лишь на время, я не вижу, как будет тогда реализовываться сельскохозяйственная политика Европейского союза. Произойдет ли это? Мы все время говорим о расширении, как будто Украина будет присоединена так же, как Румыния или Чехия. Это фантазия. Мы должны изменить язык повествования. Потому что, если мы не изменим язык, у людей возникнет ощущение, что элиты ничего не понимают. Один из

*Трудно справиться
с недовольством избирателей,
если мыслить только
политическими категориями*

моих кошмаров заключается в следующем: позволить рядовому избирателю послушать три часа какой-нибудь из конференций, которые организует Европейский союз по этому вопросу. Рядовой избиратель решит, что его

лидеры ничего не понимают. Конечно, лидеры все понимают, но они говорят на другом языке. Людям нужна уверенность, ощущение, что правительство контролирует ситуацию. Если у них не будет этого чувства, политика правительства провалится. Европейский союз ждет серьезная проблема, потому что Брюссель не видит избирателей. Очень трудно справиться с недовольством избирателей, если мыслить только политическими категориями.

Дарья Вагнер, Дания: По поводу упомянутых вами культурных изменений. В Швеции проживает огромное количество бывших болгар, как и в Дании. В связи с вступлением Швеции в НАТО были проведены некоторые замеры общественного мнения. И оказалось, что болгарская диаспора в Швеции огромна, и она против вступления в НАТО, и она пропутинская. Молодые люди, которые родились и выросли в Швеции, но у которых родители болгары, придерживаются таких взглядов. И они не смотрят национальные каналы, они смотрят российские пропагандистские каналы на русском языке у себя дома. У вас есть идеи, как это произошло и что с этим делать?

И. Крастев: Есть две причины. Одна связана с самой Болгарией, другая — с миграцией. Посмотрите на старые карты, на границы старых империй, досоветских стран, которые были частью Российской империи, — Финляндии, стран Балтии, Польши, даже Скандинавии. Они воспринимают войну в Украине как свою войну, и солидарность с Украиной там очень сильна. А вот в странах Османской империи — у болгар, сербов, греков — поддержка России гораздо выше. Почему? Болгарский национализм традиционно был антитурецким, а не антирусским. Кроме того, Болгария была очень хорошо интегрирована в советский блок. Это

была одна из стран, на территории которой не было советских войск. А еще, конечно, с годами возникла определенная культурная близость, связанная с тем, что, по мнению болгар, Болгария важна и для Советов, и для Запада.

Но есть ли более глубокая причина? Путин — противоречивая фигура, в нем много антиамериканизма и антизападных настроений. И здесь возникает проблема с иммиграцией. Первое поколение очень счастливо, они приехали. А вот второе начинает задумываться о том, чего ему не хватает. Не забывайте, что второе поколение мигрантов — это основная база любого фундаментализма, любого типа террористических групп и так далее. И вот они протестуют против своего положения в шведском обществе, занимая определенную позицию. Большинство из этих людей никогда не были в России. И поверьте мне, они не проживут там и недели. Но для них Россия — это своего рода альтернатива, в которой они видят то, чего им не хватает, видят там себя в лучшем положении. Такое есть и в Болгарии, и во многих других местах. Кстати, Восточная Германия, на мой взгляд, тоже к этому идет, потому что это не столько пророссийская позиция, сколько недовольство тем, как с ними обошлись: они считают, что их колонизировала Западная Германия, так что этот дискурс очень быстро переходит в пророссийский. И плюс к этому путинская пропаганда работает профессионально, замечая, что цепляет людей.

Руслан, Германия: На сегодняшний день помимо тех нарративов, которые мы обсуждаем, — чайлдфри, анти-ЛГБТ — путинская пропаганда насаждает идею того, что жители России — не россияне, как было принято говорить в 90-е годы, а русские. На этом фоне, опять же, усиливаются национальные движения на местах, которые считают, что антиколониальная повестка должна стать во главе угла поствоенного устройства той территории, которую мы сегодня знаем как Россия. Более того, я замечаю, что люди, еще вчера настроенные на модель прекрасной России будущего, именно единой, неделимой России, постепенно пересматривают свои позиции, поскольку идея, что Россия всякий раз возвращается на исходные позиции тоталитаризма и диктатуры, набирает популярность. Вопрос такой: что вы думаете по этому поводу? Является ли Россия недораспавшейся империей и должна распасться до конца, или все-таки есть шансы перейти к новому этапу, сохранив нынешние границы?

И. Крастев: Помните ли вы, что в СССР была одна республика, в которой не было национальной коммунистической партии? Это была Россия, республика, в которой не было национального правительства. Почему? Потому что СССР позволял всем при желании стать русскими на основе культуры, на основе языка. Но в результате у русских не было того типа этнической идентичности, который был в большинстве республик. Путин, который вышел из советской среды, увидел это, и идея, что русские подвергались тотальной дискриминации и т.д., была принята путинской

элитой не как пропагандистская история, а просто как история. На мой взгляд, самую важную свою речь Путин произнес за два дня до начала войны, 22 февраля, когда он объявил о признании независимости Луганской и Донецкой республик. Почитайте эту речь. Это не речь советского полковника. Это речь белого генерала. Смысл ее такой: Россия не собирается быть классической империей. Мы теперь национальное государство. И появятся русские этнические нации. Вот почему так важно сохранить славянское ядро достаточно большим. Белорусы и украинцы кардинально отличаются от всех остальных народов, потому что они к нам культурно гораздо ближе, и мы можем интегрироваться совершенно по-другому.

И, кстати, есть еще одна вещь, которая, скорее всего, повлияла на такую позицию Путина. Если вы посмотрите переписи 2010, 2020 годов, то увидите две очень интересные цифры. Количество людей, объявивших себя украинцами или белорусами, резко сократилось. Неожиданно многие из них стали считать себя русскими. Отчасти это объясняется

войной, особенно для украинцев, но белорусы почему? Так что идея о том, что можно легко ассимилировать культурно схожих людей и они создадут этническую нацию, на мой взгляд, важна.

Что касается распада России, честно говоря, я считаю, что со стороны Запада было неправильным объявлять это це-

*Является ли Россия
недораспавшейся империей
и должна распасться до
конца, или есть шансы
перейти к новому этапу?*

лью войны. Если вы защищаете территориальную целостность Украины, не нужно рассказывать о том, как вы собираетесь дезинтегрировать другую страну, потому что, нравится вам это или нет, это создает вашу главную политическую проблему. Кроме того, этот процесс очень трудно определить, потому что некоторые из республик, о которых вы говорите, маленькие автономные области. Некоторые большие, например, Татарстан, но географически расположены так, что классическая дезинтеграция очень маловероятна. И в конце концов, важно еще и то, что будет с Россией в политическом плане. Я знаю одно — и это верно для Европейского союза, это было верно для Советского Союза — империи не распадаются с периферии. Распад — это восстание центра. Именно Россия развалила Советский Союз. Со странами Балтии другая история, потому что, если быть честным, для Запада они никогда официально не были частью Советского Союза. И идентичность их была другого типа.

Конечно, для Путина вопрос территории и сохранения целостности страны в целом стал навязчивой идеей. Но мы не знаем следующих лидеров, которые придут после него. Я не исключаю, что после войны у нас будет российский лидер, который скажет: я могу сделать то-то и то-то, мы хотим гораздо больше этнической однородности и тому подобных вещей. Кстати, даже сейчас Россия гораздо более этнически однородна, чем когда-либо был Советский Союз.

И еще: империи всегда распадаются, но не забывайте, что империи в том или ином виде всегда странным образом возвращаются. Австро-Венгрия — отличный тому пример. Посмотрите на Вену — это очень богатый город. И невозможно поверить, что в 1920-х годах в Вене от голода умирало 1000 человек в неделю. Потому что Вена была большим городом, имперским городом, но Австрия была отрезана от внутренних районов. Так что все сельскохозяйственные или промышленные земли были отрезаны. Очень важно, что сильные националистические движения часто являются не причиной распада империи, а продуктом распада империи. И с этой точки зрения советский пример действительно интересен. Распад любой империи — это еще и очень тяжелый с психологической точки зрения момент. Особенно в случае военного поражения. Военные поражения не удерживают империи от распада. В какой степени на это влияет тот факт, что Россия — ядерная держава? Не знаю. В чем я действительно убежден, так это в том, что Запад не должен говорить о дезинтеграции Российской Федерации как о цели, потому что это очень тонкий момент не только с юридической, но и с политической точки зрения.

Участник: У меня короткий вопрос: функционирование Европейского союза в свете войны России против Украины. Есть ряд случаев, когда правило большинства голосов мешает принятию решений. Но, согласно Конституции Европейского союза, для расширения сотрудничества возможно создание «коалиции желающих». Почему позволяют Орбану и компании тормозить то, что необходимо сделать?

И. Крастев: Это замечательный вопрос. Для Европейского союза социальная сплоченность крайне важна. Особенно для Европейской комиссии, потому что она может функционировать и осуществлять власть только в том случае, если есть эта сплоченность. Если же есть «коалиция желающих», то решение определенных вопросов остается за национальными правительствами. И поддержка такого рода продвинутых региональных и прочих альянсов не в интересах Еврокомиссии. Это ограничивает ее власть. И тут появляется Орбан. У него есть привычка каждое лето произносить историческую речь. Он всегда делает это в венгерской части Румынии, что также является типичной историей Европейского союза. Я говорю это с иронией, но, честно говоря, он действительно превосходит всех по части провидческих речей, и их нужно читать внимательно. Так вот, в июле этого года он произнес такую речь. Орбан, по сути, сказал, что результатом войны в Украине является то, что Запад находится в упадке, особенно это касается экономики. Так какой же должна быть венгерская стратегия? Венгерская стратегия заключается в следующем:

*Европейская комиссия
может осуществлять власть
только в том случае,
если есть сплоченность*

Европейский союз должен существовать, особенно как экономическая единица. И еще потому, что если Европейского союза не будет, то Венгрия не будет иметь ни малейшего значения. Но роль Венгрии в том, чтобы стать воротами, через которые китайцы (отчасти и русские, но если быть честным, именно китайцы) придут в Европу. Мы занимаемся тем, что передаем Европейский союз китайцам, и это будет тем, что сделает нас значимыми. И еще нам нравится Дональд Трамп именно потому, что он не слишком заботится о Европе. Дональд Трамп позволит нам стать независимыми от Соединенных Штатов и проводить особую политику в отношении Китая. А кто является самой большой проблемой в Европе? Польша. Потому что Дональд Туск сказал, что национальные интересы Польши заключаются в том, чтобы удержать Америку в Европе, удерживать Америку между Германией и Россией.

Я говорю об этом потому, что ни одна из стран Европы, даже Германия, не может представить себе возвращение к национальному государству как благо для своего развития. Но все они начинают задаваться вопросом: как можно использовать слабые стороны Европейского союза? Есть ряд стран, которые не ощущают общей угрозы безопасности со стороны России и готовы блокировать любой толчок к большей политической интеграции. Это Австрия, Чехия, Словакия, а также в некоторой степени Италия. Так что если у нас будет блок этих стран, то у нас будет блокирующее большинство. И именно поэтому, кстати, Венгрия больше всего настаивает на интеграции Западных Балкан, потому что ей нужны союзники, голосующие так же. Я думаю, что мы вступим в период, когда страны начнут подстраховываться. Никто не хочет, чтобы Европейский союз распался или даже раздробился, но мы должны быть готовы к тому, что это произойдет, и вести себя так, как будто это может случиться. Даже такие страны, как Польша и Швеция, не могут быть довольны тем, как Европейский союз реагирует на войну в России, потому что у них есть серьезные проблемы с безопасностью, и они видят, что происходит, особенно в оборонном секторе. В результате этого части Севера станут гораздо ближе друг к другу. Юг же больше волнует миграция, особенно миграция из Африки и Ближнего Востока. И в итоге мы получим Европейский союз, который по своему политическому функционированию, угрозам и прочему будет сильно отличаться от того, который мы знаем. Будет ли проводиться промышленная политика на национальном или на континентальном уровне? Это самый большой вопрос к немцам. Будут ли они также платить за промышленную политику французов? Мне кажется, это уже вопрос другого типа. Так что главный вопрос: как должен измениться Европейский союз, чтобы сделать возможным вступление в него такой страны, как Украина, если вы действительно верите, что это должно произойти?

Суд над невообразимым*

Нюрнберг — символ наказуемости зла. Нюрнберг — предмет исторических спекуляций и даже строка в Уголовном кодексе РФ, хотя, как сказал один историк, за «отрицание фактов», установленных Международным военным трибуналом, надо госпитализировать, и еще поди найди таких людей. Другое дело — стоящее рядом и наказуемое «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, совершенные публично», неопределенно сформулированное и радикально снижающее возможности исторической науки и исторического образования.

Нюрнберг — международное достижение, образец самой возможности сотрудничества разных стран. И в то же время он по-своему «приватизирован» российской властью.

Нюрнберг изучен, описан, опубликован и в то же время не понят, не прочтен, не осмыслен. Потому и его трактовка может быть монополизирована, а значение и смысл искажены.

Нюрнберг полон исторических параллелей. Внутри его сюжета есть тайны. Нюрнбергский трибунал не принял советскую версию о том, что в Катынском лесу весной 1940 года поляков убили немцы. До сих пор остаются неясными причины смерти одного из советских обвинителей в Нюрнберге, заместителя прокурора Николая Зори, который, возможно, узнал правду о Катыни и с кем-то слишком интенсивно обсуждал эту тему. Почему и погиб от «неосторожного обращения с оружием» и спешно был похоронен там же, в Германии.

Нюрнберг — понятие более широкое, чем то, что известно (а теперь забыто даже и это) по советским популярным источникам. Это, например, и процессы по делам нацистских судей, принявших репрессивное

Андрей Колесников,
обозреватель «Новой
газеты»

* «Новая газета. Журнал». 22 марта 2025 г. <https://novayagazeta.ru/articles/2025/03/22/sud-nad-nevoobrazimym>

право как должное. В московском РАМТе до сих пор идет спектакль Алексея Бородина «Нюрнберг» по пьесе Эбби Манна о «малом» Нюрнбергском процессе.

Нюрнберг — символ банальности зла и возможности вовлечения в него миллионов людей, выбравших послушание как модель выживания и превратившихся в фанатиков, убедивших себя в осмысленности бес-

*Нюрнберг – понятие
более широкое, чем то,
что известно по советским
популярным источникам*

смысленных лозунгов. И символ его небанальности, когда на скамье подсудимых оказываются люди-упыри. Символ тупой простоты. И изощренной сложности, хитрости самооправдания и даже анализа происходящего. Это ведь Шпеер уже в сво-

ем последнем слове на Нюрнбергском процессе сказал: «С помощью таких технических средств, как радио и громкоговорители, у восьмидесяти миллионов людей было отнято самостоятельное мышление».

С душою гейдельбергской

Нюрнберг — это и символ попыток ухода от ответственности. Ялмар Шахт был освобожден Нюрнбергским трибуналом. Но в 1947 году арестован в рамках денацификации. А в 1948-м снова оправдан.

После Нюрнберга было множество процедур в рамках денацификации и «малых» Нюрнбергских процессов. Соучастниками были судьи, медики, учителя, профессора университетов. В рамках концепта коллективно-индивидуальной вины, но не коллективной ответственности с этим разбиралась тяжело и долго, с отступлениями и болезненными возвращениями к теме сама временно оккупированная нация.

Соучастие определялось по четырем категориям, низшую и самую «мягкую» из которых можно назвать «попутчик». Такое клеймо имел в течение некоторого времени философ Мартин Хайдеггер. Правоведу Карлу Шмитту всего лишь запретили преподавать. Множество представителей нацистской профессуры могли быть арестованы, получить высший статус соучастников, но затем судебным путем добиться облегчения участи, снижения статуса до низшего, а потом и вовсе вернуться к преподаванию в тех же университетах, которые они тиранили и чистили, и скончаться в почете и покое. Например, к концу 1950-х на философский факультет Гейдельбергского университета, как писала в книге «Философы Гитлера» исследовательница Ивон Шерратт, вернулись практически все нацистские профессора.

Еврейский лингвист Макс Вайнрайх тогда же, когда шел Нюрнбергский процесс, инициировал титаническую работу группы своих сподвижников, которые собирали доказательства соучастия нацистских ученых в преступлениях против человечности. Только имена инженеров, проектировавших газовые камеры и печи, остались неизвестными, констатировал по окончании работы Вайнрайх. Но результаты трудов его группы были проигнорированы.

Служащие Армии США со свидетельствами, собранными для Нюрнбергского процесса. 1945

Те, кто был на скамье подсудимых, понимали, что они делали. Приравняли себя и свою жизнь к жизни немецкого народа. Прикрывались им, как щитом, даже в своих последних словах в Нюрнберге, апеллируя к «многовековой истории» (как, например, Гесс).

Как писала Ханна Арендт в «Истоках тоталитаризма», Геббельс задолго до окончательного поражения нацистской Германии заявлял «с очевидным наслаждением, что, проиграв войну, нацисты сумеют, уходя, так хлопнуть дверью, что их не забудут вовеки». Если поражение терпят немецкие нацисты, то пусть сгинет и Германия, и ее народ, и по возможности весь мир.

Потусторонние встречи

Они понимали, что делали, и это выдавал их язык, их аморальность, возведенная в ранг морали, их произвол и насилие, выступавшие в квазиправовой форме.

Есть такая удивительная книга, совершенно забытая сегодня, — «Потусторонние встречи» поэта и переводчика с немецкого Льва Гинзбурга. Книгу о встречах в конце 1960-х автора с нацистами успел опубликовать Александр Твардовский в 1969-м в «Новом мире». Отдельного издания не получилось — по потрясающей работе Гинзбурга, показавшего

сходство всех тоталитарных режимов через тоталитарное сознание и практики его собеседников (включая Шпеера и Шахта), ударила «Правда», набор книги был рассыпан.

Одна из бесед — с секретаршей Гитлера Траудль (Гертрауд) Юнге. И пикантность не в том, что она не чувствовала за собой никакой вины (это уже банально), а в том, как реалистично оценивала поведение вертушки режима. Гитлер, говорила она, «реальной жизни по-настоящему не знал. Он ни разу не видел ни одного разрушенного города... Он жил в мире иллюзий... Положение внутри страны изображалось крайне оптимистически: и в сводках, поступавших к фюреру снизу, и в его собственных приказах и выступлениях... Это же правило — избегать неприятных моментов — касалось и лагерей».

И вот самый потрясающий фрагмент, описывающий заведомо циничный, но строго соблюдаемый в декорациях «морали» самообман: «Отчетливо помню, как Гиммлер в моем присутствии докладывал Гитлеру о положении в лагерях, кажется, в Освенциме: сколько калорий получает

Есть удивительная книга, совершенно забытая сегодня, — «Пустоторонние встречи» Льва Гинзбурга о встречах в конце 1960-х автора с нацистами

заключенный, как поставлена система «трудового перевоспитания». Ни о каких газовых камерах, конечно, не упоминалось. Гиммлер тогда рассказывал, что какой-то узник пытался поджечь барак: «Что бы вы думали, мой фюрер, как мы поступили с несчастным? Мы назначили его ответ-

ственным за противопожарную охрану всего блока! С тех пор благодаря оказанному ему доверию он стал совершенно иным человеком и близок к исправлению».

Исправлению! Точно такой же психологический механизм действует, когда тоталитарные режимы вынуждают огромные массы людей подчиняться, имитировать согласие, убеждать себя в том, что их поведение нормально и нравственно. Лев Гинзбург комментирует: преступники поддерживали в себе уверенность, что «они не только не совершают ничего преступного, а, напротив, действуют в полном соответствии с обычной, общепринятой нравственностью».

Отсюда уклончивость и обман языка, пишет Гинзбург: вместо «расстрел», «удушение», «повешение» — «переселение», «особое обращение», «окончательное решение вопроса».

Это такая «нравственность», это такие отмазки: да, евреев уничтожали, но насколько асимметричным был ответ, когда сотни тысяч немцев гибли в результате бомбардировок союзников: сами, мол, хороши... На Нюрнбергском процессе Ширах признавал: «Моя вина заключается в том, что я воспитал молодежь для человека, который был убийцей». Значит, понимал, что делал, но «воспитывал». Но при этом не виноват. Убийца — другой, сам правитель.

Фриц Браун, отец Евы Браун, подруги Гитлера, вступил в партию, как писал Гинзбург, повинувшись скорее общему течению: «...миллионы немцев во избежание неприятностей и в ожидании кое-каких льгот механически вступали в партию, платили членские взносы, носили партийные значки». Гинзбург называет их, включая представителей семьи Браун, «говорящими молчальниками»: «...каждый из молчальников обязан был говорить, выступать на собраниях, демонстрируя свою безусловную солидарность с фюрером». Сдача и гибель массового человека. Подчиненные превращаются в соучастников.

Вина и ответственность

Нюрнберг, то есть Нюрнберг в широком смысле как процесс, растянувшийся на годы и настигавший преступников и через много лет, решал вопрос вины конкретных соучастников режима, но не мог решить проблему коллективной вины и коллективной ответственности. В 1990-е российская власть совершила жалкую по форме и нелепую по результату осечку, начав суд против КПСС, притом что весь СССР и был КПСС. Как были ею и многочисленные жители новой Российской Федерации. Если уж стоило кого-то судить или люстрировать, так это тайную полицию или людей, принимавших конкретные решения, имевшие тяжелые последствия для граждан и страны.

Но для этого нужно было работать не на публику, а всерьез, как и по-настоящему открывать архивы.

Суд не должен был быть обличающей запальчивой публицистикой. Это был суд победителей (в этом сходство с Нюрнбергским процессом), но и, получается, суд над самими собой. Чего в планы тогдашней власти, разумеется, не входило.

В послесловии 1963 года к своему курсу лекций 1945–1946 годов под названием «Вопрос о виновности» Карл Ясперс разбирается в своем отношении к Нюрнбергскому трибуналу. Когда шел процесс, писал Ясперс, казалось, что восторжествовала идея (он ее называет, кстати, «англосаксонской») мирового права: «Никакой политик, никакой военный, никакой функционер не сможет в будущем ссылаться на государственные соображения или приказы. <...> Повиноваться нельзя, если повинующийся знает, что он исполняет преступление». При согласии с такой нормой «человечество объединилось бы в этике, которая понятна всем», и не прикрывалось бы компромиссами с чудовищами и «невмешательством во внутренние дела». Народ, оказавшийся под тоталитарным господством своих правителей, «нельзя бросать на произвол судьбы, отдавать его собственным властителям-террористам».

*Нюрнберг решал вопрос
вины конкретных
соучастников режима,
но не мог решить
проблему коллективной
вины и коллективной
ответственности*

Ясперс писал о наивности своих тогдашних иллюзий. В суде заседали победители. Тоталитарный СССР. Союзники, бомбившие немецкие города.

Нюрнберг, утверждал философ в 1963-м, «оказался на поверку разовым процессом победивших держав против побежденных, в основе его не было общего правового уклада и общей правовой воли победивших держав».

Что, впрочем, скоро стало очевидным, когда продолжился разлад союзников и началась холодная война.

В октябре 1945-го Томас Манн опубликовал знаменитую статью «Почему я не возвращаюсь». Много горького в ней о прошлом Германии, как и слов надежды на ее лучшее будущее. Манн нашел точные слова как о коллективной ответственности («Если бы немецкая интеллигенция, если бы все люди с именами и мировыми именами... единодушно выступили тогда против этого позора...»), так и о романтической идее будущей гармонии, фундамент которой, как казалось, будет заложен в Нюрнберге.

Можно говорить о наивности, но результаты провала этой идеи очевидны: новый разлад, новые войны, новые, повторяющиеся в деталях катастрофы человеческого сознания и действия, неизбывное блуждание по порочному кругу по заданному раз и навсегда сценарию, как раз на Нюрнбергском процессе и разобранному. «Мировая экономическая система, уменьшение роли политических границ, определенная деполитизация государственной жизни как таковой, пробуждение в человечестве сознания собственного единства, его первое предчувствие всемирного государства — как может этот далеко выходящий за рамки буржуазной демократии социальный гуманизм, за который идет великая борьба, быть чужд и ненавистен немецкой душе?» — задается вопросом Манн. А русской душе? Французской, американской? Китайской? Аргентинской?

Нюрнберг смотрит на нас

Чему научил и не научил человечество главный судебный процесс истории?

Такое «предчувствие» уже было во время первой глобализации — прямо перед Первой мировой войной. Затем после Второй мировой, основания ООН и иных общечеловеческих структур и нормативных актов. Потом после окончания холодной войны, падения коммунизма, воссоединения все той же Германии. И вот история, преодолев свой «конец», в который раз начинается заново — секунды остаются до Судного дня, а мировой порядок сменил мировой беспорядок, причем не стоящий на месте.

Тоталитаризм, даже не авторитаризм, повсеместно возвращается, как и обслуживающие его идеологии, изъясняющиеся почти на том же языке и находящие те же оправдания, что и их исторические предшественники.

Томас Хиршхорн (Thomas Hirschhorn). Прорыв. 2013

В дни, месяцы и годы антропологических катастроф, особенно происходящих после периодов спокойной и цивилизованной жизни, поражает «невообразимость» происходящего, как пишет автор книги «Февраль 1933. Зима немецкой литературы» Уве Витшток. Все-таки Нюрнберг разобрал некоторые примеры невообразимости, ее конкретной вины и способов конкретного наказания. Важный исторический опыт для еще одного возможного витка выживания человечества.

Владислав Иноземцев,
доктор экономических
наук

Глобальная политика: смена ценностей*

Современные западные общества после окончания холодной войны впали в состояние не то чтобы расслабленности, а, скорее, какой-то эйфории, которое и привело к нынешней ситуации. Потому что если мы посмотрим на основные экономические и социальные показатели этих обществ (европейских и американских) в середине — конце семидесятых годов, то увидим, что они очень сильно отличаются от сегодняшних показателей. Безработица в основных европейских странах в середине семидесятых годов была около 2%. Доля эмигрантов в населении этих стран — меньше 1%. В США, которые всегда были более открыты, доля лиц, рожденных за пределами страны, в общем составе населения в 1974 году была 4,5%, а сейчас почти 12%. Соответственно, в те годы неравенство было уникально низким, в отличие от того, что происходит сегодня. Долларовых миллиардеров в США в 1968 году было в три раза меньше, чем в 1929-м.

То есть за последние 40 лет, в течение которых произошло окончание холодной войны и переход к постисторическому, по Фукуяме, времени, с одной стороны, и мощнейшая информационно-экономическая революция — с другой, западное общество стало удивительно неравным с точки зрения и материального неравенства, и неравенства возможностей, и неравенства происхождения. Все это результат объективного процесса, во время которого происходила глобализация, открывались границы, резко увеличивались возможности миграционных движений, сносились всяческие шаблоны традиционного поведения в обществе, семье, в любых сферах жизни. И это воспринималось многими (в первую очередь теми, кто определял политическое движение) как абсолютно нормальный, естественный процесс, у которого нет остановки и нет предела.

* Выступление на семинаре Школы в Вильнюсе 6 марта 2025 г.

Здесь, на мой взгляд, и появляется главный вопрос: было ли это изначально ошибочное предположение, такое же, как и о «конце истории»? Ведь о «конце истории» мы говорим сейчас как о каком-то анекдоте. Поэтому стоит задуматься о том, что и другие концепции, появившиеся на рубеже 80–90-х годов, могут быть столь же нерелевантны. Либо же вопрос заключается не в релевантности или нерелевантности, а в скорости перемен, что тоже может служить объяснением. Потому что общество — это всегда довольно консервативная структура. Любая революция, которая совершается в обществе, требует нескольких поколений и вызревания условий, и, соответственно, после нее мы тоже видим продолжающиеся попытки резкого прорыва, откат, новое, более революционное развитие, приспособление и вызревание какой-то новой системы. То есть общество не может меняться так быстро, как меняются, допустим, информационные технологии. И это другой вариант ответа на вопрос. Может быть, эти перемены и разумны, может быть, они идут в правильном направлении, но слишком быстро. Главное, можно констатировать, что традиционное евроцентричное общество в последние десятилетия пребывает в состоянии глубокого дискомфорта по многим векторам.

*Традиционное
евроцентричное общество
в последние десятилетия
пребывает в состоянии
глубокого дискомфорта*

Почему так произошло и как на это повлияла политика? Я думаю, что об этом могут вестись долгие дискуссии. Но мне кажется, что волна эйфории 90-х годов создала систему некоего самообмана (хотя это, может быть, и не очень хороший термин). Мы стали думать, что все происходящее разумно, пусть так и будет, давайте этому посодействуем, мы такие гуманисты, мы должны всем помогать. Общество фактически стало не совокупностью людей, связанных отношениями прав и обязанностей, а только отношениями права.

В этом контексте я хочу сказать, что иногда нужно читать документы. Их внимательное изучение подчас вызывает шок.

Я спросил Константина Эггерта* про опеку над Газой. Потому что в Уставе ООН вопрос о Совете по опеке занимает больше четверти текста устава, но эта тема вообще не поднимается в современном мире. Давайте перечитаем Декларацию прав человека. Это документ уникальной разрушительной силы, потому что он постулирует права без обязанностей. И для меня это колоссальный нонсенс юридической и социальной силы.

Декларация прав человека и гражданина времен Французской революции** или Конституция Соединенных Штатов Америки — это важнейшие прорывы либерального сознания, потому что они указывали на то, где ограничиваются права людей, соединенных в общество. А декларация 1948 года не дает таких границ. Если обсуждать сектор Газа с

* См. об этом в выступлении К. фон Эггерта на с. 101 этого номера журнала.

** См. об этом в выступлении К. Коротеева на с. 76 этого номера журнала.

точки зрения этой декларации, то главным нарушителем прав людей в Газе было правительство ХАМАС. Потому что оно нарушило минимум 18 пунктов декларации относительно воспитания детей вне духа ненависти, относительно образования, здравоохранения, гарантии занятости и др. И обвинять кого-либо, кроме этих людей, в нарушении прав человека в Газе у меня не поворачивается язык, но их никто не обвиняет.

Мне кажется, что как раз идея примата прав над обязанностями — это была главная идеологема современных западных либеральных обществ после 1989 года, и сейчас мы пожинаем плоды этой доктрины. Какими будут эти плоды, мы пока не знаем. Но в любом случае было ошибочным

*Идея примата прав
над обязанностями — главная
идеологема современных
западных либеральных обществ
после 1989 года, и сейчас мы
пожинаем плоды
этой доктрины*

заниматься такого рода масштабным перегибом. По мере того как эта доктрина усиливалась, развивалось сопротивление. Сопротивленцев моментально начинали клеймить, упоминая фашизм. Мне очень интересен момент в 2019 году, когда должна была состояться «финальная битва между добром и злом» во время выборов господина Байдена,

и в Штатах стало появляться большое количество книг о фашизме с очевидной аллюзией на господина Трампа.

Константин Эггерт говорил, что ему нравилась первая администрация Трампа. Я не могу сказать, что я был в восторге, но, так или иначе, это было не самое плохое время. Почему к Трампу нужно было лепить ярлык фашиста, я не понимаю до сих пор. Но тренд сохранился, он даже усилился: в последнее время только ленивый не называет трамповский режим «склонным к фашизации». То же самое касается и правых во Франции, и АдГ («Альтернативы для Германии») в Германии.

Я недавно произвел над собой очень странный эксперимент. У меня первый иностранный язык — немецкий, и меня попросили написать колонку о выборах в Германии. Я решил ее написать. Естественно, успех АдГ не мог быть не замечен в этой колонке. И мне пришлось убить два вечера на то, чтобы прочесть программу этой партии. Это произвело на меня сильнейшее впечатление, потому что я нашел очень немного того, с чем бы я мог не согласиться, и не нашел там ничего фашистского. И второй момент, который меня очень сильно впечатлил: недавно у меня вышел большой текст на эту тему на одном из американских ресурсов, он есть у меня и в фейсбуке, и в телеграм-канале. Он о том, что общего между этой партией и господином Путиным, хотя АдГ провозглашает цели, абсолютно противоположные путинским. То есть в программе партии говорится о законодательном запрете на пребывание в должностях на государственной службе больше двух сроков, о демократизации судебной системы, об отказе от закрытия информации по преступникам,

включая даже их национальность. Очень разумная экологическая программа. Действительно, вполне корректная программа по противодействию исламизации.

То, что мы видим сейчас на Западе, представляет собой один из самых сложных социальных процессов в истории. Фактически общество, которое на протяжении нескольких столетий было создано в Европе и вокруг Европы (такое обычное либеральное общество в классическом понимании либерализма XIX века), сейчас попыталось переступить через собственное фундаментальное основание — меритократию. Ведь когда мы говорим о популизме и осуждаем его, то, осуждая, не можем поддерживать всеобщее избирательное право. Потому что когда не было популизма, то и всеобщего избирательного права не было. Здесь есть немалое количество логических и интеллектуальных ловушек, в которые в конце XX века попали западные общества. И сегодня главная проблема, стоящая перед ними, заключается в том, что каждый новый виток этого странного состояния лишь усиливает столкновение экстремистских групп с обеих сторон.

Когда я еще жил в Москве, наш Центр исследований постиндустриального общества занимался переводом западных книг и их распространением частично с нашим журналом, частично через магазины. Одной из моих любимых книжек, которая тогда была переведена, стала книга Пола Кругмана «Кредо либерала» (она есть на разных пиратских сайтах, и ее можно легко скачать в pdf-формате). Пол Кругман, Нобелевский лауреат по экономике, отметил тогда очень важную тенденцию. Он сказал, что в 1970-е годы — на пике холодной войны и на пике равенства в западном обществе — заканчивается эпоха конструктивного взаимодействия различных политических сил. Лично меня это пугает сегодня даже больше, чем самые правые или самые левые радикалы. Потому что постепенно выросла культура непримиримости, которая существует с обеих сторон.

Сейчас модно ругать Трампа и его людей за то, что они делают с USAID, за то, что разгоняют отделы DEI в государственных структурах, и это явный перегиб. Но я хочу повторить, что разница между первой и второй администрациями Трампа в значительной мере обусловлена тем, что между ними была администрация Байдена, которая перекрутила гайки в другую сторону настолько, насколько это возможно.

На мой взгляд, победив в 2020 году, Байден должен был собрать правительство национального единства. После того раскола, который был в 2020 году, треть министров в кабинете Республиканской партии и очень аккуратный курс, проводимый из центра, сделали бы в тот момент американскую политическую систему совсем другой. Но такое ощущение, что клин клином вышибали. Они нас завели *туда*, а мы вывернем до упора в *другую* сторону. А теперь пришли *они* и снова выворачивают руль в *другую* сторону. И самое опасное, если так и будет продолжаться.

Приведу пример: французская ситуация прошлого года, серьезная парламентская демократия, большой успех правых в первом туре. При этом существует президент Макрон (Франция все-таки президентская республика). У президента Макрона с прошлого года еще три с половиной года полномочий, он может провести еще пару парламентских выборов. Самый логичный, как мне представляется, вывод: окей, не надо образовывать коалиции, «Национальное объединение» имеет большинство — дайте ему сформировать одно правительство, через два года оно развалится, наломав столько дров, что все скажут: «Такого нам больше не надо, давайте делать что-то более центристское!» Но нет, создается коалиция левых, «Национальное объединение» уходит в сторону, Макрон продолжает править, четыре премьера за один год; теперь посмотрим, чем закончатся еще два года. В конце концов, я думаю, Марин Ле Пен победит на президентских выборах, если, конечно, ее не снимут так же, как в Румынии, но тогда, извините, это уже не демократия. Это уже совсем другой переход будет. И если подобное в Евросоюзе повторится два-три раза, ну... тогда господин Вэнс окажется прав в своей Мюнхенской речи.

То же самое и в Германии. АдГ + ХДС/ХСС: абсолютно похожие по большому счету программы, отличие — в степени радикализма. ХСС во главе с господином Мерцем победил — так берите в коалицию АдГ! И тогда эти будут прессинговать вас вправо, вы будете отпрессовывать их обратно, но будет понятное правое политическое правительство. Если оно наломает дров — пожалуйста, придет левое. Я думаю, что как раз в

Келли Уолкер (Kelley Walker). Black Star Press (мпринтх). 2006

этой ситуации они провели бы достаточно эффективный курс. А если сейчас будет создан блок с социал-демократами, то будет снова ни то ни се. Да, может быть, они будут более решительны в отношении Украины, но в отношении внутренней политики Германии это будет ровно то же, что и раньше.

С конца нулевых годов я не перестаю говорить о том, что вот эта всеобщая демократия в условиях доминантной идеи прав человека на сегодняшний день представляет собой угрозу западному миру. А за исключением западного мира, у нас на планете нет стабильных политических режимов, которые бы имели в своем заглавнике стремление к устойчивому улучшению материального благосостояния, и к миру на планете, и к качеству общества. Да, конечно, есть Китай, успешно развивающийся в условиях тоталитарной системы, и Россия, идущая неизвестно куда, и арабский мир. Но мы все-таки привыкли к тому, что европейский мир и либеральная модель доминируют и показывают миру, куда ему идти. И не будет ничего ужаснее для этого мира, если названная модель себя дискредитирует и взаимоуничтожит.

*Мы привыкли к тому,
что европейский мир
и либеральная модель доминируют
и показывают миру, куда ему идти.*

*И не будет ничего ужаснее,
если эта модель себя дискредитирует
и взаимоуничтожит*

Так что если мы сравним времена холодной войны и то, что происходит сейчас, то увидим, что это разные общества и разные политические структуры.

Сошлюсь еще на один пример. Есть в Голландии прекрасная газета NRC Handelsblad с огромными тиражами, она занимается и бизнесом, и политикой. Мы сотрудничали как минимум лет 15, я писал для нее колонки, большие статьи. И вот в этом году меня попросили написать, каковы шансы, что начнется новая холодная война, и что будет, если она начнется. И я написал статью (она висит на сайте), в которой признался, что боюсь, что Запад может проиграть. Потому что если мы посмотрим на главные противостояния: Первая мировая война, Вторая мировая война (особенно!) и холодная война, то увидим, что западное общество имело несколько сильных отличий от общества сегодняшнего. Для начала, оно было экономически независимо. Как только разрывались связи между, допустим, Россией и странами антигитлеровской коалиции, все прекрасно понимали, что Соединенные Штаты Америки — это действительно мощнейшая экономическая держава. Когда нужно было водить конвои в рамках ленд-лиза, то пришлось вначале построить обычные торговые суда, которые назывались кораблями класса «Либерти». Один из них стоит до сих пор на приколе в Сан-Франциско как музей. Первый корабль этого класса был построен в 1939 году, и его строительство заняло 270 дней. А в 1943 году средний срок строительства таких кораблей составлял шесть дней. И дефицит американского бюджета в 1942 году был 26% ВВП. Дефицит германского бюджета сегодня — 1,4%, и его нельзя увеличивать, несмотря на то, что в Украине идет война.

То есть прежде всего вы индустриально зависите от внешнего мира, с которым у вас плохие отношения. Но вы также зависите от него ресурсно. Не говоря уже об отсутствии мобилизации, потому что за предшествующие 80 лет сама идея мобилизации была устранена из жизни западных обществ, включая военную службу по призыву, которая практически всюду в Европе была отменена после 1989 года.

И самое печальное. Когда начиналась война в 1939 году (и даже в 1914-м), то все знали, кто враг и где он. И хотя американцы потом извинялись за интернирование японцев, оно было произведено: японцев в Америке было несколько сот тысяч человек. И были законы о торговле с врагом 1914 и 1918 гг. И все было понятно. И во времена коммунистической угрозы, во времена Маккарти тоже было понятно, где враг и сколько его *внутри* страны. А в нынешней ситуации это абсолютно непонятно. Если мы посмотрим на исламистские сообщества, то сможем ли сказать, где они более радикальны: в мечетях Великобритании или в Палестине? То есть помимо того, что нет независимости и былой мощи, существует еще и конфликт внутри, а не по линии границ.

Это вызвало дискуссию, после которой меня уведомили, что больше моих статей в этой газете не будет.

К сожалению, вся политика сегодняшней антифашистской линии в Европе и Америке сводится к «не хотим видеть, знать и будем продолжать то, что делали».

Дискуссия: вопросы и ответы

Модератор: Ваше выступление затрагивает много тем, и мне показалось, что иногда логика холодной войны, логика противостояния превращается в логику странного, драматично-анекдотичного выбора между DEI и Орбаном. То есть когда мы постоянно об этом говорим и сводим все к бинарным оппозициям холодной войны или «DEI vs Орбан», мы прикладываем это лекало к большому количеству стран с их проблемами и многое упускаем. Более того, мы конструируем черно-белый мир, в котором нам надо все время выбирать. Как выйти из этого противоречия?

В. Иноземцев: Я согласен, что нужно рассматривать большое количество примеров. На мой взгляд, Польша, как и другие страны, показывает как раз пример того, что в ней стремление к центризму было всегда сильнее. Если посмотреть на долю мигрантов в Польше, на систему социального обеспечения, то очевидно, что это довольно консервативная страна. И движение между даже PiS и Д. Туском — это не движение между Сандерсом и Трампом, там дистанция в разы меньше. И мне кажется, что проблема именно в том, что некоторые страны и политики, социальные группы, политические партии, которые очень сильно подсели на идею прогрессивизма в нынешнем понимании, усиливают этот дисбаланс. Консерваторы его

тоже усиливают в качестве реакции. Я не могу сказать, кто на кого реагирует — они реагируют друг на друга, здесь нет правых и виноватых, вот в чем дело.

Потому что мы всегда хотим на основании собственного опыта и пристрастий называть одну сторону правой, а другую виноватой. Люди, которые видят, как исчезает их социальный порядок, имеют право быть по этому поводу обеспокоенными. У меня нет рецепта, как построить новую систему, какой должна быть политика эмиграции. Я не предлагаю никаких вариантов. Я просто хочу сказать, что некие нормы должны меняться с определенным темпом, который соответствует генерационным сдвигам в области образования, изменения социальных стереотипов.

Мне кажется, что где-то мы попали в абсолютную разбалансировку того, что общество готово принять, и того, что политики или интеллектуалы готовы предложить. Общество не сразу отвечает «мы не хотим»: сначала оно молчит, а потом реагирует. И чем дальше, тем более опасными могут быть эти реакции. Потому что, объективно говоря, ультраправые у власти сегодня — это катастрофа. И

Западное общество было основано на жестком балансе прав и обязательств, который сегодня нарушается

мы еще увидим, какие результаты будет иметь президентство Трампа. Мне не кажется, что Трамп благополучно досидит до конца своего срока, потому что то, что он делает сегодня, будет

иметь очень тяжелые последствия и для экономики, и для политики, и для дискредитации американского имиджа в мире. И это результат ошибки как избирателей Трампа, так и политического истеблишмента в Америке, которые не смогли найти точек взаимодействия. Пока Трампа не было четыре года, может быть, можно было выстроить некую другую конфигурацию власти между демократами и республиканцами, которая бы повела к центру, а не к крайности. Но в любом случае обратите внимание на то, что западное общество было основано на жестком балансе прав и обязательств, который сегодня нарушается.

Допустим, идея базового гарантированного дохода — это прекрасная идея, и я как экономист могу это объяснить и поучаствовать в дискуссии.

*Война сегодня
контрпродуктивна
в принципе. Поэтому и вопрос
восстановления мирового
порядка и правил очень важен*

Но остается главный вопрос: а какие обязанности будут иметь получатели этого дохода? У меня нет на него ответа. Но нет прав без обязанностей — или нас чему-то учили, или общество в Европе жило сотни лет ошибочно?

Модератор: Вы издавали и переводили много книг, и вы работали в реальном секторе в бизнесе, в отличие от многих из нас, гуманитариев. На ваш взгляд, мир сделок и войн, который сейчас, как я понимаю, часть людей хочет восстановить, — это нормальное состояние нашей человеческой истории или, скорее, исключение, которое мы наблюдаем?

В. Иноземцев: Мир войн и сделок — это ненормальное состояние. И как экономист я скажу одну простую вещь. Война была важным состоянием человеческого общества до 1871 года. Почему? Потому что до этого момента война приносила победителю больше, чем он терял в ходе войны. Конtribusiция, репарации, дань с покоренных народов, обращение пленников в рабство, продажа их на других рынках, захват золота в Латинской Америке — это все на протяжении веков обогащало победителей. Война была средством обогащения победителей. Последний раз это случилось в 1871 году, когда Пруссия победила Францию во Франко-прусской войне и обложила ее контрибуцией в 5 млрд франков. Каждая война после этого приносила победителям больше ущерба, чем они могли взыскать с побежденных. Сначала была неудача Версальского мира с репарациями Германии, а потом уже пошло-поехало.

Война сегодня контрпродуктивна в принципе. Сегодня все нужные экономические цели легко достигаются, как вы сказали, сделками. В этом отношении Трамп абсолютно прав, что нужно заключить какую-либо сделку и она будет лучше бесконечной войны. И, скорее всего, если не произойдет ничего экстраординарного, она не будет использоваться как серьезный международный инструмент. Поэтому и вопрос восстановления мирового порядка и правил очень важен.

Когда я, например, слышу, что в Соединенных Штатах продолжают разговоры о том, что надо договориться с Россией, чтобы оторвать ее от Китая, у меня первый вопрос:

ребята, а может, наоборот? Может, лучше договориться с Китаем и поставить Путина в неприятную ситуацию, потому что Китай ни на кого, извините, не нападал? И откуда вы взяли, что он большая угроза мировому порядку, чем Кремль?

После Второй мировой войны не было ни одного изменения международных границ в ходе войн между признанными ООН государствами. Был распад Югославии, Советского Союза, деколонизация, война внутри Кореи, война внутри Вьетнама, но не было войн между двумя странами — членами ООН, по результатам которых изменились бы границы. Великобритания — Аргентина, возврат Фолклендов, Иран и Ирак — 10 лет войны, и никакого изменения границ. Китай — Вьетнам, восстановление границ, 1979 год. Ирак — Кувейт, вышибание из Кувейта, восстановление границ. Распад Югославии — это внутренний конфликт. Разделение Судана — это внутренний конфликт. Это совсем другая ситуация.

Если вы сейчас признаете границу по оккупированным Россией областям, это конец мирового порядка! Можно распускать ООН и вообще все институты, потому что это будет крах того, что было сделано после 1945 года.

Когда меня спрашивают, что я думаю о Мюнхенском сговоре и о том, не будет ли договоренность по Украине таким же случаем, я отвечаю: она будет гораздо худшим случаем. Потому что Гитлер в 1938 году, говоря о том, что он хочет поменять границы с Чехословакией, не подписывал договор в Сен-Жермен. А Путин подписал три договора с Украиной и сейчас хочет

пересмотреть собственное решение, лично им подписанное.

Войны — это то, что должно подавляться в зародыше. Но для этого нужна консолидированная и общая позиция западного мира. И необходимо, видимо, сегодня подходить к вопросу о том, что война есть наивысшее преступление, а диктатура

На мой взгляд, надо снова начинать оценивать ошибки и их масштабы

таким преступлением не является. Это бесконечная тема. Я здесь кое-что явно огрубляю и делаю более резким, так как мир перестал находиться в состоянии холодной войны и просчитывания ответов.

Вот, собственно говоря, что-то похожее происходит и в современном западном обществе: у нас есть очень большие возможности благодаря делам прежних поколений, и мы можем ошибаться и раз, и два, и три... и снова ошибаться. Но во времена холодной войны право на ошибку было четко лимитировано. И, на мой взгляд, надо снова начинать оценивать ошибки и их масштабы.

Сергей Подсытник: Вопрос относительно АдГ. Мне кажется, что в эпоху соцсетей запрос, на который отвечает партия, и то, что она в дальнейшем будет реализовывать, заключается не в программе, которую нужно читать два дня, а в действиях, в хлестких тиктоках, лозунгах. Судить нужно по действиям и декларациям, а не по программе.

В. Иноземцев: Естественно, нужно. Но мне кажется, чтобы судить о делах,

мы должны смотреть не на действия отдельных депутатов, а на то, что партия может предложить, если она действительно получит какие-то рычаги управления. А пока у нее таковых нет, как нет их и у «Национального объединения» во Франции.

Я подозреваю, что в 2026 году во время подготовки к промежуточным выборам внутрипартийная поддержка Трампа будет гораздо меньше

Мой тезис заключался в том, что если в большинстве стран Европы существует парламентская система, которая, на мой взгляд, намного лучше президентской, то как раз это и есть возможность для экспериментов, различных коалиций и проч. В этих коалициях можно отсеивать радикалов, которые действительно переходят через какие-то правовые и законные рамки, а какие-то идеи привлекать. Необходимо максимальное взаимодействие между всеми силами. Нельзя говорить сейчас при нынешнем расколе общества: «А вот с этими мы вообще никогда не сядем за стол!»

Ерик: Я исследователь из Стокгольмского университета. Вы сказали, что права человека в качестве морального компаса не очень работают, если они не уравновешены обязанностями. Допустим, так. Что тогда нужно ставить в качестве морального компаса?

И второй вопрос по поводу права на ошибку. Вот сейчас в США Трамп и рядом с ним Илон Маск, который, по сути, обладает неиссякаемыми ресурсами и может ошибаться сколько угодно. Не кажется ли вам, что это

влияние корпораций как минимум в последние 20 лет проявляется очень широко, потому что non-state actors не распознаются на уровне международных отношений, они действуют через государство и могут извлекать доходы, не вкладывая их обратно в оборот, и так далее? Как вы считаете, этот дисбаланс важнее, чем дисбаланс какой-то «левой академии», которая, условно говоря, двигала повестку, но не несла ответственности, а у этих людей больше силы?

В. Иноземцев: Я, собственно, это и сказал, я абсолютно убежден, что то, что сейчас происходит в результате действий Трампа и Маска, — это действительно катастрофический процесс, который приведет к серьезному кризису американской политической системы. Потому что выдержать такой темп посягательств на относительно устойчивое состояние невозможно. У Трампа есть большая поддержка в партийных кругах. Она обусловлена банальной вещью: если ты трампист, то Трамп тебя поддерживает, ты с ним фотографируешься, клеишь баннеры на региональных выборах, скажем, в Северной Каролине, и у тебя все может быть неплохо. Потому что сейчас Республиканская партия получила большинство в обеих палатах Конгресса. Это замечательно, но совершенно не факт, что через два года дружба с Трампом будет условием твоего избрания. И я подозреваю, что когда это станет для многих более или менее очевидно, в 2026 году во время подготовки к промежуточным выборам внутрипартийная поддержка Трампа будет гораздо меньше.

Теперь что касается корпораций. Это очень большой вопрос, имеют

они отрицательное влияние на современные процессы или положительное. Нынешний капитализм существенно отличается от вчерашнего капитализма. Пример из прошлого: антитрестовское законодательство в США начала XX века. Были нефтяные монополии, которые устанавливали цены; соответственно, налицо картельный сговор — и Конгресс принимает антитрестовский акт. Потому что компании контролировали цены, завышали их, получая сверхприбыль.

Пример из сегодня: у нас есть абсолютный монополист в лице компании Google. При этом электронная почта, система поиска, Google-карты, Google-переводчик, огромное количество сервисов — все бесплатно. Вопрос: если миллионы людей пользуются бесплатными сервисами этой компании, то в чем проявляется ее нетерпимая монополия? Она монополист, я не спорю, но для чего заниматься разделом компании Google, если именно этот симбиоз дает возможность миллионам людей бесплатно пользоваться огромным количеством ресурсов? В чем здесь выигрыш?

Или, например, тот же самый Берни Сандерс. Во время пандемии американское государство помогло огромному количеству бизнесов, акции стали идти вверх, и господин Сандерс заявил, что нужно весь прирост капитальной стоимости обложить сто-процентным налогом, потому что «это государство помогло миллиардерам, а они сейчас несправедливо обогатились». Окей. Или вопрос подоходного налога... Люди, которые живут в Европе, прекрасно знают, какие налоги и как демотивируют бизнес и людей.

Народ бежит из Франции, и это уже притча во языцех. Безумная офшорная экономика расцвела исключительно потому, что масштаб некоторых налогов просто неразумен.

А еще есть очень сильное экологическое движение зеленых. Экологи говорят нам: «Вы слишком много потребляете, и поэтому мир приходит в упадок. Вы слишком много едите, слишком много используете одноразовой упаковки и т.д. Всеми виной огромное перепроизводство. Давайте уменьшать потребление!» Но, ребята, если вы хотите меньше жечь бензина, то вы должны забыть про налоги на доходы и перевести все налоги на потребление. Увеличьте НДС или там налог с продаж в США с 7 до 23%, увеличьте акцизы на бензин, которых в Америке вообще нет, повысьте налоги на недвижимость (не надо строить дом площадью 800 метров, когда можно жить в двухстах) и отмените подоходный налог — американская

*Если вы хотите удерживать
экологический баланс
и сокращать потребление,
развивая потребительскую
активность, то подоходный
налог — это абсолютный
анахронизм*

экономика уйдет вперед так, что никакое доминирование Китая никому больше не приснится. Просто потому, что это гигантская гиря на любом экономическом прогрессе, а так вы получаете практически офшорную экономику с возможностью для жизни в ней.

Следовательно, нужны, на мой взгляд, какие-то абсолютно новые методы, если говорить о том, что появились новые проблемы. Не было экологической проблемы, осмысленной в нынешнем масштабе, в начале XX века; наоборот, все радовались, как копят трубы, потому что это индустриальный прогресс и технологическая революция. Сейчас другие приоритеты, на которые есть другие варианты ответов. Если вы хотите удерживать экологический баланс и сокращать потребление, при этом развивая потребительскую активность, то подоходный налог — это абсолютный анахронизм.

Модератор: Был важный вопрос про то, что поставить в центр вместо прав человека?

В. Иноземцев: Когда я начинал об этом говорить, я имел в виду, что выше прав человека стоят права гражданина. Вот это, на мой взгляд, главный лимитирующий момент. Условно говоря, даже в Декларации прав человека не написано, что «товарищ из Палестины в случае угрозы своей жизни может неожиданно переселиться в Германию и она его обязана принять». Этого нет в этой замечательной декларации. Там нет ничего о праве человека выбирать по своему усмотрению место жительства за пределами своей страны. Да, в собственной стране вы не можете быть ограничены в праве передвижения, но это не означает беспрепятственное получение убежища в другой стране или перемещение по каким-то другим обстоятельствам. И в этой Декларации прав нет права на получение пособия десятилетиями за счет бюджета этой страны.

Прекрасная страна Объединенные Арабские Эмираты, в ней 80% жителей эмигранты. Но посмотрите, как организована система: эти люди имеют все экономические права, но ни одного гражданского права. У них есть право на работу, право на защиту полиции и т.д., но они не получают ничего из бюджета Эмиратов, как, допустим, дети с гражданством, имеющие дотации на образование. И они не могут получить эмиратское гражданство, даже прожив там 30 лет. Чем эта система плоха, чем она бесчеловечна? Она бы сняла многие вопросы, на которых сейчас паразитирует Европейский парламент.

Эля: Вы привели много разных тезисов. Я повторю два из них. Первый: неравенство увеличивается последние 30 лет. Второй: про права и обязанности. Сейчас налицо проблема с обязанностями. Тут вы приводите статистику. Можно я тоже озвучу немножко нашей статистики? Я больше пишу про культуру и науку, я журналист. Поэтому хочу поговорить про неравенство в этих областях. Например, премия «Оскар». Темнокожая женщина первый раз получила «Оскар» в 2002 году. Знаете, сколько женщин-режиссеров получили «Оскар» за историю существования премии с 1929 года? Три. Сколько женщин получили Нобелевскую премию с момента ее вручения? 16 из 97 человек. И, как мы можем догадаться, все эти события происходили в основном в последние 30 лет. То же самое про правительства: сейчас примерно 11% стран возглавляют женщины. И эта цифра растет каждый год.

И переходя к правам и обязанностям. Я не готова сейчас говорить за

Мариса Мерц (Marisa Merz). Без названия. 1966

все меньшинства, за разные группы, но если, например, говорить о женщинах в Германии, то «Küche, Kinder, Kirche» — вот такие были обязанности, а права очень медленно

появлялись. Со временем огромное количество людей получали все больше прав. Неравенство — это всегда про отношение: неравенство со стороны кого и по отношению к кому.

И если мы говорим про последние 30 лет, то, может быть, нужно упомянуть, сколько людей наконец получили свои права.

В. Иноземцев: Прекрасное выступление! Когда я говорю о правах в гражданском смысле, я имею в виду в первую очередь следующее: у нас есть колоссальный прогресс за последние 100 лет, связанный с правами женщин в Европе и Америке. И колоссальная революция, которая произошла в шестидесятые годы в отношении прав

Переход от идеи равенства к идее групповой выгоды таит в себе самую большую проблему и опасность

чернокожих в Америке. И то и другое кажется мне выдающимся достижением. Потому что это идея равенства. Любой прогресс равенства кажется мне позитивным.

А мой тезис относительно неравенства заключался в том, что растет материальное неравенство. Причем не между женщинами и мужчинами, не между черными и белыми — оно стремительно растет даже в пределах одних расовых и гендерных групп начиная с конца семидесятых годов, в том числе из-за технологического прогресса, по многим позициям. Мой тезис: любое стремление граждан той или иной страны к максимальному равенству приветствуется. В чем был перегиб, по моему представлению? В том, что от идеи равенства мы переходим к идее проповеди определенной исключительности. То есть мы равны — и это хорошо. Идея равного отношения к чернокожим американцам — прекрасно. Идея affirmative

action (позитивные действия) — перегиб. Когда начинают говорить: «Нам нужно то-то, потому что нас угнетали, нам было плохо, и поэтому теперь нам нужно больше...» Вот это я имею в виду.

Переход от идеи равенства к идее групповой выгоды, мне кажется, таит в себе самую большую проблему и опасность.

Юлия Абдуллаева: Я руковожу ресурсным центром в Берлине для активистов в изгнании из России и Беларуси и хочу поблагодарить вас за совершенно другой взгляд, в том числе на немецкие выборы в бундестаг.

Вы говорили, что коалиция АдГ и ХДС/ХСС сейчас в парламенте была бы логична, так как она дала бы сразу мажоритарное большинство, которое позволило бы уже не учитывать в принципиальных вопросах голоса других партий. При этом, с одной стороны, существует заявление Фридриха Мерца о том, что он никогда не сформирует коалицию с АдГ, а с другой стороны, в конце января произошли события, когда благодаря консолидированному голосованию ХДС и АдГ был принят документ по ужесточению миграционной политики. То есть Мерц уже пообещал всем, что коалиция невозможна. Вайдель сказала, что они свой шаг сделали и теперь шаг за ХДС. А по всей Германии сейчас проходят протесты уже не только против АдГ, но и против ХДС. Как вы считаете, насколько возможно при этом прийти к власти и действительно сформировать коалицию с АдГ? Насколько это реалистично?

В. Иноземцев: Я думаю, что это нереалистично. Я думаю, что этой коалиции

не будет, а будет коалиция с социал-демократами, как и ожидается.

Ю. Абдуллаева: Безусловно, об этом говорят все. Но сейчас такое ощущение, что в Германии мог бы произойти правый переворот, и на это может решиться только ХДС.

В. Иноземцев: Даже если предположить, что ХДС решится на эту коалицию, он же не может перейти на платформу АдГ. Он же понимает, что его избиратель разделяет другие ценности. Даже если он на это решится, он, скорее, перетянет значительную часть депутатов АдГ на свою сторону. Ну и хорошо! Но, в принципе, в нынешней ситуации, если такая коалиция случится, то на следующих выборах АдГ получит меньше. Потому что те радикалы, которые будут считать себя ее избирателями, сочтут, что это измена. А ХДС, если будет вести умелую политику и умелый пиар, покажет, что он спас Германию от правого уклona, что он, так сказать, дерадикализировал АдГ, и, скорее всего, получит плюс. И стратегически, мне кажется, это было бы разумно. Но увы, этого не будет.

Алексей Волошинов, Deutsche Welle: Я тоже читал программу АдГ и ХДС. Среди избирателей ХДС около 80% против вступления в коалицию с АдГ. Как, по-вашему, может выглядеть политика страны, которая управляется только крайне правой партией не в коалиции, когда ее не сдерживают партнеры по коалиции? Можем ли мы увидеть такие примеры в ближайшее время и что от этих стран можно ожидать?

В. Иноземцев: Я боюсь сейчас больше всего, что Соединенные Штаты стали такой страной. Потому что там очень радикальные люди пришли к власти, которую они могут использовать до 2026 года без всяких коалиций. То есть мы реально сейчас не

Ситуация очень тревожна в том плане, что когда приходят никем не сдерживаемые правые (как и левые), – это катастрофа

видим сдержек. Посмотрим, что будет происходить по судебным искам против Трампа относительно ряда его инициатив. Я подозреваю, что судебная система его не удержит. Потому что на самом деле полномочия президента очень широки, и разогнать половину государственных служащих, выплатив им компенсацию, он имеет полное право. Ситуация очень тревожна в том плане, что когда приходят никем не сдерживаемые правые (как и левые), — это катастрофа.

Ксения Егорова: С учетом того, что мы видим жесткую протекционистскую политику Штатов и возможное ослабление влияния НАТО, реальна ли ситуация, когда Европа начнет искать стратегическое партнерство с Китаем, может ли в «новом мире» многополярности быть альянс Пекина и Европы?

И второй вопрос. Вы объясняли причины, почему с Путиным нельзя вести переговоры, я думаю, это очевидно. Но если мы говорим, что войну надо заканчивать, существует ли какая-то альтернатива?

В. Иноземцев: По поводу Китая. Я думаю, что союз только Европы и Китая, скорее всего, невозможен по двум причинам. Во-первых, европейцы гораздо более щепетильны (в хорошем смысле) в выборе союзников. И поэтому о стратегическом взаимодействии здесь речь не идет. Второй немаловажный момент: чтобы войти в союз с Китаем и, условно говоря, выставить его против России, нужны очень серьезные экономические преференции. И реально только Соединенные Штаты сегодня (потому что американская юридическая система предполагает международную юрисдикцию) могут предложить Китаю нечто, что может его подвинуть к разрыву с Путиным. А европейцам нечего всерьез предложить, потому что самый большой товарооборот между ЕС и Китаем. То есть здесь уже все как бы дано.

Что касается вопроса о прекращении войны. Когда он начал обсуждаться, я несколько раз пытался говорить, что ее можно, как мне кажется, закончить только одним путем. Мы знаем, что Путин уважает силу. Понятно, что никто не предлагает сейчас ввести натовские войска и довести дело до ядерной войны. Но можно сделать очень простую вещь. Вот сейчас русские войска стоят на украинской

территории по некой линии фронта. И можно собрать Совет НАТО, например, и объявить, что у нас есть Путину ультиматум (у него был нам ультиматум, а теперь у нас ему), в котором мы требуем, чтобы 1 мая на этой линии фронта стрельба прекратилась. Украинские войска, мы гарантируем, тоже перестанут стрелять. Мы ручаемся, что никогда не перейдем эту линию. И если ты прописал в своей Конституции, что это твоя территория, — пожалуйста, считай ее своей. Но если после этого с твоей стороны прилетит хоть один снаряд, то все армии НАТО разбомбят твои военные базы, нефтяные заводы, все. Вот тогда будет война.

В этом случае граница не определяется, между Россией и Украиной не заключается никаких соглашений, никаких нарушений международных обязательств не происходит, просто чистая «кореизация»: с двух сторон демаркационной линии стоят большие армии, и никто не стреляет. А если стреляет, то быстро извиняется.

И так продолжается, пока не изменится система, как это было с ГДР, — пусть 40 лет, мы не торопимся. Но это единственная возможность, не отрицая международных принципов, эту войну закончить. Подобное было продемонстрировано в Корее в 1953 году. Иного варианта я не вижу.

Конфликт двух Просвещений. Свобода и прогресс в современной евроатлантической дискуссии

Михаил Минаков,
доктор философских
наук

В капле воды отражается вся Вселенная. Точно так же в одном событии может проявиться смысл истории. Один из таких исторических моментов мы пережили сравнительно недавно.

14 февраля 2025 года вице-президент США Джеймс Дэвид Вэнс выступил на Мюнхенской конференции по безопасности с речью, которая потрясла западное общество. Вместо того чтобы сосредоточиться на сотрудничестве в области безопасности и на войне в Украине, как того ожидали организаторы и участники форума, Вэнс выступил с язвительной критикой европейской демократии, которая предала дело свободы. Эту критическую речь и последовавшую за ней реакцию европейских элит можно рассматривать как событие, в котором Запад как гегелевский исторический субъект продемонстрировал свое внутреннее противоречие, обусловленное двумя интерпретациями свободы: одна вытекает из классического проекта Просвещения, другая связана с перспективой Темного Просвещения. Поскольку классическое Просвещение завершилось Американской и Французской революциями в XVIII веке, темные просветители надеются, что новое президентство Дональда Трампа положит начало Второй американской революции.

В этой статье я рассмотрю то, как именно мюнхенская речь Вэнса и последующие дебаты демонстрируют идейный раскол на современном Западе.

1. Темное Просвещение

Темное Просвещение, которое либеральные критики называют «неореакционным движением» (или NRx), представляет собой довольно пестрый интеллектуальный процесс с заметными антидемократическими и радикально либертарными идеями, возникший в американском корпоративном секторе в

начале XXI века. Его истоки — в публицистике Кертиса Ярвина, американского инженера-программиста, который многие годы вел блог под псевдонимом Mencius Moldbug и вещал на аудиторию, включающую англоязычные группы программистов и цифровых стартаперов, часть которых со временем стали «капитанами цифровой экономики». Принято считать, что его мысли подтолкнули британского философа Ника Лэнда к развитию стройной философской системы, названной им самим «Темным Просвещением». Их философско-идеологические воззрения в корне противоречат идеалам классического Просвещения — свободе и прогрессу, обеспеченным политико-правовыми системами, которые основаны на практиках верховенства права, либеральной демократии и регулярного государства. Это движение не отрицает важности сво-

*Темные просветители
выступают за новые формы
правления, объединяющие
архаичные иерархии
с гиперсовременными
технологиями и моделями
корпоративного лидерства*

боды и прогресса, но предлагает свой собственный, альтернативный взгляд на них, как и на человека — носителя свободы и движителя прогресса. Одновременно это философское направление отрицает ценность достижения классического Просвещения, утверждая, что либерально-демократические системы с их процедурно-правовыми ограничениями по своей сути ведут к деградации и

порабощению человечества, а не к его прогрессу и эмансипации. Провокационное утверждение Лэнда о том, что «демократия не просто обречена, она сама и есть рок»¹, выражает эту макроисторическую точку зрения.

Несмотря на разнообразие взглядов и участников Темного Просвещения, общим основополагающим принципом этого направления можно назвать отказ от либеральной демократии как ошибочного, по их мнению, пути к историческому прогрессу и большей свободе. Вместо этого темные просветители выступают за новые формы правления, объединяющие архаичные иерархии с гиперсовременными технологиями и моделями корпоративного лидерства. Эта философия возникает из уникальной смеси влияний, включая реакционную и консервативно-революционную политическую мысль, технологический детерминизм и анархизм с элементами национализма (часто артикулируемого как «человеческое биоразнообразие»).

Темное Просвещение — довольно условное название для группы мыслителей и практиков в американском и даже западном корпоративном (в основном цифровом) секторе. Несмотря на эту условность, это движение имеет философское основание и политическое влияние в США и ряде других стран Запада.

Одним из центральных философско-политических концептов Темного Просвещения является «Собор», который Ярвин определяет как

неформальное объединение университетов и основных средств массовой информации, совместно формирующих общественное мнение и навязывающих леволиберальную прогрессивистскую «ортодоксию». По мнению Ярвина, этот «Собор» представляет собой неизбираемую властную структуру либеральной демократии, которая эффективно контролирует американское общество — и Запад в целом — посредством культурного и интеллектуального доминирования: «Хотя функциональная демократия (когда подданные являются правящими чиновниками, а даже постоянные штатные сотрудники правительства — их послушными государственными слугами) возможна, функциональная демократия исторически встречается редко. Большинство так называемых демократий являются таковыми лишь формально, а те немногие исторические исключения на самом деле работают довольно плохо. Один из тестов для них — это ответ на вопрос, могут ли так называемые хозяева заменить своих так называемых слуг. Если это немыслимо, то слуги могут управлять хозяевами»².

Ярвин и подобные ему мыслители утверждают, что система «соборного» типа поддерживает вредные леволиберальные прогрессивистские ценности, которые продвигают «транс- и ЛГБТК+-повестку», воукизм, «зеленый переход», «замещение населения»³ и подавляют при этом альтернативные взгляды на прогресс и свободу, т.е. таким образом сдерживают саму свободу с прогрессом.

Политическая часть Темного Просвещения воплощена в идеологии NRx и уникальным образом сочетает архаичные модели управления с технологическим утопизмом Кремниевой долины, представляя то, что некоторые аналитики называют «техно-авторитаризмом». Это видение предполагает общество, возглавляемое «генеральным директором» (CEO) в рамках строго иерархичной вертикально интегрированной структуры, напоминающей корпоративную организацию Кремниевой долины. Основная предпосылка заключается в том, что либерально-демократические системы, ориентированные на равенство и представительство, по своей сути ограничивают свободу поиска и предпринимательства и таким образом задерживают технологический и социальный прогресс. В противоположность этому мыслители Темного Просвещения одобряют правление интеллектуальной и технологической элиты, которая, как считается, обладает превосходными способностями к принятию эффективных решений, ускоряющих прогресс.

Питер Тиль, предприниматель-миллиардер, венчурный капиталист, влиятельный консервативный мыслитель и донор, стал, пожалуй, самым влиятельным интеллектуальным — и даже философским — сторонником Темного Просвещения в американском политическом ландшафте.

*Мыслители Темного
Просвещения одобряют
правление интеллектуальной
и технологической элиты*

Тиона Неккия МакКлодден (Tiona Nekkia McClodden). Пленка Брэда Джонсона:
X – О подчинении. 2017

Его интеллектуальный путь прошел эволюцию от экономического и социального либертарианства к техно- и христианскому авторитаризму. Знаменитое эссе Тилиа, опубликованное в 2009 году в журнале *Sato Unbound*, содержит декларацию, которая стала лозунгом этого движения: «Я больше не верю, что свобода и демократия совместимы»⁴.

Политическая деятельность Тилиа выходит за рамки собственно *теоретического* взаимодействия с этими идеями. Он стратегически финансирует многочисленных интеллектуалов, активистов и коммуникационные платформы Темного Просвещения, создавая сеть влияния, которая формирует и распространяет современную консервативную мысль в корпоративном секторе, среди населения и в элитных группах. Его связь с Кертисом Ярвином была особенно заметной: Тиль оказывал финансовую поддержку технологическим проектам Ярвина через свою венчурную компанию *Founders Fund*. Эти связи подчеркивают, что идеи Темного Просвещения получили распространение не только на малоизвестных интернет-форумах, но и благодаря прямой финансовой поддержке со стороны одного из самых успешных американских технологических предпринимателей. И в этом направлении мысль не отрывается от практики, запуская необычный реакционно-революционный праксис.

Этих мыслителей объединяет фундаментально-пессимистическая антропология, которая ставит под сомнение демократические предположения о способности каждого человека выносить разумные суждения

и действовать эффективно вместе с равными ему согражданами. Нео-монархическое видение политики Кертиса Ярвина отражает глубокий скептицизм в отношении коллективного принятия решений человеком, рассматривая демократическое политическое сообщество как восприимчивое к манипуляциям и иррациональности. Его предложения прямо отвергают идею о том, что рядовые граждане способны адекватно мыслить и принимать участие в управлении; в силу этого он выступает за правление технократических элит в рамках корпоративных структур. Эта модель отказывается от «демократической веры в коллективную мудрость» в пользу веры в «иерархическую компетентность»⁵.

Философский путь Ника Лэнда демонстрирует все более негативный взгляд на человеческую деятельность. Его акселерационистская перспектива отказывает человеку в автономии и подчиняет его решения технологическим и рыночным силам, которые, по мнению Лэнда, должны действовать без демократических политических ограничений. Поздние работы Лэнда демонстрируют явно антиэгалитарную позицию, в том числе элементы расизма и евгеники, которые ставят под сомнение просвещенческий (и либерально-демократический) тезис о равенстве людей. Его философия отрицает автономию субъекта в пользу бесчеловечного технологического ускорения.

Взгляд Питера Тили на человека проявляется прежде всего в его критике демократического правления. В своем эссе 2009 года «Воспитание либертарианца» Тиль назвал «получателей социального обеспечения и распространение права голоса на женщин» виновниками того, что «капиталистическая демократия» превратилась в «оксюморон»⁶. Это заявление сопровождается тезисами в пользу иерархической антропологии, которая ставит под сомнение идею о том, что все люди обладают равной способностью к рациональным экономическим и политическим суждениям.

Темные просветители фундаментально переосмысливают свободу, отдавая предпочтение негативному определению свободы в ее связи с технологическим прогрессом

*Темные просветители
фундаментально
переосмысливают свободу,
отдавая предпочтение
негативному определению
свободы*

перед демократическим участием и государственной бюрократией. Для Ярвина свобода парадоксальным образом возникает благодаря авторитарным структурам правления, которые устраняют неэффективность демократических процессов. Его «неокамералистское» видение правления предполагает существование суверенных акционерных корпораций, управляемых СЕО-монархами, которые обеспечивают свободу как «право на выход», то есть право «резидентов» «проголосовать ногами», перейдя в конкурирующую структуру управления — своего рода новый крепостнический Юрьев день. В этой концепции свобода рассматривается не как демократическое право голоса, а как потребительский выбор между конкурирующими продуктами управления.

Также и Лэнд отдает приоритет «выходу» резидента, а не «голосу» гражданина, прямо заявляя свой политический идеал: «Никакого голоса, свободный выход». Эта формулировка, заимствованная у немецко-американского политэконома Альберта Хиршмана, отвергает демократическое участие («голос») в пользу возможности покинуть неудовлетворительные системы правления («выход»)⁷. Философия акселерационизма Лэнда рассматривает демократические механизмы как препятствия не только для прогресса и роста, но и для свободы. Демократия не есть проявление свободы: демократическая и эгалитарная политика лишь замедляет ускорение и «технокапиталистическую сингулярность»⁸. На-

*Свобода заключается
в индивидуальных
технологических инновациях,
а не в коллективных
политических действиях*

стоящая свобода возникает благодаря неограниченному технологическому и капиталистическому развитию, а не демократической делиберации.

В своем манифесте Тиль выступает за создание новых пространств для личной свободы, которые не могут контролиро-

вать правительства. Это видение ищет свободу не в демократических реформах, а в полном освобождении от политических ограничений. Тиль считает, что «судьба нашего мира может зависеть от усилий одного человека, который создаст или распространит машину свободы» — согласно этой концепции, свобода заключается в индивидуальных технологических инновациях, а не в коллективных политических действиях⁹.

Все три мыслителя яростно критикуют либеральную демократию, ставя под сомнение ее фундаментальную легитимность.

Так, например, Ярвин выделяет фатальные, по его мнению, недостатки демократических систем: бюрократическую неэффективность, подверженность капризному популизму, краткосрочность планирования и фрагментированность власти. Его альтернативное неомонархическое видение предлагает централизованную верховную власть, реализуемую суверенным исполнительным органом с абсолютным контролем над администрацией, аналогичным функционалу корпоративного гендиректора. В такой системе правление деполитизировано и ориентировано исключительно на эффективность, технократический надзор и отказ от избираемости правительства. Эта модель прямо отказывается от демократического правления в пользу корпоративных структур управления.

Ник Лэнд критикует демократию, и наиболее ярко это проявляется в его утверждении, что «демократия стремится к фашизму». Его политическая философия прямо противопоставляет себя эгалитаризму и рассматривает демократию как ограничение свободы и отказ от ответственности. Акселерационизм Лэнда, то есть позиция, которая призывает к резкой интенсификации капиталистического роста, технологических изменений и радикальным социальным преобразованиям, называемым «ускорением» (acceleration), рассматривает демократические институты

как препятствие для технологического развития и трансформационного потенциала капитализма. Его восхищение техноавторитарными политическими системами, например, китайской, показывает, что он предпочитает модели управления, в которых технологический прогресс приоритетнее демократического участия.

Разочарование Тилья в либеральной демократии проистекает из понимания политики как источника постоянного социального конфликта: «Я считаю, что политика слишком напряжена. Вот почему я либертарианец. Политика злит людей, разрушает отношения и поляризует их видение: мир — это мы против них; хорошие люди против других. Политика — это вмешательство в жизнь других людей без их согласия. Возможно, именно поэтому в прошлом либертарианцы добились незначительного прогресса в политической сфере. В этой связи я выступаю за то, чтобы направить энергию в другое русло, на мирные проекты, которые некоторые считают утопическими»¹⁰.

Политика как таковая устанавливает государственные рамки, а либеральная демократия усугубляет негативный эффект политических рамок, накладывая процедурно-правовые ограничения на экономический и технологический прогресс.

Несмотря на многообразие взглядов и идей, темные просветители сходятся еще и в понимании своей миссии по отстаиванию свободы и прогресса, предлагая техноавторитарную перспективу, в которой эффективность, технологический прогресс и иерархическое управление ставятся во главу угла. Так, все три вышеназванные фигуры восхищаются авторитарным лидерством и рыночно ориентированными моделями правления, которые поддерживают технологический прогресс. Они предпочитают корпоративные структуры управления вместо институтов демократического правления, считая, что централизованное и эффективное принятие решений дает лучшие результаты, чем демократическая делиберация и организованная бюрократия.

Это видение в корне пересматривает отношения между человеком и государством. Вместо того чтобы рассматривать граждан как коллективных участников управления с помощью демократических средств, люди рассматриваются как потребители, выбирающие между конкурирующими продуктами управления (Ярвин), катализаторы или носители технологического прогресса (Лэнд) или потенциальные «великие люди», которые могут создать новые пути для свободы вне политических ограничений (Тилья). Каждая из этих точек зрения умаляет демократическую власть в пользу рыночных механизмов или технологического детерминизма.

Идеи таких мыслителей, как Ярвин, Лэнд и Тилья, бросают серьезный вызов либеральным демократическим принципам, переосмысливая понятия человеческой природы, свободы и управления. Их пессимистичный взгляд на человечество заставляет усомниться в способности

обычных людей к здравому суждению при участии в демократических процессах. Их переосмысление свободы ставит во главу угла технологическое и экономическое развитие, а не демократическое самовыражение. Более того, их критика либеральной демократии подрывает ее основные принципы в пользу авторитарных альтернатив, основанных на корпоративных структурах.

У Темного Просвещения есть свое видение будущего Запада или даже всего человечества. И его «катализаторы и носители» начали активно выходить за пределы своего корпоративного гетто с революционными целями.

Питер Тиль занимает среди темных просветителей особую позицию. Он выступает за пересмотр классических просвещенческих представлений о человеческой природе, признавая при этом, что полный отказ от современности невозможен и нежелателен. Опираясь на некоторые идеи Лео Штрауса, Тиль считает, что для защиты Запада и всего того, что

*У Темного Просвещения
есть свое видение будущего
Запада или даже всего
человечества*

является его основой, — технологического прогресса и свободы личности — необходимо рассматривать «запретные вопросы». Это требует балансирования между приверженностью принципам свободы и стратегическим прагматизмом — призна-

нием того, что «успех Запада обусловлен как приверженностью принципам свободы и справедливости, так и стратегическими отклонениями от этих принципов»¹¹.

Философская система Питера Тили представляет собой последовательный, хотя и противоречивый вызов основному либерально-демократическому мышлению. Его пессимистичный взгляд на человеческую природу, скептическое отношение к демократии, критика рационализма эпохи Просвещения и альтернативное видение обеспечения свободы посредством технического прогресса создают целостное мировоззрение, которое повлияло на его бизнес, политическую позицию и филантропическую деятельность. Хотя критики отвергают идеи Тили как авторитарные и иллиберальные, его бизнес-философия представляет собой интеллектуальную попытку устранить то, что он считает фундаментальными недостатками современной политической теории. Независимо от того, насколько они могут вызывать согласие других интеллектуалов, понимание философских взглядов Тили дает ценное представление об одной из самых влиятельных и противоречивых фигур в современной американской политике и философии.

2. Критика европейской демократии со стороны Дж. Д. Вэнса

Джеймс Дэвид Вэнс, нынешний вице-президент США, представляет собой человека, которого многие наблюдатели считают продолжателем идей Тили и всего Темного Просвещения в американской политике.

Ибрагим Эль-Салахи (Ibrahim El-Salahi). Возрожденные звуки снов детства. 1962

Вэнса часто называют «творением Тиля», имея в виду как его деловую карьеру, так и политическое восхождение. Его путь к одному из важнейших постов в США отражает то, как концепции Темного Просвещения все больше становятся мейнстримом западной политики.

Выступление Дж. Д. Вэнса на Мюнхенской конференции по безопасности в 2025 году стало значительным отступлением от традиционного американского дипломатического взаимодействия с европейскими союзниками. Как уже было сказано вначале, вместо обсуждения военного сотрудничества или проблем безопасности вице-президент Вэнс сосредоточился на критике нынешней практики европейской либеральной демократии. Речь вице-президента Дж. Д. Вэнса состояла из шести ключевых месседжей.

Основной тезис выступления Вэнса заключался в том, что главный вызов безопасности Европы исходит не извне, а изнутри: «Угроза,

которая меня больше всего беспокоит по отношению к Европе, — это не Россия, не Китай, не какой-либо другой внешний актор. Меня беспокоит угроза изнутри, отступление Европы от некоторых из ее самых фундаментальных ценностей — ценностей, разделяемых с Соединенными Штатами Америки»¹².

При таком подходе традиционные опасения по поводу опасности России и Китая для Запада были значительно преуменьшены в пользу культурно-политической критики самой Европы.

Во-вторых, Вэнс уделил значительное внимание тому, что он охарактеризовал как европейские ограничения свободы слова, особенно в отношении консервативных взглядов. Он обвинил европейских лидеров в использовании «уродливых слов советской эпохи, таких как ложная информация и дезинформация», чтобы заставить замолчать политическую

Основной тезис Вэнса заключался в том, что главный вызов безопасности Европы исходит не извне, а изнутри

оппозицию. Вэнс привел конкретные примеры из разных стран: осуждение в Швеции христианского активиста за сожжение Корана, действия немецкой полиции против антифеминистских комментариев и законы Великобритании, устанавливающие «зоны безопас-

ного доступа» вокруг клиник, делающих аборты.

В-третьих, вице-президент назвал массовую иммиграцию одной из важнейших проблем Европы, отметив рекордное количество иностранцев, родившихся в Германии. Он связал нападение афганского иммигранта на профсоюзных демонстрантов в Мюнхене, совершенное за день до его выступления, с более широкими провалами в иммиграционной политике. Вэнс предположил, что европейские лидеры принимали «сознательные решения», которые привели к росту миграции из стран, не входящих в ЕС.

В-четвертых, он поднял вопрос о демократической легитимности и честности выборов в Европе. Вэнс раскритиковал аннулирование первого тура президентских выборов в Румынии в конце 2024 года. Он заявил, что «если ваша демократия может быть разрушена несколькими сотнями тысяч долларов цифровой рекламы из другой страны, значит, она не была очень сильной с самого начала». Он также упрекнул европейские элиты в нежелании принимать результаты выборов, которые бросают вызов устоявшимся позициям: «Дело демократии — решать важные вопросы у избирательной урны. Я считаю, что отстранение людей, игнорирование их проблем или, что еще хуже, закрытие СМИ, закрытие выборов или отстранение людей от политического процесса ничего не защищает. На самом деле это наиболее верный способ уничтожить демократию. А высказывание и выражение мнения не является вмешательством в выборы, даже если люди выражают мнение за пределами вашей страны и даже если эти люди очень влиятельны. И поверьте

мне, я говорю это со всем юмором: если американская демократия может пережить десять лет ругани Греты Тунберг, то вы, ребята, сможете пережить несколько месяцев Илона Маска».

В-пятых, хотя это и не было основным направлением речи, Вэнс кратко коснулся традиционных проблем безопасности, подчеркнув необходимость увеличения европейского оборонительного вклада. Что касается потребностей Украины на оборону, вице-президент просто упомянул о возможности «разумного урегулирования» между Украиной и Россией, не уточнив, что это может повлечь за собой. Такое краткое обращение к тому, что, как ожидалось, должно было стать центральным пунктом речи, заслуживает внимания как фигура умолчания.

Наконец, шестым тезисом Вэнс дал сигнал о значительных изменениях в американо-европейских отношениях при второй администрации президента Трампа, заявив: «В городе появился новый шериф под руководством Дональда Трампа». Он сравнил подход нынешней администрации с предыдущей политикой, пообещав, что она «будет делать прямо противоположное» тому, что администрация Байдена якобы делала для подавления инакомыслия.

Особого внимания заслуживает явный разворот от вопросов безопасности к культурно-политическим проблемам. Такой подход отражает фундаментальную переориентацию приоритетов американской внешней политики при второй администрации Трампа, интеллектуальным архитектором которой, вероятно, является Вэнс.

Мюнхенская речь продемонстрировала удивительное соответствие позиции Вэнса нескольким ключевым аспектам философского мировоззрения Тиля. Во-первых, в выступлении прозвучала открытая критика либеральных институтов Европы, которая отражает давний скептицизм Тиля в отношении либеральных демократических институтов и господства бюрократии. Подвергая сомнению легитимность европейских ответов на предполагаемое вмешательство в выборы, Вэнс операционализировал критику Тиля в адрес прогрессивистского истеблишмента.

Возможно, наиболее важным в этой речи является то, что конфронтационный характер выступления Вэнса перед аудиторией, состоящей из традиционных союзников США, отражает желание Тиля подрывать устоявшиеся консенсусы. Тиль известен тем, что делал «рискованные инвестиции, которые окупались», и готовность Вэнса бросить вызов европейским лидерам на их собственном форуме демонстрирует аналогичный интерес к интеллектуальному риску и конфронтации с устоявшимися нормами.

3. Реакция европейцев на выступление Дж. Д. Вэнса

Хотя Вэнс сформулировал свою критику как защиту свободы от чрезмерного влияния прогрессистов, многие европейские лидеры и интеллектуалы расценили его выступление как атаку на основные

либерально-демократические принципы. Как показывает видеорепортаж с конференции, немедленная реакция на выступление Вэнса в конференц-зале была показательной: гробовое молчание. Многие СМИ описывали европейских лидеров как «ошеломленных» высказываниями вице-президента. Например, по сообщению ВВС, «это были очень странные 20 минут, встреченные в основном молчанием делегатов в зале. Даже шутки... не вызвали ни одного смешка»¹³. Эта невербальная реакция представляла собой важный дипломатический сигнал, указывающий на глубокое несоответствие между высказываниями вице-президента и ожиданиями аудитории. Впрочем, европейские чиновники, присутствовавшие на конференции, выразили свой шок в частных беседах с журналистами.

Далее последовал шквал публичных обличений со стороны европейских политиков и интеллектуалов. Бурная реакция европейцев на эту речь выявила не только фундаментальный философский раскол между нынешней американской администрацией и европейскими лидерами по поводу природы западных ценностей, но и политический раскол среди континентальных элит. Иван Крастев метко определил этот раскол как «столкновение между революционерами, поддерживающими Трампа, и либеральными националистами»¹⁴.

Откликнувшихся критикой на речь Вэнса официальных лиц ЕС и политиков европейских стран можно классифицировать, используя термин Крастева, как «либеральных националистов» (при этом, правда, европейцев нужно считать нацией). Например, министр обороны Гер-

Реакция на выступление Вэнса в конференц-зале была показательной: гробовое молчание

мании Борис Писториус стал одним из самых ярких критиков, заявив, что речь Вэнса «неприемлема». В своем ответе Писториус сформулировал защиту европейских ценностей, которая косвенно отвергла критику Вэнса и идеи, лежащие в ее основе¹⁵.

В целом я могу выделить как минимум три ключевых аргумента, использованных защитниками европейской демократии против речи Вэнса. Во-первых, многие из них отвергли представление Темного Просвещения о европейских демократиях как о все более авторитарных или цензурирующих. Урсула фон дер Ляйен и Борис Писториус представили европейские демократические системы не как отступающие от фундаментальных ценностей, а как активно защищающие их от различных угроз.

Во-вторых, значительная часть критики была направлена на отклонение Вэнса от ожидаемых дипломатических норм и предметных обсуждений вопросов безопасности. Репортер Би-би-си отметил: «Мюнхенская конференция по безопасности в этом году должна была быть посвящена в основном двум вопросам: как закончить войну в Украине, не уступая России, и как Европе увеличить расходы на оборону. Но...

Вэнс использовал свое время на трибуне, чтобы поговорить ни о том, ни о другом»¹⁶.

Это стратегическое отступление от насущных вопросов безопасности к культурным претензиям было расценено либеральными европейскими националистами как дипломатически неуместный и потенциально вредный для интересов безопасности Запада жест.

В-третьих, некоторые защитники европейской демократии обратили внимание на явные противоречия в словах Вэнса, особенно в отношении участия США в той самой политике, которую он осуждал. В анализе UnHerd, к примеру, отмечается: «Хотя нападки Вэнса на европейский авторитаризм убедительны, его упущение роли США в этих событиях столь же примечательно»¹⁷.

По поводу аннулирования выборов в Румынии, которое критиковал Вэнс, Томас Фази, аналитик UnHerd, справедливо заметил, что «именно Госдепартамент США первым выступил с заявлением, выразив озабоченность по поводу вмешательства России, за два дня до того, как Конституционный суд Румынии аннулировал результаты выборов»¹⁸.

*Многие из европейцев
отвергли представление
Темного Просвещения
о европейских демократиях
как о все более
авторитарных
или цензурирующих*

Хотя официальные ответы европейского руководства были преимущественно критическими, некоторые СМИ и комментаторы выразили согласие с тезисами Вэнса. Журналист немецкой газеты Frankfurter Allgemeine Zeitung Николас Буссе, например, написал, что «Вэнс был не совсем неправ по некоторым пунктам». Журналист также признал опасения по поводу того, что выборы в Румынии были отменены «по неубедительным причинам», и задался вопросом, почему некоторые популистские партии не были допущены к участию в конференции¹⁹.

Интересно, что европейские союзники президента Трампа в основном хранили молчание по поводу речи Вэнса. Например, премьер-министр Венгрии Виктор Орбан напрямую не комментировал ее, однако его последующие политические действия указывали на явное согласие со взглядами вице-президента. После Мюнхенской конференции Орбан направил письмо председателю Европейского совета Антониу Коште, в котором призвал ЕС последовать «примеру США» и «вступить в прямые дискуссии с Россией», что поддерживает отказ Вэнса от традиционных рамок безопасности²⁰.

Я выделил как минимум четыре аргумента в поддержку критики со стороны вице-президента европейского либерального прогрессивизма.

Во-первых, наиболее часто европейские политики и эксперты озывались согласны с критикой европейской миграционной политики. Журналист газеты Frankfurter Allgemeine Zeitung прямо признал, что «неконтролируемая массовая иммиграция стала серьезной проблемой в

Тиона Неккиа МакКлодден (Tiona Nekkia McClodden). Тревога: Эпос черной Америки, Движение I — Видения. 2014

Европе»²¹. Этот консенсус по вопросам иммиграции отражает растущие популистские настроения в Европе, которые бросают вызов устоявшейся миграционной политике.

Во-вторых, многие европейские комментаторы согласились с критикой Вэнса в отношении институционального ограничения влияния популистских движений. Обеспокоенность по поводу отмены выборов в Румынии и той легкости, с которой это было сделано, нашла отклик у критиков руководства ЕС. Аналогичным образом исключение таких партий, как немецкая AfD и Австрийская партия свободы, из правящих коалиций, несмотря на их высокие результаты на выборах, было названо потенциальным подрывом демократического представительства.

В-третьих, критика Вэнса, касающаяся ограничений свободы слова в Европе, нашла сочувствие у некоторых европейских комментаторов. Европейский дискурс характеризуется как подавляющий легитимные дискуссии. Эта точка зрения совпадает с аргументом Вэнса о том, что европейские институты все больше ограничивают фундаментальные свободы.

В-четвертых, некоторые интерпретировали речь Вэнса как свидетельство фундаментального сдвига в американско-европейских отношениях при втором сроке Трампа. Многие европейские интеллектуалы предположили, что, помимо конкретных разногласий в политике, речь

идет о более глубоком философском разрыве с трансатлантическим консенсусом, сложившимся после Второй мировой войны. Более значимые последствия этого разрыва сформулировал бывший министр иностранных дел Литвы Габриэлус Ландсбергис, который интерпретировал речь Вэнса как четкий сигнал о том, что Европа должна развивать большую стратегическую автономию: «Мы должны взять себя в руки и понять, как справиться с проблемами самостоятельно».

Такая реакция свидетельствует о том, что некоторые европейские лидеры восприняли эту речь не просто как дипломатический промах, а как признак ослабления приверженности США делу европейской безопасности и либеральному международному порядку.

*Габриэлус Ландсбергис
интерпретировал речь
Вэнса как сигнал о том, что
Европа должна развивать
стратегическую автономию*

4. Концепции классического Просвещения под ударом

Описанные дебаты касались и философского измерения — конфликта между установками классического и Темного Просвещения.

Во-первых, очевидно, что европейские прогрессисты (они же либеральные националисты) объединяются вокруг демократического суверенитета и самоопределения. Например, отказ канцлера Шольца от критики как от внешнего вмешательства в немецкую демократию, поддержанный многими другими немецкими политиками, подчеркивает принцип Просвещения, согласно которому законное правление происходит из согласия граждан. Утверждая право Германии определять свои собственные демократические процессы без вмешательства Америки, Шольц защищает основополагающую концепцию Просвещения о национальном самоопределении от того, что многие европейцы воспринимают как попытку навязать суверенным демократическим государствам внешние ценности. Однако европейские сторонники Трампа быстро опровергают этот аргумент, ссылаясь на транснациональный и несуверенный характер современной европейской политики, а также на все большие ограничения базовых свобод на континенте.

Во-вторых, защитники ЕС отстаивали рациональный дискурс и международное сотрудничество, основанное на общих правилах. Например, президент Германии Франк-Вальтер Штайнмайер раскритиковал мировоззрение администрации Трампа за пренебрежение «установленными правилами, партнерскими отношениями и давним доверием», добавив, что допустить доминирование такого мировоззрения «было бы пагубно для международного сообщества»²². Эта защита устоявшихся международных норм отражает акцент эпохи Просвещения на рациональном сотрудничестве между странами и неприятие конфронтационного одностороннего подхода. Впрочем, сторонники новой администрации США парируют, утверждая, что существовавшие международные

правила приводили к экономическим потерям американской стороны, а значит, не были равноправными и добросовестными.

В-третьих, критика либеральной демократии со стороны Темного Просвещения и подходы новой администрации США продолжают поддерживать европейский центризм, основанный на давней традиции сбалансированного понимания свободы. Большинство европейских реакций предполагали защиту более контекстуального понимания свободы — такого, которое уравнивает индивидуальные свободы с коллективной ответственностью и защитой. В то время как Вэнс критиковал европейские ограничения на определенные формы высказываний (например, активистов, выступающих против аборт вблизи клиник), европейские чиновники неявно защищали свой подход, балансирующий между свободой слова и защитой уязвимых групп, что отражает

тонкое понимание свободы в социальном контексте, принятое в эпоху Просвещения.

В-четвертых, эти дебаты касались способности человека быть автономным субъектом — носителем универсальных прав. Негативная реакция европейцев на высказывания Вэнса об иммиграции отразила их приверженность

Негативная реакция европейцев на высказывания Вэнса об иммиграции отразила их приверженность универсальным принципам прав человека

универсальным принципам прав человека, вытекающим из идей Просвещения. Отвергнув характеристику Вэнсом иммиграции как самой насущной проблемы Европы, европейские лидеры имплицитно защитили свой универсалистский подход к человеческому достоинству, который распространяет права за пределы национальных границ. В то же время европейские «трамписты» аплодировали заявлениям Вэнса и требовали национальных дискуссий о миграционных политиках.

По своей сути столкновение двух Просвещений, проявившееся в этой дискуссии, продемонстрировало принципиально разные философские подходы к пониманию свободы и прогресса новой американской администрации и европейского политического мейнстрима. В то время как Вэнс критиковал европейские институты за то, что они игнорируют волю народа в таких вопросах, как иммиграция или поддержка на выборах кандидатов, не принадлежащих к основному движению, европейские лидеры защищали свою либерально-демократическую модель с ее акцентом на конституционные гарантии, институциональные сдержки и противовесы, защиту прав меньшинств — все это вытекает из классической политической философии, основанной на идеях классического Просвещения.

1. *Land N.* The Dark Enlightenment. 2012.
<https://www.thedarkenlightenment.com/the-dark-enlightenment-by-nick-land/>
2. *Yarvin C.* The Cathedral or the Bizarre. The Tablet. 2022, March 31.
3. См. прежде всего блоги за авторством Mencius Moldbug 2018–2020 годов, а также книгу Н. Лэнда «Темное Просвещение» (*Land N.* Dark Enlightenment. Imperium Press, 2022).
4. *Thiel P.* The Education of a Libertarian. Cato Unbound. 2009, April 13. <https://www.cato-unbound.org/2009/04/13/peter-thiel/education-libertarian>
5. *Yarvin C.* The Interview: Curtis Yarvin Says Democracy Is Done. The New York Times, 2025, January 18.
<https://www.nytimes.com/2025/01/18/magazine/curtis-yarvin-interview.html>
6. *Thiel P.* The Education of a Libertarian.
7. *Hirshman A.* Exit, Voice, and Loyalty. Harvard University Press, 1970.
8. *Land N.* Xenosystems. Passage Publishing, 2024.
9. *Thiel P.* Your Suffrage Isn't in Danger. Your Other Rights Are. Cato Unbound. 2009, May 1. P. 191. <https://www.cato-unbound.org/2009/05/01/peter-thiel/suffrage-isnt-danger-other-rights-are/>
10. *Thiel P.* Your Suffrage Isn't in Danger...
11. *Thiel P.* The Straussian Moment // Politics and Apocalypse / Ed. R. Hamerton-Kelly. Michigan State University Press, 2007. P. 192.
12. *Vance J. D.* FULL TRANSCRIPT: VP JD Vance Remarks at the Munich Security Conference. The Singju Post. 2025, February 15.
<https://singjupost.com/full-transcript-vp-jd-vance-remarks-at-the-munich-security-conference/?singlepage=1>
13. *Gardner F.* JD Vance's blast at Europe ignores Ukraine and defence agenda. BBC. 2025, February 15. <https://www.bbc.com/news/articles/c4g9nmezykjo>
14. См.: *Krastev I.* Europe should hijack Trump's revolutionary plans for the world. Financial Times. 2025, February 28.
<https://www.ft.com/content/3507673c-f599-4547-9455-bf698a425bc7>
15. Цит. по: *Atkinson E.* JD Vance attacks Europe over free speech and migration. BBC. 2025, February 15. <https://www.bbc.com/news/articles/ceve3wl21x1o>
16. *Gardner F.* JD Vance's blast at Europe ignores Ukraine...
17. *Fazi T.* JD Vance's Munich speech was full of contradictions. UnHerd. 2025, February 15. <https://unherd.com/newsroom/jd-vances-munich-speech-was-full-of-contradictions/>
18. Там же.
19. *Busse N.* Der Westen schwächt sich selbst. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2025, February 25. <https://www.faz.net/aktuell/politik/sicherheitskonferenz/kulturkampf-und-ideenlosigkeit-auf-sicherheitskonferenz-110300487.html>
20. Цит. по: *Fornusek M.* Hungary, Slovakia threaten EU unity on Russia, Ukraine ahead of key summit. The Kyiv Independent. 2025, March 2. <https://kyivindependent.com/hungary-slovakia-threaten-eu-unity-on-russia-ukraine-ahead-of-key-summit/>
21. *Busse N.* Der Westen schwächt sich selbst.
22. Xinhua. World Insights: U.S. VP's speech in Munich sparks European backlash, widening transatlantic rifts. Xinhua News. 2025, February 16.
<https://english.news.cn/20250216/43de3bf82a6c4b94875c41d8aff0395b/c.html>

*Кирилл Кортеев,
руководитель
международной практики
правозащитной группы
«Агора»*

*Об универсальном понятии прав человека**

Права человека можно найти и в Древней Греции, и во времена американской или особенно Французской революции, однако даже Декларация прав человека и гражданина 1789 года — это политическая декларация в революционной Франции. Юридическим документом, то есть применяемым в судах, она стала лишь в 1971 году, а может, и в 2010 году — зависит от того, считаем ли мы Конституционный совет Франции судом или нет. Всеобщая декларация прав человека очень хорошая модель того, что мы (по крайней мере, после Второй мировой войны) думаем о правах человека.

Практически ни одно право в этой декларации не сформулировано через его ограничения. Т.е. эта декларация не задумывалась как документ для судов или исполнительной власти. Многие права — кроме запрета пыток, запрета рабства и еще нескольких — почти обязательно ограничены в реальной жизни. Например, ваша свобода слова ограничивается частной жизнью других лиц, про которых вы не всегда можете говорить гадости, даже если очень хочется.

Первым вызовом для всеобщности прав стали позиции представителей капиталистической и социалистической систем в послевоенные годы. В науке и коллективной памяти широко распространен стереотип, будто бы западный мир считал самыми важными гражданские и политические права, то есть свободу слова, свободу собраний, а социалистический мир, напротив, социально-экономические и культурные права. На самом деле обе стороны (особенно советская) не очень стремились признавать права человека юридически обязательными нормами.

Почему мы считаем права человека фундаментальными? Потому что на национальном уровне это нормы, которые ограничивают действия законодателя.

* Выступление на семинаре Школы в Вильнюсе 4 декабря 2024 года.

А на международном уровне ограничивают деятельность государства. На национальном уровне в СССР ничего не сдерживало ни Верховный Совет, ни Центральный комитет Коммунистической партии, ведущая роль которой была прямо закреплена в Конституции. На международном уровне СССР прилагал все усилия для того, чтобы выполнение норм выглядело так: окей, это обязательные нормы, но нет никакого способа проверить их соблюдение и тем более принудить к этому. США также не выказывали страстного желания следовать нормам. Если мы посмотрим на такой важный политический текст, как выступление Михаила Горбачева в ПАСЕ, то увидим, какое большое разочарование оно вызвало. Все ожидали, что Советский Союз выразит какую-то приверженность системе, в которой права человека не только провозглашены, но и существуют механизмы если не принуждения к исполнению прав, то хотя бы проверки, исполняются они или нет (например, Европейская конвенция по правам человека). Но Горбачев сказал, что в сфере прав человека СССР устраивала только система ОБСЕ, при которой, естественно, политические обязательства не имели обязательного механизма контроля.

*Почему мы считаем
права человека
фундаментальными?*

Если же говорить про другой лагерь, то США тоже стремились к тому, чтобы их ничего не сдерживало на международном уровне, однако есть отличие. Все-таки в США существовала система отслеживания, соблюдает ли исполнительная и законодательная власть нормы Конституции и нормы международного права.

Отсутствие ограничений на свободу слова имеет свои положительные и отрицательные моменты. Проблема Первой поправки к Конституции США, например, в том, что только одна институция не может ввести цензуру — федеральное правительство и правительства штатов, а все остальные могут. Когда есть какое-то одно общее регулирование, которое говорит, что есть свобода слова, но нельзя призывать к насилию и дискриминации, — это не обязательно плохо.

Декларация всеобщая еще и потому, что в ее подготовке участвовали действительно практически все члены ООН из разных регионов. Естественно, это быстро забыли, потому что критика Всеобщей декларации прав человека и системы пактов и конвенций ООН пошла по той линии, что права человека — это культурная особенность одних стран, поэтому она не универсальна, а соответственно, в других странах может быть что-то другое или вообще ненужное. И дебаты в Вене в 1993 году вокруг Венской декларации и Программы действий говорят о том, что культурный релятивизм не побежден до сих пор. Я обращаю ваше внимание на то, что обычно к нему склонны государства, мягко говоря, недемократические, от имени которых выступают представители правительств. Мне еще ни разу не приходилось встретить жертву пыток, которая бы сказала, что запрет пыток не должен быть универсален.

Это не значит, что права человека принимаются безоговорочно. Например, можно вспомнить американскую историю с кандидатом в президенты от республиканцев Барри Голдуотером, который первым в 1964 году использовал религиозную повестку, чтобы критиковать права человека. Как потом выяснилось, сам-то он не был против аборт.

Для многих моих коллег в Дублине или в Кейптауне права человека — это повестка местной социалистической партии. Это не обязательно плохо, это привело к большому количеству достижений в сфере равенства людей перед законом и защиты свободы выражения мнений,

*Дебаты в Вене в 1993 году
вокруг Венской декларации
и Программы действий
говорят о том, что
культурный релятивизм
не побежден до сих пор*

защиты приватности. Однако это также значит, что такие организации будут в меньшей степени готовы критиковать нарушения прав человека, которые имеют место в «левых» диктатурах, например, в Венесуэле. Еще одна проблема в том, что если вы включаете права человека в повестку вашей политической партии, то стирается граница между правами человека и политикой.

И это основания для критики прав человека справа. В «правой» английской прессе про Европейский суд по правам человека постоянно пишут: «Неизбранные судьи из Брюсселя решают, как жить в Англии». Однако судьи избираются (и не из Брюсселя), и, как правило, они не могут решать, как жить в Англии. В институты, которые, по идее, должны обеспечивать проверку соблюдения государствами норм о правах человека, государства назначают тех, кто не склонен слишком пристально и критически оценивать их соблюдение. За последнее десятилетие мы видели, как Европейский суд по правам человека отказывается от достижений за предыдущие 15–20 лет по большому количеству пунктов.

Я обратил внимание на то, что правительство Великобритании выступало как третья страна в деле Украины и Нидерландов против России, касающемся сбитого «Боинга-777». И один из вопросов тогда был, осуществляла ли Россия юрисдикцию вне своих границ над частью украинской территории в 2014 году. Великобритания всегда боролась с тем, что Европейский суд распространял ее юрисдикцию, то есть ее ответственность за соблюдение прав человека, например, на Ирак или Афганистан, где были размещены британские войска. И теперь Великобритания оказалась в ситуации, когда она сама должна была защищать эту позицию. Политически она бы хотела поддержать Украину, но позиция Украины фундаментально противоречила позиции Великобритании. Здесь политика столкнулась с правом. И это не помогло Украине.

Критика с разных политических концов спектра, к сожалению, не так уж отличается друг от друга, потому что у нее есть нечто общее — как ультралевые, так и ультраправые настаивают на том, что власть не должна

Элана Манн (Elana Mann). Надежда — это молот. 2023

быть чем-либо ограничена. В одном случае это будет диктатура пролетариата, а в другом — это будет фюрер, президент — кто угодно, изгоняющий с глаз долой «не таких, как мы» и действующий без каких-либо ограничений. Я долго пытался понять, почему левая социальная мысль так восхищена Карлом Шмиттом. «Левые» вам скажут, что теория нормативизма Ганса Кельзена породила фашизм, а Карл Шмитт — великий философ. Но на самом деле как раз наоборот — Шмитт создал идеологическую базу для фашизма, а Кельзен пострадал от фашизма, ему пришлось бежать от нацистов.

Для многих моих коллег идея прав человека — это повестка социалистической партии, но исторически именно европейские «правые» внесли огромный вклад в систему прав человека. Они хотели сдержек на случай, если «левые» придут к власти и начнут национализацию или запретят свободу слова. Итак, мы возвращаемся к идее «Уважайте свою Конституцию!». Есть определенные обязательные нормы, и их должны соблюдать как правительства, которые вам нравятся, так и правительства, которые вам не близки.

Александр Есенин-Вольпин, не читая Кельзена, переизобрел нормативизм. Но идеи, которая обычно сводится к своей карикатуре в виде фразы «закон есть закон», ни у Кельзена, ни тем более у Есенина-Вольпина нет. Особенно у Кельзена, который был философом права и объяснял, как создаются правовые нормы и почему они создаются, почему их действительность не зависит от политических или религиозных норм. Правовые нормы имеют ту особенность, что создаются в

Исторически именно европейские «правые» внесли огромный вклад в систему прав человека

процедуре, предусмотренной ранее существовавшими правовыми нормами. Значение этих правовых норм не зависит ни от того, что вам говорит партия, ни от того, что вам говорит религиозный лидер, ни от того, какое сегодня соотношение на улице классовой борьбы.

У Вольпина есть один малоизвестный, но абсолютно фантастический текст — это комментарии к Конституции 1936 года. Если взять эти комментарии и сравнить с какой-нибудь официальной книгой по со-

*Один из важнейших
юридических текстов
создал человек, который
по профессии математик*

ветскому государственному праву, то в ней будет сплошная трескотня: «учение Маркса всесильно, потому что оно верно», «великие достижения Советского государства для рабочих и крестьян». А у Вольпина: вот есть Конституция, и в ней вот такое-то поло-

жение означает то-то и то-то, а такая-то норма означает то-то и то-то. Получается, один из важнейших юридических текстов создал человек, который по профессии математик.

В завершение я скажу, что эта система становится все более горизонтальной. Часто нормы, применяемые в разных странах, или одинаковы (Европейская конвенция по правам человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, конституционные положения), или очень похожи. Многие суды начинают читать, что пишут другие суды. Далеко не во всех странах допустимо прямое цитирование иностранных судебных решений, но очень часто можно обнаружить следы того, что эти люди прочитали.

Дискуссия: вопросы и ответы

Участница: Меня интересует соотношение международного устройства, порядка, права и прав человека непосредственно. Такое ощущение, что мы в какой-то момент договорились, что мировой порядок выглядит как федерация свободных государств, где мы как страна, как государство не вмешиваемся в дела другого государства, и наоборот. Когда страна или институт не могут никак повлиять на то, что происходит в другом государстве с правами человека, чувствуется какая-то ничтожность этих институтов. И есть какое-то чувство, что Россия экспортирует нарушение прав человека в другие страны. И получается, что когда государство начинает нарушать права человека и превращается уже в какой-то диктаторский тоталитарный тип, то сейчас не существует ничего, что могло бы как-то это предотвратить.

К. Коротеев: Недемократические государства с большим удовольствием делятся между собой практиками, и это все заметнее. Это не только экспорт, например, российских законов о борьбе с иноагентами. Но также импорт, в том числе, крайне правой американской идеологии по поводу запрета аборт, по поводу прав ЛГБТ, и в данном случае

Россия — импортер, а не экспортер. К сожалению, ситуация ухудшается. И это тоже один из пределов — заставить диктаторское правительство перестать быть таким с помощью международных институтов невозможно. В определенных случаях можно проверить, соблюдаются ли нормы, если государство обязалось их соблюдать. Если мы не можем принудить Россию к соблюдению практически никаких прав (запрет пыток, запрет дискриминации, соблюдение свободы слова, справедливый суд), то на основании того, что мы знаем про Россию, и того, как эти права соблюдаются в любом другом государстве, например, в Индии, Кыргызстане или Боливии, мы, например, можем добиться, чтобы людей в эти страны не высылали или хотя бы не экстрадировали. Это слабое утешение, но уж лучше так.

Участница: Представляли ли вы себе другой расклад, например, когда государственные институты непосредственно могут вмешиваться в дела другой страны? Как такой мир может выглядеть?

К. Коротеев: Пока такое возможно только после единогласного решения Совета Безопасности ООН. Проблемы с ним очевидны, наверное, со времен корейской войны, и мы до сих пор их не решили. Существуют односторонние действия государств. Мы видим, что и вмешательство может быть серьезной проблемой, и невмешательство. Классический пример — Руанда. В результате в Руанде режим, устроивший геноцид, пал под военным давлением Руандийского патриотического фронта, который был создан за рубежом и просто пришел с войной и военной силой победил, но сам стал диктатурой — правда, не совершающей геноцида. Однако, наверное, правда в том, что надежды на Совет Безопасности скорее не оправдываются.

Татьяна: Насколько активно сейчас правовые эксперты и правозащитники обсуждают на международном уровне как таковой новый порядок, возможность формирования новых норм? Насколько я понимаю, принято решение, которому раньше не было прецедента, о том, что женщина из Афганистана, запрашивающая убежище в Европе, имеет право получить его сейчас только на основании того, что она из Афганистана. Мне хотелось бы понять, до какого момента можно не вмешиваться, если происходит геноцид и столкновения между двумя народами?

К. Коротеев: В случае Афганистана, мне кажется, это правильное толкование Конвенции о статусе беженцев. Другой вопрос, что надо возвращаться к тексту решения. Мне кажется, оно не совсем такое прямое, к сожалению, как хотелось бы. Часто вы видите заголовок, например: «Во Франции признали беженцами бегущих из российской армии». Вывод правильный, но там столько условий, что далеко не так просто их соблюсти. Возможно, но очень непросто. Со времен Косово, а может, даже со времен Руанды идут дискуссии среди юристов о

допустимости гуманитарной интервенции и о ее критериях. Договориться о каком-то едином, ясном наборе критериев, мне кажется, никто не смог, и непонятно, смогут ли. И тем более о проверке этих критериев в конкретных ситуациях. Например, есть геноцид в Газе или его нет? Нравится нам или нет, международное право создается государствами. И иногда о вещах, о которых могут договориться эксперты, не могут

*Нравится нам или нет,
международное право
создается государствами*

договориться государства. Но бывают моменты, когда что-то получается. Трибунал по Югославии, в частности, стал возможен, потому что администрация Буша проиграла выборы и решила, что «можно сделать

что-то, что иначе мы бы не сделали». Практика этого трибунала развивалась предсказуемо, если вы прочитаете то, что люди, которые были туда назначены судьями, писали в восьмидесятые годы. Так что жить нужно долго, к сожалению.

Участница: Получается, что международное право все равно упирается в некоторые политические стратегии определенных политических лиц перед избирателями.

К. Коротеев: Нормативистская теория нам напоминает, что принятие той или иной нормы — акт, безусловно, политический, но ее значение может и должно быть установлено интеллектуально, рационально и беспристрастно. И если это не так, то это можно проверить.

Участница (Израиль): У меня есть проект, который работает в России: мы оказываем помощь женщинам на Кавказе, чьи права на жизнь, на свободу передвижения, на воспитание своих детей нарушаются. Я не могу во многих случаях просто оплатить им адвоката или купить билет, потому что в условиях санкций нет возможности переводить деньги в Россию. Еще я знаю от своих подопечных в Европе, что они столкнулись с тем, что им долго отвечают, либо кого-то пытаются выдворить, либо еще какие-то претензии. Мы пытаемся узнать детали, им говорят, что там вот проходили какие-то беспорядки, безобразия, погромы и так далее. Но разве это делали женщины? Разве женщины убили учителя? Разве витрины в «Старбаксе» били женщины? Есть гендерный аспект, страдают женщины, которые не начинали войну. Их вина только в том, что они не остановили своего сына или мужа, желающего идти на войну.

К. Коротеев: Я понимаю, о чем вы говорите, потому что это проблема всех российских НКО. Сегодня нельзя просто сделать банковский перевод, как это было возможно еще недавно. И есть коллеги в Иране или Египте, которые умудряются делать фантастические вещи в условиях куда более жестких, чем российские. Что касается беженской политики в Европе, то, к сожалению, это все так. Ведь победить толпу хулиганов сложно, а выслать пару-тройку женщин — легко. «Вот как круто я

борюсь с миграцией! Голосуйте за меня! Дайте мне полные полномочия, и я их всех отсюда выгоню!» Здесь нет никакой волшебной палочки. 20 лет назад коллеги боролись, например, с экстрадициями и депортациями в Центральную Азию — Таджикистан и Узбекистан, где людям грозили пытки. Сейчас это снова происходит.

Инна Березкина: Возможно ли от международного права перейти к мировому праву? Люди с очень серьезным бэкграундом говорили, что это невозможно, так как будет деградация в сторону национального права, потому что есть ограничения, потому что нет варианта правоприменения, потому что нет такого «наднационального Совета Безопасности», который сможет эти решения проводить. Но дело даже не в естественных ограничениях — мы не наблюдаем запроса, а этот запрос — гражданский, и на самом деле это запрос на справедливость. В ежедневном режиме мы, правозащитники, видим, как люди пытаются бороться за каждую жизнь, как параллельно свободной рукой надо удерживать эти практики права в авторитарных пространствах. Вопрос же стоит куда шире: практики права надо удерживать не только в авторитарных пространствах, но и в свободной части мира. Вопрос в том, возможен ли вообще этот переход, или это действительно тупик.

Практики права надо удерживать не только в авторитарных пространствах, но и в свободной части мира

К. Коротеев: Путешествие каких-то норм и практик между не только авторитарными, но и хотя бы немного демократическими странами или странами с адекватной судебной системой возможно. И это вовсе не обязательно ограничивается Западной Европой. Один из лучших судов в мире — Конституционный суд ЮАР. И мы видим, что становится больше стран, признающих равенство людей, считающих, что полное отключение интернета — это плохая идея. Мы видим, что суды по всему миру требуют больше действий от исполнительной и законодательной власти, например, по борьбе с изменением климата. Есть много сфер, в которых мы по-прежнему можем оставаться оптимистами, и развитие технологий сильно помогает. 25 лет назад, когда я был студентом, сайт ЕСПЧ еще только появился, а до этого приходилось долго искать сборники судебных решений, которые, естественно, были далеко не везде. Сегодня все доступно в один клик. Это немножко разлагает, но мотивирует узнавать больше и идти вперед. Надежда есть, иначе бы я здесь уже не сидел.

*Тело протеста. Жизнь и смерть Алексея Навального в контексте биовласти**

*Сергей Медведев,
политолог, профессор
Карлова университета
(Прага)*

Близится годовщина убийства Навального. В том, что это было именно убийство, остается все меньше сомнений: на это указывает и последнее расследование The Insider, обнаружившее исчезновение из официальных документов упоминаний симптомов возможного отравления, и задержка с выдачей тела матери, и отказ в проведении альтернативной экспертизы биоматериалов¹. Впрочем, даже если мы и не получим окончательных свидетельств отравления, можно утверждать, что его целенаправленно и медленно убивали пыточными условиями содержания в исправительной колонии «Полярный волк» в далеком арктическом поселке Харп.

Известие о его смерти застало меня в пражском аэропорту: помню, как я остановился посреди огромного зала, в толпе, и стал хватать ртом воздух, чувствуя, как в груди растет пустота и душат слезы. Его смерть была предсказуемой, даже ожидаемой, но все равно это известие обрушилось на нас как катастрофа и окончательный приговор — не Алексею, не России, но нам самим. За год эта пустота обозначилась еще более четко, ее нельзя заполнить ничем и никем, и пришло время осознать, какую огромную роль играл Навальный не только в политике и медийном пространстве, но и в символической сфере, в мироощущении миллионов россиян, которым он давал надежду.

Его уникальная роль заключалась в том, что он сам был маркером политических свобод и уровня репрессий; граница между легальной политикой и государственным террором проходила через его тело. Сколько раз за минувшие пятнадцать лет нам

* Выступление на конференции «Феномен Навального: политика, общество, идентичность». Рига, 17 февраля 2025 г.
<https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSd6lig2FVWDmORKKF5yoA5z58GLiT-Xdjys99tw1TvDS2QzA/viewform>

доводилось слышать: «Если Навальный жив и не в тюрьме, ездит по стране и выпускает свои расследования, значит, в России все не так плохо». Люди продолжали говорить это и после того, как власть начала давить на Навального при помощи судов: за годы в оппозиции он стал фигурантом более десятка уголовных и административных дел, по шести из которых был вынесен обвинительный приговор. С 2011 по 2019 год Навальный провел под арестом 474 дня (232 в спецприемнике и 242 под домашним арестом)². Не раз он подвергался физическим нападениям: ему плескали в лицо зеленкой (в 2017 году он едва не лишился зрения из-за этой атаки, и лишь операция по пересадке роговицы в Барселоне помогла спасти глаз, хотя зрение в нем сильно упало), его пытались отравить как минимум трижды еще до покушения в Томске, о чем он писал в своем блоге³.

И в то же время Навальный эффективно сопротивлялся, опротестовывая приговоры, апеллируя к ЕСПЧ, выходя на свободу, излечиваясь после физических атак и неизменно возвращаясь к политической деятельности. Его поразительная телесная устойчивость была сигналом для протестного электората: если Навальный продолжает свою деятельность вопреки репрессиям Кремля, значит, в России еще сохраняется политика и шанс на перемены. Целостность тела Навального, сам факт его жизни, здоровья и свободы превратились в важнейший аспект массового сознания. В России сформировался целый класс людей, которые не теряли надежды и не уезжали из страны до тех пор, пока был цел Навальный. Тело Навального, таким образом, стало «телом протеста».

Тело короля и тело заключенного

Общая ситуация в российской политике в XXI веке приобрела телесный, биологический формат. С одной стороны, в ней господствует тело суверена: в персоналистской диктатуре Владимира Путина его физическое присутствие заменяет собой политические институты, российскую политику как таковую. Иллюстрацией стало знаменитое заседание Совета безопасности 22 февраля 2022 года, накануне вторжения в Украину, на котором Путин устроил политический спектакль, принудив свое ближайшее окружение, руководителей основных институтов власти, расписаться в беспрекословном подчинении, — дрожа от страха и путаясь в словах, они как один одобрили готовящееся нападение, которого явно страшились.

В этой системе особую политическую роль обретает тело суверена, его физиологические и социальные манифестации: мимика, жесты, легендарные путинские опоздания, его трамвайный юмор и прибалтненная речь. В эпидемию ковида его практики социального дистанцирования обрели гротескный характер: от двухнедельного карантина для всех, кто к нему приближался, до эпического десятиметрового стола, за которым он встречался со своими министрами и иностранными лидерами. Тело Путина, защищенное тысячами охранников, укрытое в резиденциях,

некоторые из которых находятся под землей (отсюда прозвище «бункерный дед»), отделенное многометровой дистанцией от журналистов и собеседников, стало выражением идеи абсолютного суверенитета.

Подобная персонификация государственной власти — свидетельство архаизации российской политики, и не случайно одним из ключевых текстов эпохи Путина оказался роман Владимира Сорокина «День опричника». Политические метафоры Средневековья могут быть полезным инструментом для понимания современной России, и здесь стоит

Тело Путина, защищенное тысячами охранников, стало выражением идеи абсолютного суверенитета

вспомнить классический трактат историка Эрнста Канторовича о политической теологии Средневековья «Два тела короля» (1957 г.). В нем Канторович исследует природу юридической фикции о двух телах короля в Англии эпохи Тю-

доров. Король понимается в двух разных значениях: как смертный человек и как сакральное политическое тело, обладающее способностью властвовать благодаря своему особому статусу. Король с юридической точки зрения выступает в роли корпорации, сосредоточенной в одном человеке (corporation sole).

Схожим образом в политической теологии современной России физическое тело президента превращается в политическое тело нации. Это выражено в известной максиме Вячеслава Володина: «Есть Путин — есть Россия, нет Путина — нет России». При этом, однако, следует помнить, что во времена европейских революций Нового времени этот дуализм приводил и к казни суверенов, как случилось в ходе Английской революции, когда в 1649 году решением парламента король Карл I был казнен. Трактовалось это событие как вполне законное действие политического тела короля (того, что называется «король в парламенте») в отношении его физического тела. В этом смысле физическое тело Путина является носителем мистической идеи государственного суверенитета: с одной стороны, оно особо ценный и охраняемый объект, с другой — в случае смерти или казни оно без проблем заменяется другим телом, группой людей (коллективным Путиным) или институтом: «Король умер, да здравствует король!»

Одновременно по мере укрепления авторитарного режима и коллапса институтов политического представительства оппозиционная деятельность в России также все больше сосредотачивалась в теле одного человека — Алексея Навального. Его борьба с судами и избиркомом, с задержаниями и нападениями, а затем и просто борьба за жизнь стали главным содержанием оппозиционной повестки. Сложилась парадоксальная ситуация: Навальный, который бросил вызов биовласти Путина, хотел вернуть в Россию реальную политику и бороться за Кремль, в итоге сам попал в парадигму биовласти и стал заложником собственного тела, своей жизни и здоровья.

Эту диалектику суверена и заключенного подметил Мишель Фуко в «Надзирать и наказывать», где он оборачивает логику Канторовича: «В самой темной области политического поля осужденный представляет симметричный перевернутый образ короля. <...> Если избыточная власть короля приводит к удвоению его тела, то не приводит ли эта власть, применяемая к подчиненному телу осужденного, к удвоению другого типа?»⁴ В российской машине биовласти удвоение тела суверена отразилось в удвоении тела главного

Навальный, который бросил вызов биовласти Путина, хотел вернуть в Россию реальную политику, стал заложником своей жизни и здоровья

оппозиционера. Биологическое тело Путина подменило собой российскую политику, но точно так же биологическое тело Навального явило собой концентрированное выражение оппозиционной повестки, которая стала хроникой его задержаний, избиений, отравлений, а затем и пыток в тюрьме; политика в России превратилась в заочный поединок двух физических тел.

Голая жизнь

Endlösung, «окончательное решение» проблемы Навального было отнесено на 2020-й. Этот год стал рубежным в эволюции российского режима, обозначив переход от гибридного авторитаризма к тоталитарному квазифашистскому режиму. Катализатором послужила эпидемия ковида: поначалу казалось, что это тот самый «черный лебедь», что может вызвать дестабилизацию и подорвать легитимность режима, но на деле пандемия стала прекрасным предлогом для перехода к чрезвычайному положению под видом санитарной диктатуры — карантин, изоляция и социальное дистанцирование были использованы для обоснования запрета на любые массовые мероприятия, шествия и одиночные пикеты оппозиции. Таков еще один пример использования биовласти для репрессий и консолидации авторитаризма. Кремль использовал ситуацию пандемии для ускоренного проведения конституционного референдума, который привел к окончательному захвату институтов государства. Пандемия оставила зачищенный политический ландшафт, дисциплинированную и лояльную элиту и послушное, демобилизованное и фаталистичное население⁵.

Кремль использовал ситуацию пандемии для окончательного захвата институтов государства

Одновременно триггером к приказу убить Навального стали события в Беларуси, где сфальсифицированные результаты президентских выборов в августе 2020 года привели к самой мощной в истории страны волне протестов, — на улицы ежедневно выходили сотни тысяч людей, несмотря на зверства полиции. Призрак революции в соседней стране вызвал паническую реакцию в Кремле, и, возможно, именно тогда и было принято решение о ликвидации политического оппонента.

История отравления Навального в Томске 20 августа 2020-го, экстренной посадки и реанимации в Омске, эвакуации в Германию и госпитализации в коме в берлинскую клинику «Шарите» хорошо задокументирована. На несколько недель главным фокусом российской политики стала хроника борьбы Навального за жизнь. Политическая жизнь страны определялась логикой биовласти. Если во время пандемии произошла медиализация российской политики, то теперь в историю болезни

На несколько недель главным фокусом российской политики стала хроника борьбы Навального за жизнь

превратилась ее главная коллизия — Путин против Навального. Незавершенное убийство политического оппонента трансформировало его тело и остатки жизни в нем в главную оппозиционную платформу — это не

только Навальный был на грани жизни и смерти, это весь российский протест последнего десятилетия боролся за жизнь на койке «Шарите». Произошло воплощение российской оппозиции в теле «берлинского пациента».

Выжив и частично восстановившись, Навальный принял роковое решение о возвращении в Россию. Он понимал, что его ждет арест, длительное заключение и, вероятно, смерть, но пошел на риск из моральных соображений, а также, возможно, рассчитывая, что его арест пробудит массы и вызовет протесты. Предавая себя в руки российской репрессивной машины, идя на обострение и поднимая ставки, Навальный совершил радикальный биополитический жест. В постковидном государстве с новой Конституцией (при невозможности реальной оппозиции и массового гражданского протеста) биовласть не оставила Навальному иного выбора, кроме как использовать свое тело и свою жизнь в качестве политического инструмента. 17 января 2021 года сразу же по прибытии в аэропорт «Шереметьево» он был задержан на паспортном контроле и арестован на 30 суток. Один за другим последовали показательные судебные процессы, все по сфабрикованным обвинениям: в марте 2022-го по делу «об оскорблении судьи» его приговорили к девяти годам в колонии строгого режима; в августе 2023 года по делу «о создании и руководстве экстремистским сообществом» — к 19 годам заключения в колонии особого режима.

С самого начала его заключения стало очевидно, что власть отдала приказ создать Навальному пыточные условия содержания. Весной 2021 года ему, только что попавшему в исправительную колонию № 2 Владимирской области, не давали нормально спать. Его признали «склонным к побегу» и поставили на профилактический учет. Поэтому ночью каждый час сотрудник ФСИН светил ему в лицо фонариком и громко отчитывался, что заключенный на месте. После каждого приговора Навального переводили в новую колонию. Условия его содержания постоянно ухудшались: если поначалу он сидел в общей камере, то с

Похороны Алексея Навального в Москве 1 марта 2024 г.

2022 года только в одиночной. Его постоянно направляли в разновидность карцера под названием ШИЗО («штрафной изолятор») — бетонную камеру 2,5 x 3 метра, где лавка и стол приварены к полу, а койка днем пристегнута к стене, и лежать на ней нельзя. Навальный за время заключения был водворен в ШИЗО 27 раз и провел в нем в общей сложности 308 дней⁶.

Пребывание Навального в тюрьме в 2021–2024 годах стало классическим примером «голой жизни» (*vita nuda*), балансирующей на грани небытия, как ее описывает философ Джорджо Агамбен в своей книге «Суверенная власть и голая жизнь», используя примеры из нацистских лагерей смерти. Заключенный в концлагере превращается в *homo sacer* — это ключевое понятие Агамбена, категория из древнего римского права, что обозначает преступника, отверженного и осужденного на смерть, которого любой может безнаказанно убить, но который не может быть принесен в жертву богам: он одновременно исключен как из *ius humanum*, так и из *ius divinum*, т.е. из человеческого и божественного порядка. Но одновременно, замечает Агамбен, «топология структуры этого двойного исключения напоминает структуру исключения суверенной власти», где правитель объявляет чрезвычайное положение и ставит себя выше закона⁷. «Голая жизнь», таким образом, является предельным проявлением суверенитета. И страдания Навального на грани жизни и

смерти, когда его нельзя было показательно казнить (аналог принесения в жертву), но каждый тюремщик волен был его безнаказанно и медленно убивать, служили доказательством суверенной власти Путина — правитель нуждается в постоянном явлении «голой жизни» перед глазами публики для подтверждения своего суверенитета.

Пользуясь терминами Канторовича, политическая теология России была основана на симметрии «Путина в Кремле» и «Навального в тюрьме», двух политических тел и двух биологических воплощений. Попытки Навального, о которых сообщали сводки очередного водворения его в ШИЗО, превратились в ежедневный публичный спектакль суверенной власти Путина, и если бы стечение обстоятельств в феврале 2024 года не привело к преждевременному убийству оппозиционера, этот биополитический перформанс мог бы продолжаться до естественной смерти одного из двоих.

Политика смерти

События, однако, ускорились ввиду предполагаемого обмена Навального на сотрудника российских спецслужб Вадима Красикова, отбывающего в Германии пожизненный срок за убийство бывшего чеченского полевого командира. Как предположила Мария Певчих, обмену Путин предпочел убийство Навального (вероятно, с использованием того же «Новичка»), чтобы избавиться от «предмета торга» и обменять Красикова на другого заложника⁸. 16 февраля 2024 года ФСИН распространила информацию, что Навальный «после прогулки почувствовал себя плохо», потерял сознание и умер, а пропагандистский канал Russia Today

принялся распространять версию, что у Навального якобы оторвался тромб.

Однако даже мертвое тело политика оставалось объектом манипуляций: более недели его не выдавали матери Людмиле Навальной, давили на нее, чтобы она согласилась на тай-

Похороны Навального вылились в последнюю в современной истории России акцию протеста

ные похороны без публичного прощания, и лишь после настойчивых требований общественных деятелей было разрешено захоронение на Борисовском кладбище в Москве. Так развернулся последний акт в сценарии биовласти, построенном вокруг тела Алексея Навального. Биополитика превратилась в свою «изнанку», по выражению Фуко, в танатополитику: контроль власти над жизнью превратился в контроль над смертью. И если раньше оппозиция боролась за жизнь Навального, то теперь она сражалась за его мертвое тело.

Похороны Навального вылились в последнюю в современной истории России акцию протеста: несмотря на риски возможных арестов и оперативную съемку агентами спецслужб, попрощаться с политиком пришли тысячи людей, скандировавших его имя и лозунги «Нет войне!» и «Путин — убийца!». Одновременно россияне несли цветы к

памятникам жертвам политических репрессий и создавали стихийные мемориалы: они появились как минимум в 140 городах России и в 68 — за границей⁹. Даже после смерти тело Навального продолжало свою политическую функцию, агрегируя протест и политическую динамику.

Повторюсь, это были последние массовые акции протеста в стране; в современной России, которая за время войны в Украине обрела все черты тоталитарного фашистского государства, подобные манифестации автоматически ведут к арестам и длительным тюремным срокам. Смерть и похороны Навального обозначили конец легальной оппозиционной политики в России: его тело было последним физическим и символическим воплощением этой политики. Именно поэтому его смерть и стала таким шоком, оставив ощущение зияющей пустоты, — она закрыла эпоху в истории России.

Биовласть подчинила себе российскую политику и уничтожает своих противников, борясь за их тела даже после смерти. «Политика жизни» превратилась в «политику смерти», биополитика путинского режима превратилась в некрополитику войны в Украине, которая уже унесла сотни тысяч жизней с обеих сторон. Идея санитарного и демографического контроля над населением, которая уже 15 лет доминирует в российской политике, превратилась в идею использования человеческого тела как природного ресурса, биомассы, «второй нефти» в этой самой кровавой войне в Европе со времен Второй мировой. Жители разрушенных украинских городов, миллионы украинских беженцев, сотни тысяч военнослужащих в окопах — убиты, выброшены из собственных домов, низведены до состояния «голой жизни». Биовласть, которая на протяжении многих лет использовалась для уничтожения Навального и построения в России фашистского режима, сегодня ведет войну в Украине и угрожает всему миру.

¹ <https://theins.ru/inv/274921>

² <https://www.bbc.com/russian/media-49200027>

³ <https://navalny.com/p/6446/>

⁴ https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/postmodernizm/fuko_m_nadzirat_i_nakazyvat_rozhdenie_tjurmy_1999/54-1-0-2073

⁵ https://ceupress.com/sites/ceupress.ceu.edu/files/biopower_in_putins_russia_from_taking_care_to_taking_lives.pdf

⁶ <https://www.bbc.com/russian/articles/cp0769dp15eo>

⁷ <https://predanie.ru/book/219454-suverennaya-vlast-i-golaya-zhizn/>

⁸ <https://www.dw.com/ru/fbk-navalnogo-ubili-ctoby-sorvat-ego-obmen-na-krasikova/a-68375322>

⁹ <https://t.me/svobodnieslova/4063>

*Николай Митрохин,
русский
и германский историк,
социолог и публицист.*

*Навальный: политическая стратегия и механизмы ее реализации**

Алексей Навальный останется в российской истории и российской политике как пример мужественного человека, отстаивающего ценности свободы и демократии в условиях ужесточающегося авторитарного режима и убитого при переходе режима в тоталитарное состояние.

Но пока оно не наступило, мы можем попробовать в первом приближении суммировать и оценить его политическую стратегию и тактику, его успехи и неудачи.

Навальный был в России политиком начавшегося нового века. Он был первым, кто не только оценил возможности новых медиа — социальных сетей, но и сумел ими воспользоваться, чтобы за десять лет из мелкого партийного клерка (и мелкого предпринимателя) стать оппозиционным политиком номер

один в России. Правда, ему в этом очень помогал путинский режим, который системно подавлял оппозиционную политическую деятельность

в Госдуме, СМИ или на улицах, но долгое время игнорировал социальные сети. А когда взялся за них, оставил Навальному не полную, но значительную свободу действий.

Вопреки собственным декларациям об открытости и честности, а также требованию прозрачности от политического класса, Навальный остается терра инкогнита российской политики и политической аналитики, и важных открытий о нем и его команде будет еще немало. Пока мы можем констатировать, что он удачно и целенаправленно формировал

*Навальный был
в России политиком
начавшегося нового века*

* Выступление на конференции «Феномен Навального: политика, общество, идентичность». Рига, 17 февраля 2025 г.

Предвыборный плакат Алексея Навального. 2018 год

собственный имидж, отделяя его от своей повседневной жизни. Внимательные читатели его книги «Патриот», особенно первых двух глав, могли это себе отметить. Он сознательно и целенаправленно конструировал свое политическое действие, гибко адаптируя его к меняющимся политическим обстоятельствам и сохраняя некоторые базовые установки, выработанные им в эпоху студенчества и первых лет самостоятельной работы, о которых мы знаем мало.

Уже в первой половине 2000-х Навальный знал, что хочет стать во главе российской оппозиции, и настойчиво искал ту политическую силу, которая поможет ему выбраться наверх и стать признанным лидером. При этом он делал ставку не только на использование этой силы, но и на образование более широкой коалиции благодаря своим идеям, харизме и политическим технологиям. За десять лет, с 2003 по 2013 год, он успел поработать последовательно с «Яблоком», СПС, русскими националистами (включая откровенных неонацистов, организовывавших «Русские марши»), широкой коалицией гражданских организаций «новой волны» российской политики, известной нам как Координационный совет оппозиции, чтобы впоследствии перейти к сотрудничеству с КПРФ и «Справедливой Россией», не забывая то же «Яблоко» и остатки СПС. При этом Навальный со своим ФБК оставался как будто над всеми этими партийными и околопартийными проектами, хотя номинально пытался выстроить и собственные партийные структуры.

Последовательное изучение программных политических документов, подписанных Навальным, — от декларации националистического движения «Народ» 2008 года до его последних публичных деклараций конца 2010-х годов, — показывает, что ядро его политических представлений при этом не особенно менялось. И заключалось в общем и целом

в подчеркивании прозрачности и некоррупционности государства, выборности властей всех уровней, деолигархизации и возможностей для ведения дел и доступа к государственным заказам у мелкого и среднего бизнеса. Фактически это отражение того жизненного опыта, который сам Навальный получил к своим двадцати пяти годам, до ухода в политику, когда он как мелкий предприниматель пытался действовать

Одно важное положение в его программах за 2008–2013 годы изменилось в пользу обретения больших прав местной властью

в разных сферах, в том числе быть миноритарным акционером больших корпораций, в которых много воровали, кое-что отдавали государству, но мало давали миноритариям. Неизменной оставалась и его

нелюбовь к Северному Кавказу как символу коррумпированных региональных элит, что, впрочем, сочеталось и с личной неприязнью к его представителям.

Однако одно важное положение в его программах за 2008–2013 годы изменилось: Навальный отказался от тезисов, связанных с желанием русских националистов сохранять контроль государства над всей Россией в пользу все более жестких требований ее федерализации и обретения больших прав местной властью. Правда, такой властью для него главным образом были не руководители регионов, но мэры и органы представительной власти городов.

Подобные идеи появились у него явно после того, как в результате политического поражения «Болотной» и его «проигрыша» на выборах мэра Москвы стало очевидно, что традиционные надежды российской оппозиции на массовые протесты москвичей под демократическими лозунгами и последующую трансформацию испуганного этим режима нереализуемы. Что лучше быть главным оппозиционным политиком в масштабах всей страны и пытаться реально влиять на власть через местные выборы, нежели оставаться главным оппозиционным политиком в одной Москве с надеждой на бунт, которого, возможно, не будет ни-

Стратегия сработала, и он действительно стал главным общероссийским оппозиционером

когда. Последующие события, в том числе и митинги в поддержку Навального при попытке избрания его президентом и после ареста, подтвердили, что стратегия сработала и он действительно стал главным общероссийским оппозиционером.

Благодаря каким механизмам это произошло? Навальный «раскрутился» и стал самым популярным политическим блогером России в «вегетарианские» времена Медведева, а при новом сроке Путина сумел воспользоваться «окном возможностей», которые режим после протестов на Болотной открыл для «креативного класса». За счет усиленного инвестирования со стороны государства и местных властей произошел взлет проектов, связанных с урбанизмом и культурным разнообразием.

У оппозиции появилась возможность стать «мундепами» (муниципальными депутатами). А блогеры начали собирать многомиллионные аудитории благодаря распространению, улучшению и удешевлению интернета в стране, а также относительной свободе деятельности блогеров, в том числе политических.

Но и среди них Навальный был поставлен в особые условия — ему позволили сначала участвовать в выборах мэра Москвы (он смог зарегистрироваться за счет голосов депутатов «Единой России»), а затем провести кампанию как будто бы зарегистрированного кандидата в президенты.

Фактически это была имитация свободного политического процесса, которая развивалась в коридоре возможностей де-факто открытом авторитарным диктатором для его (и политической элиты) активного критика. О том, что могло быть и по-другому, свидетельствует, например, судьба другого несистемного критика власти и организатора массовых регулярных протестов — Эдуарда Лимонова и его Национал-большевистской партии, запрещенной в 2007 году как экстремистской. Или организатора Левого фронта и одного из потенциальных, но незарегистрированных кандидатов на выборах мэра Москвы в 2016 году Сергея Удальцова, отсидевшего за активную организацию протестов на Болотной площади четыре с половиной года (2012–2017) и вновь арестованного в 2024 году. Часть актива его организации также стала политическими заключенными, а организация была де-факто распущена. Еще один конкурент Навального за место главного оппозиционного политика — Борис Немцов — был и вовсе застрелен наемными убийцами. Самый известный до Навального

Навальный воспользовался возможностями, хотя далеко не сразу нашел политически перспективную аудиторию

журналист-расследователь высокопоставленной коррупции и политик из «Яблока» Юрий Щекочихин был отравлен таллием в 2003 году. Наиболее известный лоббист западных санкций против российских коррупционеров, политик из СПС, затем Партии народной свободы Владимир Кара-Мурза был отравлен дважды, в 2015 и 2017 годах. Список подобных судеб можно продолжить еще на пару абзацев.

Навальный вполне воспользовался предоставленными возможностями, хотя далеко не сразу нашел политически перспективную аудиторию, которой стал прежде всего «премиумный» сегмент избирателей (о чем мы можем судить по результатам выборов), — молодежь и люди средних лет со средне-высокими доходами, высшим образованием, живущие в крупных и средних городах (офисный планктон, мелкие и средние предприниматели, представители IT-сектора, специалисты-гуманитарии разных специальностей, служащие, студенчество и старшеклассники). Однако его антикоррупционные расследования и основанная на них агитация смогли зацепить и более широкие слои избирателей,

а главное — консолидировать протест против некоторых существенных элементов путинской системы власти, прежде всего против фальсификаций и нравственного вырождения избирательного процесса. Что, видимо, и привело к попытке его отравления.

Возвращение в страну на фоне практически стопроцентно ожидаемого ареста было, очевидно, вызвано надеждой (в «Патриоте» Навальный пишет об этом прямо), что ему позволят — благодаря покровительству Ангелы Меркель и публичному заявлению Путина о том, что он никому не нужен, — и дальше играть в прекрасную политическую игру на том же, оставленном ему пространстве «выборов» местных депутатов.

После ареста Навального его соратники постарались надавить на Путина, опубликовав фильм о дворце президента и инициировав максимально возможный протест оппозиции, однако переоценили свои силы и значимость подобных мероприятий для власти. В Москве им не удалось собрать на митинги даже тех ста тысяч, что вышли на Болотную (не говоря уже о трехстах-пятистах тысячах, которые могли бы повлиять на ситуацию), а с дисперсно разбросанными по стране очаговыми протестами (пусть их и оказалось существенно больше ожидаемого) российские власти умеют справляться. В результате ФБК с его региональными штабами был объявлен экстремистской организацией, его лидеры были вынуждены эмигрировать (кто успел), и вся эта достаточно крупная и эффективно работавшая структура оказалась в одночасье разгромлена. А ее лидер в итоге был убит в колонии после трех лет содержания в пыточных условиях.

Разумеется, он совершил моральный подвиг в противостоянии с властью и в данный момент является (недостижимым) примером для подражания. Но с политической точки зрения все произошедшее стало проигрышем. В политике идея войны на выбывание за финальный приз редко бывает политически успешной, в отличие от идеи кооперации или идеи освоения своей сложившейся политической экониши. Тем более когда речь идет о государстве на грани между авторитаризмом и тоталитаризмом, и к тому же с криминальным этосом политической верхушки, о быте и коррупционных связях которой мы так много узнали из расследований Навального. Эти расследования, будучи посвящены коррупции, полностью игнорировали политическую трансформацию режима, приведшего не только к тоталитаризму и погружению в агрессивный неотрадиционализм, но и к полномасштабной европейской войне.

Шепоты и крики: акции оппозиции*

Андрей Архангельский,
журналист и культуролог

З а последнее время в Берлине почти подряд прошли три мероприятия российской оппозиции, самым масштабным из которых стал марш 1 марта. Активность, и без того невысокая, упала даже по сравнению с осенью прошлого года, когда прошел первый марш. Если же говорить о смысловой наполненности, то, напротив, кое-что изменилось в лучшую сторону. На прошлом марше Украина если и упоминалась ораторами, то только формально (отчего возникало общее ощущение бесчувствия). В этот раз про Украину говорили почти все спикеры, посвящая ей порой большую часть выступления. Кроме того, речи спикеров не были оторваны от актуальных событий в мире. Динамика изменений такова, что происходящее сегодня напрочь отменяет вчера. Как быть в этой ситуации? Именно так: находиться в потоке, существовать в моменте — читая те же новости и реагируя на них соответственно. Выступавшие с этим хорошо справились — Илья Яшин, Руслан Шаведдинов, Максим Резник, Евгений Чичваркин.

Но общей проблемой по-прежнему остается язык политических лозунгов. Люди не могут на марше идти молча — они должны что-то скандировать, требовать, выражать свое отношение с помощью речевок, кричалок и так далее. Это нормально. Но здесь мы упираемся, что отмечают многие, в то, что нынешний язык протеста родом из 2012 года. Возникает ощущение дежавю. Показательно, что самой концептуальной акцией (совпадение идейного и эстетического) можно назвать День скорби¹ на берлинской площади Бебельплац 24 февраля. Ее организовал политик

* <https://www.svoboda.org/a/shepoty-i-kriki-andrey-arhangelskiy-ob-aktsiyah-oppozitsii/33338166.html>

¹ <https://www.dw.com/ru/den-skorbi-v-berline-poctili-pamat-zertv-vojny-rf-protiv-ukrainy/a-71736372>

Андрей Пивоваров при поддержке Антивоенного комитета России. Речей не было вообще — только свечи, цветы и минута молчания. Молчать сегодня получается лучше, чем говорить.

К вопросу о том, зачем ходить на марши: пусть хотя бы они будут площадкой, где вырабатывается новый политический язык. Но пока есть только язык отживших лозунгов. Чем он раздражает? Тремя своими регистрами: это инфантилизм, ребяческое победительство и ложные надежды.

Инфантилизм (пример: лозунг «Любовь сильнее страха»), между прочим, когда-то тоже был в тему. Эпоха была такая (до 2022 года): в ее основе лежало некоторое игровое обращение с реальностью. В мире пост-

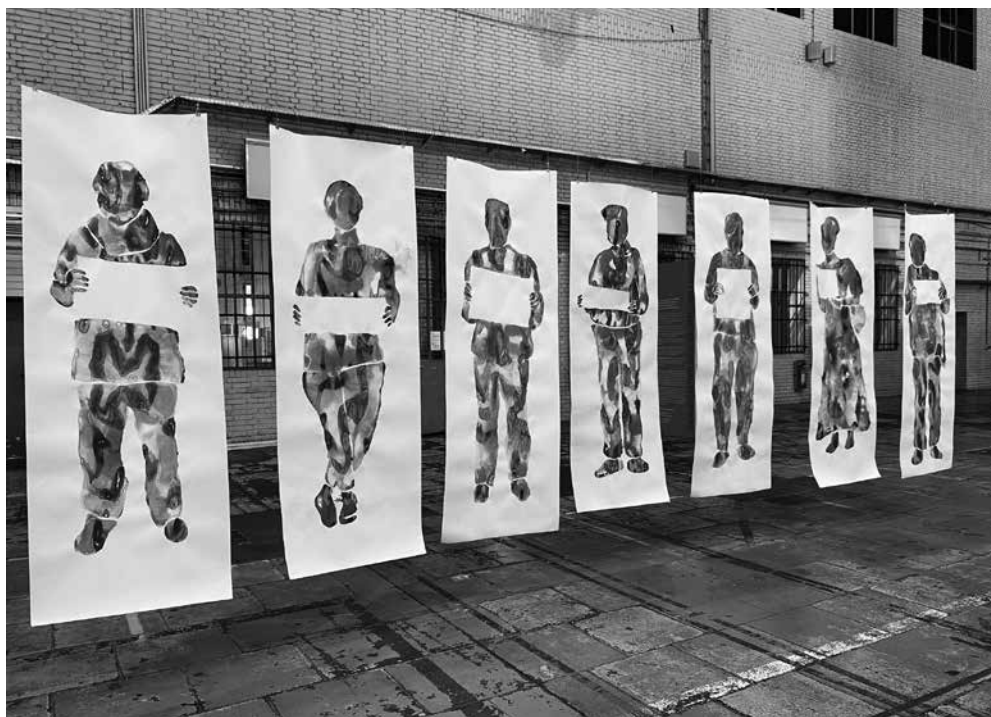
*Язык отживших лозунгов
раздражает тремя
своими регистрами:
инфантилизм, ребяческое
победительство
и ложные надежды*

модерна, где все немного косит и ничего нет прочного, психика ищет защиты в инфантилизме. Видел, между прочим, на шествии желтую уточку — естественно, сегодня это постмодернистская цитата, которая отсылает к важной вехе в прошлом. Но одновременно и самозащита — хочется бессознательно остаться в тех вегетарианских временах. Как сказал публицист Игорь Эйдемман, стилистика

сегодняшних речевек напоминает утренник в детском саду. Когда дети кричат: «Бармалей, уходи!» — и он, смущаясь, уходит. «Путин, уходи! Чемодан — вокзал — Гага! Хватит убивать!» Все эти благие пожелания далеки от реальности — дальше, чем когда бы то ни было. Но, конечно, надо сказать, что политический инфантилизм и в самой Европе еще превалирует.

В паре с инфантилизмом идет залихватское дартаньянство («Один за всех, и все за одного»). В 2012 году, опять же, у всех было ощущение игры — опасной, но все же игры с режимом. На стороне протестующих была молодость, и она говорила как бы от лица неотменимого будущего. В силу естественных законов будущее непременно наступит, сметет отжившее — таким образом, «мы уже победили». Крайне симптоматично, что марш в Берлине закончился песней певицы Монеточки «Переживу». Переживу — это другой полюс дартаньянства. Главное — пережить грозу, беду, войну, политбюро; время, опять же, на нашей стороне. Но просто пережить сегодня как-то маловато. Была в 2010-е годы в ходу еще одна фраза: «Самое темное время перед рассветом». Так, подмигивая друг другу, говорили собравшиеся — подразумевалось, что скоро рассвет. История показала, что после потемок наступила крошечная тьма. И будущее не наступило — время пошло вспять. Настраивать себя таким образом на безнадежность тоже плохо, но, вероятно, теперь следует учитывать, что ночь истории оказалась полярной и время не игрушка.

«Держитесь, не бойтесь, не сдавайтесь!» — все это язык обреченной надежды. Как говорили диссиденты: «За успех нашего безнадежного

Катя Муромцева. Инсталляция «Что произойдет с другими». 2019–2021

дела». Мы себя утешали тем, что вот диссидентам тоже не на что было надеяться, а — поди ж ты! — ведь победили (на короткий срок, и этой победой воспользовались другие). Но диссиденты обращались к самим себе, к своей совести. Политика должна обращаться ко всему обществу. В связи с этим странная приходит мысль. В России не сложилось мощной социал-демократической партии, не был выработан политический язык для всех, а только для среднего класса и жителей больших городов. Язык не стал, таким образом, глобальным посредником. И еще припоминается офисный черный юмор, плакат «Никогда не сдавайся!»: лягушка в пасти цапли, почти до половины проглоченная, обхватила за шею саму цаплю. Этот висельный юмор — реакция на травму 2000-х, когда, казалось, конкуренция, рыночная экономика обещали выход из тупика, но обернулись поденщиной и тоской. Юмор утопленника — язык полуутопленника. Но в те годы он, по крайней мере, работал — была надежда, а теперь ее почти нет. Чтобы не сдаваться, вообще-то нужно видеть хоть какую-то перспективу, а просто так, из принципа — на это готовы только стоики.

Кстати, про офис. У всех, конечно, была своя специфика, но что касается журналистов, это было время (начало 2000-х), когда менеджеры объясняли нам, что добра и зла больше нет, а есть дедлайн. Бог есть

*Политика должна обращаться
ко всему обществу. Чтобы не
сдаваться, нужно видеть
какую-то перспективу*

дедлайн. Я помню их снисходительные речи: ваши эмоции не важны, ваши слова не важны, длинные тексты никто не читает — важны только факты и цифры, учили они нас. «Меняйся или умри», — повторяли они. Но очень скоро кто-то из них перебежал под государственную крышу (ау, где же ваша вера в рынок?), а кто-то, кто поумнее, первым свалил из страны. И затем, в 2011–2012 годах, опять случился расцвет публицистики, появились лонгриды, и слово оказалось очень важным (напомним: за него сегодня сажают и убивают). Это я к чему? Много раз уже хоронили и ценность слова, и сами ценности. Как и сегодня. Нам говорят, что добро и зло опять перемешались и слова ничего не меняют. Но Мединский врать не станет. Недаром он опять взялся за слова (стал недавно главой

*Новые лозунги должны
смотреть в глаза
реальности. Что вовсе
не отменяет надежды*

Союза писателей). Значит, слово по-прежнему вызывает опасение у Кремля, и к борьбе за смыслы там предпочитают готовиться загодя.

Кроме языка, у нас ничего нет в активе. Предстоит и борьба за него, и поиск нового языка посткатастрофы. Но что взамен инфан-

тильного языка? Язык трагедии?.. Бодрость духа тоже нельзя терять. Нужен баланс — нужно перевести бодрость на взрослый язык. И вообще переходить на взрослый язык. Это означает, кроме прочего, сообщать соотечественникам правду о степени ответственности, а не часть правды и не детскую ее дозу. Новые лозунги должны смотреть в глаза реальности. Что, кстати, вовсе не отменяет надежды. Лозунг мая 1968-го: «Будьте реалистами — требуйте невозможного!» (Жан Дювиньо и Мишель Лерис). Нужен баланс между универсальным и меняющимся — между вечными ценностями и вчерашними новостями (что, собственно, на мартовском марше и было продемонстрировано). «Нечего выражать, нечем выражать, не из чего выражать, нет силы выражать, равно как и желания выражать», — писал Сэмюэл Беккет. Но наряду с этим, продолжал он, «остается обязанность выражать». Это он про литературу, но про политику тоже подходит.

Ближневосточный конфликт как часть мирового беспорядка*

Последний год я работаю в Deutsche Welle разъездным корреспондентом по Ближнему Востоку. И я попытаюсь осветить некоторые вопросы, связанные с сегодняшней ситуацией в трансатлантических отношениях. Арабский мир очень разный, и арабским странам глубоко наплевать (уж простите за грубость) на палестинский народ. И происходящее в последние годы это доказывает. Мы все чаще замечаем, что голоса, говорящие о необходимости что-то сделать для палестинцев, раздаются за пределами региона. Внутри региона либо молчание, либо дежурные разговоры о том, что «хорошо бы иметь два государства», и на этом все.

В чем причина? В том числе в том, что в последнее время процесс, который происходил в регионе последние 15–25 лет, кристаллизовался и вышел на поверхность, отчасти в результате глобализации. Арабские государства, долгое время пытавшиеся нащупать путь к какой-либо форме государства модерна, стали этот вектор постепенно находить и осознавать свои национальные интересы.

Эти интересы могут нравиться или не нравиться, но это интересы конкретно Саудовской Аравии, конкретно Иордании, конкретно Кувейта, конкретно Омана, конкретно Алжира и далее по списку. Напомним, что арабских стран 22, если считать Сомали.

Это происходит, во-первых, потому что все больше и больше проходит времени с момента, когда Запад перестал контролировать регион. Хотя это был не вполне колониальный контроль, и неправильно было бы говорить, что Ирак был колонией Великобритании или Трансиорданием. А во-вторых, это связано с концом британского и французского мандатов после окончания Второй мировой войны. Все дальше в

Константин фон Эггерт,
независимый журналист,
политический аналитик

* Выступление на семинаре Школы в Вильнюсе 6 марта 2025 г.

прошлое уходит эпоха романтического панарабского социализма, идей Гамаль Абдель Насера: «общеарабское единство», «мы построим единое государство».

В мире происходит экономическая трансформация. Постоянно ведутся разговоры о Зеленой революции. Я не думаю, что она скоро произойдет в арабском мире, но такая повестка существует: надо как-то развивать экономику, помимо качания нефти и газа.

Революция в коммуникациях помогла арабам намного больше узнать об окружающем мире. Когда я в первый раз приехал на Ближний Вос-

*Революция в коммуникациях
помогла арабам намного
больше узнать
об окружающем мире*

ток, в Йемен, в город Сана, в Йеменской Арабской Республике было две газеты, одна ТВ-станция и одна государственная радиостанция. Можно было слушать Арабскую службу BBC на коротких волнах через глушилки, но в целом

люди жили в информационном пузыре. В каждой стране этот пузырь был свой. Большая часть этих стран была с диктаторскими или полудиктаторскими военными режимами. Так было до эпохи глобальной миграции.

С окончанием холодной войны, с развитием средств массовой коммуникации — сначала кабельного ТВ, потом интернета, потом соцсетей, — с появлением глобальной экономики и миграционными потоками судьба всех этих режимов оказалась предопределена. Просто потому, что люди начали получать информацию о чем угодно, даже в самых труднодоступных точках полностью запретить интернет стало невозможно. Миллионы, десятки миллионов арабов переехали в самые разные страны, и представление об окружающем мире у их родственников, живущих по-прежнему на родине, изменилось.

Кроме того, все эти «засидевшиеся ребята» типа Муаммара Каддафи, Асада-старшего и т.д. просто надоели, как когда-то нам надоел Брежнев. А учитывая тот факт, что арабские общества значительно моложе той же Европы (другие показатели рождаемости), рецепт изменения ситуации был, в общем-то, очевиден.

Так называемая арабская весна привела не к тотальной демократизации Ближнего Востока, а к пониманию в обществе, что можно менять режим и можно менять страну. Да, это сопряжено с жертвами. Да, придется заплатить немалую цену. Например, моя любимая Сирия, страна, где я много раз бывал и где живут мои родственники, разрушена. Разрушено и подорвано общество. Цену за перемены приходится платить очень высокую, когда речь идет о диктатурах.

Интересно, что это довольно рано поняли в государствах Персидского залива: в Саудовской Аравии, в Кувейте, в ОАЭ и т.д. «Арабская весна» стала для них очень серьезным даже не звонком, а колоколом. И именно здесь берут начало постепенные либерализаторские реформы.

Вот я сижу в бизнес-салоне аэропорта Варшавы, где крутят рекламный ролик «Приезжайте в Саудовскую Аравию!» с какими-то женщинами, и они без хиджаба и никаба! Такое невозможно было себе представить еще 5–7 лет назад.

Есть понимание, что нужно, скажем так, «выпускать пар». Ни одна из арабских стран Ближнего Востока не является в полной степени демократией, везде есть свои нюансы. Но правящие элиты понимают, что нужно постепенно трансформировать страну, постепенно что-то давать людям, чтобы не произошло того, что случилось в Ливии, в Сирии. Это определяющий момент на сегодня в философии правителей большинства арабских государств.

В этом смысле меняется и отношение к Израилю. Стоит прямо признать, что антисемитизм, элементарная ненависть к евреям, среди арабов очень распространен. Это связано с давней, задолго до 1948 года, историей, в которую сейчас не хочется вдаваться. Но этот антисемитизм всегда поддерживался массовой пропагандой, изданием *Mein Kampf*. И так было везде. Даже в Афганистане, хотя это, конечно, не арабская страна. Это очень серьезный момент — то, что антисемитизм, самая настоящая ненависть к евреям, является фактом жизни арабских стран. Даже после того, как оттуда уехала большая часть еврейских общин в сороковые-пятидесятые годы. Но они уехали, а ненависть осталась. Ее стимулировали в том числе все эти диктаторские режимы, начиная с Насера, Асада, Касема и далее по списку: «Есть некий внешний враг, от которого все проблемы. Поэтому к нам-то какие претензии? Во всем виноваты сионисты и стоящие за ними американцы!»

Ни одна из арабских стран Ближнего Востока не является в полной степени демократией

Такова была реальная многолетняя пропаганда с момента окончания мандатов, первой арабо-израильской войны и т.д. Карикатуру с носатым мужиком с мешком денег и Звездой Давида на груди печатали каждый день в газетах арабских стран на протяжении почти века, что невозможно представить в Германии или где-нибудь еще.

Но сегодня происходит трансформация элит. Саудовцы все больше осознают себя именно саудовцами, а не просто арабами, катарцы — катарцами, египтяне — египтянами.

То есть общества, в которых важнее всего (и до сих пор так) племя и семья, из которых ты производишь, в которых представления об индивидуальном очень сильно ограничены представлениями клана, рода, племени и семьи (и в этой ситуации очень сложно строить государство граждан по понятным причинам), эти общества постепенно, очень медленно превращаются в общества модерна. Благодаря глобальной экономике, благодаря миграции, благодаря СМИ, благодаря тяжелому опыту гражданских войн в Ливии и Сирии и чуть не состоявшейся гражданской

войне в Египте в краткий период правления «Братьев-мусульман» при президенте Мурси. Это влияет, повторюсь, в том числе и на отношение к Израилю.

Во время первого срока Трампа установились дипломатические отношения между четырьмя арабскими странами — Бахрейном, Объединенными Арабскими Эмиратами, Марокко, Суданом; произошло продвижение по этому пути Израиля и Саудовской Аравии, которое было остановлено приходом другой администрации. Но я абсолютно уверен, что в ближайшие десять лет мы увидим саудовский флаг над посольством в Тель-Авиве и флаг со Звездой Давида в Эр-Рияде.

Это не потому, что арабы внезапно полюбили евреев, нет, это связано с тем, что Израиль — региональный фактор, экономический и, что очень важно, технологический хаб, которым грех не воспользоваться. И самое

*И самое главное,
Ближний Восток —
это не только арабские
страны, это еще и Иран*

главное, Ближний Восток — это не только арабские страны, это еще и Иран. Ощущение угрозы от исламского режима в Тегеране настолько острое, что с Израилем говорят по принципу «враг моего врага — мой друг». И так называемые «Соглашения Авраама»,

которые были заключены в 2020 году, постепенное открытие арабского мира (прежде всего, конечно, богатого арабского мира, если мы говорим о государствах Персидского залива) навстречу Израилю — это фактически признание того, что Израиль никуда не уйдет и существует общий враг в лице режима в Тегеране. И еще это признак появления национального государственного мышления, когда волнует не то, что там будет с палестинскими братьями или какими-нибудь еще братьями, а что будет с нами, саудовцами, с нами, эмиратцами, с нами, бахрейнцами, с нами, оманцами.

Это парадоксальный сдвиг последнего времени. Противоположная сторона, а именно Иран, всегда делала ставку на братьев-шиитов. Как известно, Иран и Ирак — два основных шиитских государства в мире. А последние 15–20 лет Иран взялся финансировать радикальных исламистов-суннитов. ХАМАС — это организация «Братьев-мусульман» в ее, так сказать, палестинском изводе. Тем же занимался Катар, одна из самых идеологизированных стран Ближнего Востока, элита которого по-прежнему видит многие вещи именно в свете глобальной победы ислама, распространения суннитского ислама и т.д.

Так что идея «враг моего врага — мой друг» работает и с той стороны. Что создало тотально другую ситуацию в регионе, когда радикальные исламисты-сунниты воспринимаются гораздо большей угрозой, чем Израиль с его танками, самолетами и ядерным оружием.

Это сдвиг, который мне трудно было себе представить, когда я начал учить арабский язык в восьмидесятые годы. Сегодня это уже факт. Это изменение политической психологии, и «этот фарш невозможно

Таммам Аззам (Tamtam Azzam). «Поцелуй» Густава Климта (Граффити свободы)
из серии «Сирийский музей». 2013

провернуть назад». Думаю, это будет определять очень многое в ближайшее время.

На этом фоне главными проигравшими оказываются палестинцы. Потому что, цинично говоря, их полезность как некой общности, которую надо защищать, которая всех объединяет, очень сильно понизилась с точки зрения арабских режимов.

Мне представляется, что проблема палестинского общества в том, что у них не состоялось политического общества. К сожалению, в силу целого ряда причин (в том числе из-за того, что многие годы они находились под влиянием Советского Союза и части арабских государств; потому что их десятилетиями подзуживали и говорили: «Еще немного, еще 20 километров пройти — и вы выкинете этих сионистов в Средиземное море!») этим людям не удалось создать структур того самого гражданского общества, которые могли бы взять на себя ответственность за будущее палестинского народа.

Какие на сегодня имеются палестинские структуры?

Во-первых, это Палестинская национальная администрация, или государство Палестина, как они сами себя называют, в Рамалле во главе с почти девяностолетним Махмудом Аббасом — автором знаменитой, но пока еще никем не прочитанной диссертации в Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы в Москве о том, как сионисты сотрудничали с нацистами в период Холокоста. Вокруг него находятся тотально коррумпированные, как и вокруг Путина, условные местные эфэсбэш-

*Массовых демонстраций
в поддержку палестинцев
в арабском мире за последние
два года не было*

ники и функционеры, которые ни для чего непригодны, кроме как быть функционерами всех этих многочисленных бывших палестинских фронтов, ныне объединенных под крылом движения ФАТХ, — таково руководство Палестин-

ской национальной администрации. С демократией там плохо: если ты не согласен с товарищем Аббасом, у тебя будут большие проблемы. Второй политический вариант — это движение ХАМАС, то, что мы наблюдали в Газе.

Проблема палестинцев в том, что это общество, которое не отвечает за себя, всегда считает виноватыми сионистов, американцев, Горбачева (он прекратил поддержку арабских национально-освободительных движений), Ельцина, который вообще начал обниматься с евреями. А сами палестинцы ни в чем не виноваты никогда — таково состояние политического класса и, к сожалению, состояние общества. Те, кто уезжает, находит себя в других местах. Палестинцы, кстати, очень талантливые люди: оказавшись в ситуации, где надо что-то делать, они очень быстро начинают это делать. Есть прекрасные палестинские врачи, преподаватели университетов и так далее. Так что это проблема общества, проблема политических и общественных структур внутри общества. Палестинцы — это пока несостоявшееся общество.

И еще это вызов. Потому что очень скоро вопрос о двух государствах может быть снят с повестки дня. Это та задача, которую ставит перед собой Биньямин Нетаньяху, что вполне понятно: обескровить палестинцев, рано или поздно просто их отдать каким-нибудь иорданцам, например, и все. Идеальным вариантом для Израиля было бы избавиться от них. Но как только началась израильская операция в Газе, Египет закрыл пограничный переход «Рафах», закрыл границу с Газой. Маршал Сиси и египетская элита не мечтают видеть у себя людей, живших под властью ХАМАС, притом что Египет далеко не светоч демократии, мягко говоря.

И никаких массовых демонстраций в поддержку палестинцев в арабском мире за последние два года не было! Если бы люди хотели выйти на улицу и полиция, условно, Иордании препятствовала бы этому, то мы бы все равно узнали, увидели бы этих идейных, страстных людей. Однако не пришлось полицейскому аппарату разгонять демонстрантов. Тут

может быть аргумент про то, что большая часть арабских государств — это полицейские государства в той или иной форме, поэтому выражения народного гнева или народного удовольствия там всегда четко регулируются. Но существует понятие «арабская улица», которая всегда была пропалестинской и антиизраильской. И, судя по всему, даже «арабская улица» отворачивается от палестинцев.

Если бы я был сегодня палестинским интеллектуалом, относительно молодым человеком, сидящим в Рамалле, то я бы задумался: есть ли вообще в этой ситуации будущее у нас, у меня? И это, конечно, большая проблема.

14 мая 1948 года, когда армии шести арабских государств напали на Израиль, у палестинцев была возможность взять большой кусок земли, включая весь Западный берег, и создать палестинское государство, создать хоть что-то. Хотя бы Оман, хотя бы Иорданию. Иерусалим должен был остаться под международным контролем, согласно резолюции ООН, за которую, кстати, голосовал Советский Союз (это была борьба с британским империализмом, а не любовь к палестинцам или евреям).

Если сильно прокрутить это кино вперед и забыть про такие моменты, как планы короля Хусейна конца семидесятых — начала восьмидесятых годов, то были еще соглашения «Осло», за которые Ицхак Рабин, Шимон Перес, Ясир Арафат получили Нобелевскую премию. Все думали, что вот наконец будет создано палестинское государство. Уже чуть меньшего размера, но все-таки. Но нет!

Наконец переговоры в Кэмп-Дэвиде, которые вел в последний год своего президентства Билл Клинтон с Ясиром Арафатом и из-

раильтянами, включая Эхуда Ольмерта. Недавно Ольмерт дал большое интервью, во время которого достал карту, использовавшуюся на переговорах. Эта карта практически повторяет план 1948 года с Восточным Иерусалимом в качестве столицы (и даже в каком-то смысле лучше, потому что Восточный Иерусалим должен был стать столицей палестинского государства). Палестинцы опять сказали: «Нет!»

Беда палестинского общества в том, что оно просто не может смириться с существованием государства Израиль. И, к сожалению для палестинцев, перед ними стоит очень-очень серьезный вызов, возможно, это самый последний шанс что-то сделать. ХАМАС сегодня сильно ослаблен, и можно попытаться воспользоваться моментом, когда Махмуд Аббас покинет этот мир в силу возраста, но времени осталось мало. Если этот шанс палестинцы не используют, то палестинского государства может не быть никогда. И в значительной степени (не только, но в значительной степени) им придется в этом винить самих себя. В Израиле живет, и живет хорошо, два миллиона палестинцев с израильскими паспортами, так что вряд ли он возьмет всех этих людей назад, а значит, им придется где-то расселяться.

Беда палестинского общества в том, что оно не может смириться с существованием государства Израиль

Ближний Восток будет продолжать меняться. Потому что следующий большой вызов — это Иран. Будет ли там смена власти и смена режима? Духовный лидер, он же фактический глава государства аятолла Хаменеи очень стар. Его сын якобы претендует на власть, но точно мы не знаем, потому что это как советское политбюро, про которое никто точно не понимал, какие там расклады. Возможна серьезная борьба за власть.

При этом в Иране общество меняется. Люди за стенами своих домов, особенно в крупных городах, слушают западную музыку, женщины носят мини-юбки и т.д. Это не показатель свободы, но это важно. Потому что в таких обществах именно через массовую культуру проявляется

Судьба Ирана будет определять многое в ближайшие 10 лет в регионе

стремление к свободе. И происходит это в том числе благодаря серьезной работе иранской диаспоры в других странах, которая очень влиятельна и очень богата. И благодаря наличию фактически единого оппозиционного лидера в изгнании, сына бывшего шаха Резы Пехлеви, который сумел

создать образ будущего конституционного монарха, прогрессивного, не-авторитарного. Он избавился от наследия отца, не плюя в него, — это гигантское политическое достижение.

Но при этом эти люди пишут на стенах домов «Да здравствует шах!», что трудно было бы представить тем, кто пережил антишахскую революцию в конце семидесятых. Но не стоит забывать: это жестокий режим, который казнит людей публично под телекамеры.

Конечно, он будет сопротивляться реально до конца. Плюс у него все-таки есть определенная поддержка в сельских местностях, в провинции, где людям внушают: «Смотрите, всю страну купят американцы, у нас заберут ядерное оружие и везде будут размахивать радужными флагами. Вы этого хотите?»

Так что судьба Ирана будет определять многое в ближайшие 10 лет в регионе: Иран — важнейший союзник и для России, и для арабских государств залива. А поскольку Иран по-прежнему крупнейший экспортер нефти и газа, то и для мирового энергетического рынка.

Учитывая происходящее в Соединенных Штатах, учитывая тот факт, что американская политика очень динамична, Ближний Восток ждет, возможно, много сюрпризов (и хороших, и не очень) и кризисов. Один из важных вопросов: будет ли предпринята попытка смены режима в Иране? Судя по всему, американцы решили, что нет.

Многие вещи, которые 5–10 лет назад казались незыблемыми, больше таковыми не являются, более того, некоторые из этих факторов просто исчезли. Но этот регион останется важным. Видя, что сегодня происходит на российско-украинском фронте, понимая, как Ближневосточный регион связан в том числе и с судьбой Турции, и с Черноморским регионом, пусть не напрямую, следует осознавать, что происходящее там затронет и нас.

Дискуссия: вопросы и ответы

Инна Березкина: Я очень рекомендую книгу Азара Нафиси «Читая “Лолиту” в Тегеране». Это взгляд внутрь общества на то, как живет интеллигенция и как окно свободы (я думаю, что это очень созвучно всем нам, кто пришел из российского пространства) быстро и, по ощущениям, необратимо закрывается — по крайней мере, в этот исторический период.

К. Эггерт: Для какого-то поколения — да, необратимо.

Я хочу сказать одну важную вещь. Иран очень похож на Россию своей политической историей: это и постоянное желание вестернизироваться и при этом сохранить некие корни, это и имперский менталитет. Только китайцы превосходят иранцев с точки зрения взгляда сверху вниз на всех остальных. Потому что: «Вы еще по деревьям лазали, а у нас уже был Дарий, Ксеркс» и т.д. И «проклятие нефти и газа» в XX веке — это очень похоже. Когда видишь какие-то тренды, когда читаешь иранскую литературу, то понимаешь, что некоторые вопросы сходятся с проклятыми вопросами России очень сильно и политические моменты очень похожи.

Сергей Подсытник, журналист: Что будет с регионом, если Иран получит доступ к западным технологиям? Он уже получил золото от России в рамках сделки по «шахедам». И мы сейчас знаем из утверждения Пескова, что Россия будет выступать посредником в переговорах между США и Ираном. И если эти переговоры пройдут успешно, то чего нам ждать, если Иран как-то частично выйдет из-под санкций и получит доступ и к финансовому, и к технологическому рынку продвинутого мира?

К. Эггерт: Вся идея переговоров между Соединенными Штатами и Ираном всегда (и при Обаме, и при других) имела очень важный компонент с американской стороны: это фактически отказ Ирана не просто от ядерного оружия, но

и от агрессивной экспансионистской политики в регионе. И любой американский президент, который говорить на эту тему, будет ставить эти условия, иначе с ним не имеет смысла вести какой-либо разговор. Получится или нет — я не знаю. Однако я абсолютно уверен, что путинское посредничество не удастся: Путин не заинтересован ни в каких замирениях между Ираном и Соединенными Штатами. Потому что это может открыть внутри Ирана такие ворота! Технологическая либерализация очень часто ведет к либерализации социально-политической. Налаживание отношений Ирана с Западом в целом не очень в интересах сегодняшнего Путина. И поэтому я не уверен, что все это сложится. Тем более если думать о том, что может быть смена руководства в Иране.

*Путин не заинтересован
ни в каких замирениях
между Ираном
и Соединенными Штатами*

Таммам Аззам (Tamtam Azzam). Гойя из серии «Сирийский музей». 2012

Я вообще не думаю, что эти переговоры состоятся. А если состоятся, то будут успешными для иранцев. Мы знаем, что Трамп непредсказуем, это так, но он не сможет прийти к своим избирателям и к своим сенаторам и сказать: «Знаете, а в обмен мне ничего не дали...» Должны быть какие-то очень серьезные гарантии, например, тотального замораживания ядерной программы Ираном. Без нее Иран — важная региональная держава, но ничего особенного (как в старом одесском анекдоте про Карузо: «Мне Рабинович напел — ничего особенного»). Поэтому я абсолютно уверен, что это будет гигантской проблемой для Путина. И иранцам придется дать очень серьезные вещи за выход из-под санкций, за доступ к технологиям и так далее. А я не очень верю, что этот режим готов что-то давать в обмен.

Ксения Егорова (Лондон): Вопрос про роль Китая. Если у нас ослабевает влияние США в регионе, можем ли мы говорить о том, что Китай сможет их заменить? Китай сейчас активно работает в рамках экономических инициатив «Один пояс — один путь». Можем ли мы говорить о том, что Китай хочет и готов стать внешнеполитическим игроком на этой арене, вытеснив каким-то образом США? И готовы ли сами государства региона воспринимать Пекин как альтернативу безопасности и стратегии региона?

К. Эггерт: Отличный вопрос. Китай, конечно, хочет быть глобальным игроком. Но все-таки фокус режима Си — на Азиатско-Тихоокеанском регионе. Китай там уже присутствует, все эти The Belt and Road там уже есть, гигантские китайские инвестиции в Саудовской Аравии, например, в том числе инфраструктурные. Да, многие арабы воспринимают Китай как что-то далекое: раз не Америка и не Россия, то на нас это сильно не влияет. Китай очень боится быть вовлеченным во что-то, что на него напрямую не влияет, а ответственность придется нести. Китайцы очень осторожны всегда. Обратите внимание, что они делают очень много пустых заявлений: мы все за международное право! Мы за то, чтобы быть здоровыми и богатыми, а не бедными и больными! Но реальный эффект китайцев, их дипломатии, политического влияния пока не виден. Они скупают влияние. И в этом плане влияние Китая, например, в Южной Америке выше, чем на Ближнем Востоке. Сегодня Китай контролирует 50% экспорта Перу, потому что он построил там единственный главный порт.

*Китай не заинтересован
в проигрыше России
в войне с Украиной,
но и не заинтересован
в том, чтобы Россия
вышла триумфатором*

Ситуация на Ближнем Востоке сложнее. Китайцы хотят продолжать получать оттуда нефть. Еще лет 20 назад они все свои прибрежные НПЗ и терминалы по приему нефти (я не специалист в этом деле, но для приема ближневосточной нефти, которая по качеству полегче, нужно ставить фильтры определенного типа и т.д.) подогнали под прием именно нефти с Ближнего Востока, с залива и т.д. Это долгосрочный расчет.

Кроме того, Китай не заинтересован в проигрыше России в войне с Украиной, но и не заинтересован в том, чтобы Россия вышла триумфатором, потому что тогда непонятно, что будет происходить в российско-китайских отношениях, если вдруг российский режим почувствует себя очень крутым.

Китай всегда играет в эту игру баланса интересов. Так что я думаю, что никого они там заменить не смогут, они только могут быть какого-то типа участниками. Но есть еще важный момент: их все-таки никто не воспринимает как тотально честных посредников. И как мне говорили люди, давно живущие в регионе и лучше знающие в том числе и Китай, китаисты: есть культурный фактор. При всем том, что китайская дипломатия, китайские бизнесмены могут мимикрировать, но на арабов они смотрят сверху вниз. И арабы это чувствуют и не прощают. Поэтому культурная особенность здесь тоже важна: то, как ты взаимодействуешь.

А кроме того, где покупают оружие арабские режимы? Есть такая страна: название состоит из трех слов, начинается на «С». Вот сколько бы ни говорили, что Америка ушла из региона, Америка слабая, но Америка останется в регионе еще надолго и будет главным фактором.

Алексей Волошинов, DW: У меня вопрос относительно двух сделок Дональда Трампа — по Украине и по войне в секторе Газа. Можно ли проводить параллели между предложенной им сделкой украинскому руководству и сделкой, которая была заключена между Израилем и ХАМАС? Насколько можно сравнивать его подходы и можем ли мы ожидать, что российско-украинская война закончится по тому же сценарию? Почему настолько разная реакция в странах Запада на сделку между Израилем и ХАМАС и между Россией и Украиной?

К. Эггерт: Большой вопрос. Мы знаем очень мало деталей, поэтому трудно сравнивать. Трамп прав, когда говорит, что только его администрация стала по-настоящему поставлять оружие Украине. Очевидно, что теперь план изменился. И, по моим ощущениям, его главная идея состоит в том, чтобы замолкли пушки: «Что там будет дальше — мы потом решим. Важно, чтобы просто было тихо». Я не очень уверен, что это сработает. Вообще я даже не очень уверен, что будут проведены российско-украинские переговоры с посредниками или без. Потому что происходят очень серьезные изменения, которые, вполне возможно, не приведут к тем результатам, на которые рассчитывает Дональд Фредович.

Очевидно, что Трампу очень не нравится лично Зеленский. Это связано еще с отказом дать компромат на Хантера Байдена, и потом, конечно, поездка в Пенсильванию. Но надо понимать одну вещь: Зеленский не может капитулировать! Я бы сказал, что от этого зависит его жизнь: не политическое будущее, а жизнь просто физически. Он не доедет из «Борисполя» до Банковой улицы, если привезет капитуляцию, его демонтируют на атомы. Потому что иначе: «А какого хрена мы воевали-то?! Все можно было бы решить в 2019, 2020 годах, сохранить кучу территорий и вообще стать, так сказать, мягким вассалом России, если это надо». Это решение украинский народ не примет. Поэтому у Зеленского есть красные линии, которые он не перейдет. Я боюсь, что этого в Вашингтоне не понимают. А те, кто понимает, не говорят. Марко Рубио понимает. И Линдси Грэм это понимает. И Уолтц понимает. Но ничего этого сказать они не могут.

Что касается Газы — это другой вопрос. Там есть очевидный расклад, при котором существуют два главных игрока: ХАМАС и Израиль.

Трамп хочет быстрых результатов везде. И все эти люди, которые с ним работают, которые подобраны его командой по принципу личной лояльности, пытаются «сделать ему красиво», подарить ему этот волшебный момент триумфа, а это невозможно, потому что есть целый ряд обстоятельств, которые находятся за пределами их контроля. Пока что у этой администрации фантастические рейтинги внутри Израиля. Но смогут ли они решить все проблемы там, я не очень уверен. Особенно в том, что касается палестинцев: их-то куда девать? Возникает ситуация, при которой все эти люди, сидящие в Омане, в Эр-Рияде и так далее, начинают думать: «Боже, а что, если этот чувак возьмет и навяжет нам вот этих ребят?»

И. Березкина: А как же план Трампа, который превратился в план Египта и как раз недавно был принят арабскими странами? Два миллиона аккуратно вывезти, построить статуи Трампа... Там все очень красиво...

К. Эггерт: Да, маршал Сиси прямо сидит и ждет, когда к нему прибудет миллиончик этих ребят... У него свои «Братья-мусульмане» есть, организация, созданная в Египте около 100 лет назад. И к ним прибудет еще куча чувачков с однозначным взглядом на мир, которые скажут: «Мы революционный элемент! Убирайте этого коррумпированного чувака в погонях! Мы сейчас тут вам построим! У Мурси не получилось — у нас получится!»

Там никому этого не надо. Это большая проблема, что их нигде не хотят. Индивидуально, пожалуйста: приезжайте, учитесь, работайте... Но массово — нет. В Сирии происходит интересный процесс. Ахмед аш-Шараа перестал употреблять термин «сионистское образование». Предполагается, что этот термин, это словосочетание должен использовать каждый арабский политик в отношении Израиля. Он не должен говорить: «Израиль», потому что Израиль — это несуществующая вещь, колониальный проект. Он должен говорить: «Сионистское образование». И это официальный язык прессы, телевидения и т.д. И когда Ахмед аш-Шараа говорит в своем первом интервью: «...вот у нас тут территории, оккупированные Израилем...» — это реальный сдвиг, это де-факто неофициальное признание.

В общем, я не верю в такого типа решения, предлагаемые Трампом. Существует большая проблема двух миллионов палестинцев из Газы, к которым арабские страны не будут добры и не захотят видеть у себя.

Константин, журнал «Дискурс»: Продолжая тему возможного решения этой проблемы. Мне было бы интересно узнать, реально ли создание политических, демократических, просветительских информационных медиаструктур, предлагающих палестинцам альтернативу, не связанную с экспансией, войной, уничтожением Израиля, а связанную с демократической и счастливой Палестиной, «прекрасной Палестиной будущего» на своей территории? Были ли такие инициативы, предпринимались ли такие попытки с финансированием извне, возможно, западными арабскими государствами?

Участница семинара: Я хочу присоединиться к вопросу. Мне интересно, какая, на ваш взгляд, концепция решения конфликта, прекращения огня? Существуют ли какие-то концепции диалога?

Никита, политический аналитик: Как смена режима в Сирии влияет в принципе на ситуацию в регионе? Изменения внутри Сирии ясны, но как это влияет на геополитику самого региона?

Владислав Иноземцев: Мой вопрос в продолжение первых двух. Было сказано, что фактически нет государственных структур, не сформировались государственные структуры палестинской автономии. И был

задан вопрос: где об этом написано? Об этом написано, если я правильно понимаю, в главе 13 Устава ООН относительно Совета по опеке. Там прямым текстом сказано именно о тех государствах, тех территориях, у которых нет государственных образований. Что вы об этом думаете?

К. Эггерт: Начну тогда с последнего вопроса. Энное количество государств, включая арабские страны, признают государство Палестина, которое существует как концепция. Палестинская национальная администрация — это, конечно, протогосударство, оно не обладает всеми признаками суверенного государства: не печатает свою валюту, не имеет де-факто своей армии и т.д. Это своего рода такая же концепция, как Святой престол. Я думаю, что невозможен Совет по опеке просто потому, что он же уже существует. Вот Норвегия с Ирландией признали, что государство Палестина существует. Однако сами палестинцы не соглашались на это.

По поводу гражданского общества два вопроса связаны, на мой взгляд. Конечно, существует взаимодействие. Кстати, признак израильской демократии — то, что в Израиле существует довольно серьезное движение в поддержку Палестины с лозунгами «Мы должны помочь палестинцам создать государство!», «Я против военных преступлений своей армии!» и т.д. Этих людей никто не преследует и не сажает. Существует масса палестино-израильских групп журналистов, гражданских активистов, эти люди хорошо знают друг друга. Но голоса среди палестинцев, которые живут за пределами Израиля, то есть неграждан Израиля, недостаточно сильны просто потому, что палестинское общество не готово признать тот факт, что оно может существовать параллельно с государством Израиль. И это даже не вопрос Восточного Иерусалима или поселенцев. Если вы сравните карты 1948 года и сегодняшнюю, то это такой список упущенных шансов, что просто плакать хочется!

У меня нет прямого ответа на вопрос, как повлиять на это общество. Потому что проблема очень глубокая. Таково арабское общество в силу племенной структуры, в силу того, что в нем доминируют определенные семьи, рулят столетиями, часто христианские семьи, кстати, типа Ханан Ашрауи, которая долгие годы была переговорщиком. И очень трудно там построить что-то другое в том числе потому, что взгляд на себя такой: «А нам надо? Нам ничего делать не надо!» К сожалению и по моему личному мнению, самая большая проблема для этих людей — это комплекс жертвы. Он тотально парализует волю и создает ощущение, что появится когда-нибудь какое-то волшебное решение, при котором они жертвой быть перестанут. Это не я придумал, это известный психологический факт.

Интересно, как меняется жизнь палестинцев в Израиле. Еще, может быть, десять лет назад палестинцы, граждане Израиля, работали в лучшем случае медбратьями, уборщиками, подавальщиками в столовой какой-нибудь условной больницы. Мне недавно пришлось побывать в

ряде медучреждений Израиля, и я был потрясен увиденным, стал спрашивать, наводить справки: в отдельных больницах до 30% врачей-специалистов — это местные палестинцы. То есть профессиональные лифты работают. Есть ограничение: палестинец не может служить в израильской армии. Там могут служить друзы, бедуины, но палестинцы не могут. И это единственное ограничение, главное.

С моей точки зрения, самый хороший пример для них — это то, что палестинские арабы в Израиле имеют свои политические партии. Кстати, значительная часть израильской компартии — арабы. Они могут профессионально развиваться, они могут ездить куда хотят без виз и с израильским паспортом. У них есть какие-то перспективы. И вот когда другие посмотрят на них и скажут: «Мм... Может, нам тоже так?» — тогда начнет что-то меняться.

Но готовых рецептов тут нет. Потому что общества с таким тяжелым политическим и общественным наследием меняются сложно.

Вопрос про Сирию. Это место с тотально разрушенным обществом, конечно. Это государственная структура, которую надо создавать заново, потому что нынешняя не работает. И нужно понимать еще один момент.

Все говорят, что это был светский режим, но это не совсем так. Потому что главные роли в светском режиме по странному стечению обстоятельств все-таки играли алавиты. Поэтому когда произошла смена режима и рухнул Асад, главный страх был связан с тем, что будет с шиитами,

*Сирия – это место
с тотально разрушенным
обществом, государственная
структура, которую надо
создавать заново*

алавитами, христианами и т.д. Пока что эти страхи не реализовались. То есть новая власть понимает, что репрессии меньшинств могут вызвать новую гражданскую войну, чего, очевидно, общество не хочет.

Что сегодня ясно в перспективе: Сирия будет государством, в котором суннитское большинство впервые за долгое время получит ведущие позиции, потому что религиозная принадлежность стала важна. Будет ли это демократия а-ля Испания? Нет. Будет ли это что-то мрачное и тяжелое, все время погружающееся в кровь типа Сомали? Тоже, думаю, нет.

Мое ощущение, что на ближайшее время народ исчерпал лимит на кровь. Вопрос: не какую Конституцию напишет будущий Конституционный комитет, а будет ли она выполняться? Как будет работать набор в государственные учреждения на видные чиновничьи посты? Как будут контролировать МВД, спецслужбы? Вопрос восстановления вооруженных сил: у Сирии больше нет армии, она развалилась в процессе гражданской войны. У курдов могут быть серьезные проблемы, потому что Турция сегодня главный игрок в Дамаске. Мы знаем историю с базами, якобы Путин хочет их сохранить, потому что иначе накрываются медным тазом наемники Вагнера в Судане, в Центральноафриканской

Республике и лучший друг России товарищ Хафтар в Ливии, потому что без баз невозможно их всех снабжать. Решать будет, я думаю, все-таки Эрдоган с новым правительством, потому что он в Турции играет большую роль, но российское влияние в Дамаске, конечно, подорвано очень серьезно.

Я не знаю, получится ли у Сирии выйти из этого кризиса. Сирийцы очень гордые люди, они считают, что стоят у истоков цивилизации. Если бы это можно было использовать, это могло, наверное, стать какой-то такой «общей крышей», но такая концепция размывает исламскую составляющую.

Важно, чего захотят израильтяне, чего захотят потенциальные доноры из Эр-Рияда и Катара, например. Захотят ли они еще большей исламизации, особенно Катар? Фактор Ирака, который рядом и в котором Иран имеет серьезное влияние, тоже важен.

Сейчас все будут пытаться разобраться, что происходит в Дамаске. Это сложно, потому что нынешнее руководство не очень много говорит о своих планах. Но мы видим, что у меньшинств проблем нет. Это очень важно. И власти очень медленно двигаются в сторону каких-то перемен, что на самом деле неплохо. Потому что, возможно, это говорит о том, что они понимают, какая это сложная задача. В реконструкцию страны должно быть вложено столько, что даже страшно об этом подумать.

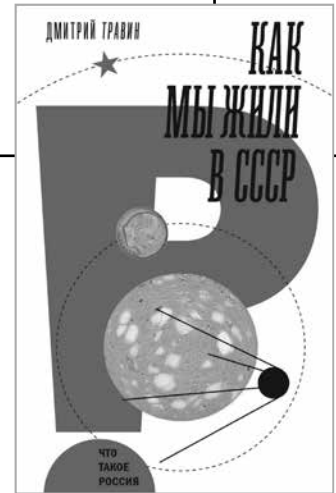
Очень важно, чтобы Сирия не превратилась в поле битвы разных интересов. Противостояние интересов, конечно, будет, но оно должно быть в рамках дипломатии, политического и экономического влияния, а это возможно только при довольно уверенно чувствующем себя руководстве в Дамаске, которое будет демпфировать разные попытки внешних сил. Получится это или нет, я не знаю. Этого никто пока не знает.

Послевкусие советского прошлого

Трудно рассказать человеку о вкусе апельсина, если он его никогда не пробовал. Трудно понять жизнь в СССР тому, кто не жил в нем. Такие знания появляются лишь с личным опытом через собственные ощущения. А потому описать, «как мы жили в СССР», кажется задачей невыполнимой: для очевидцев все написанное будет неполным и фрагментарным, для тех же, кто не жил там и тогда, — отстраненной информацией, лишенной личных ощущений о сказанном. Тем не менее Дмитрий Травин решился на это и, по его словам, писал книгу десять лет. Она вышла в издательстве «Новое литературное обозрение» в серии «Что такое Россия». Само название серии — невольная отсылка к стихотворению Федора Тютчева с его «умом Россию не понять» и одновременно осторожное утверждение: понять Россию все-таки можно.

Автор причисляет себя к советскому поколению семидесятников, хотя корректнее было бы назваться восьмидесятником, поскольку именно в конце восьмидесятых — начале девяностых прошлого века люди, рожденные в начале шестидесятых, как и сам автор, включились в активную общественную жизнь и во многом стали соучастниками сначала горбачевской перестройки, а потом и ельцинских преобразований. А в семидесятые годы они ходили в школу или оканчивали ее и были всего лишь пассивными, хотя и пытливыми наблюдателями позднего социализма. Именно позднего, то есть 1970–1980-х годов, а потому и книгу было бы уместнее назвать «Как мы жили в позднем СССР».

Кто-то, глядя на название, может подумать, что это излитая на пятьсот страниц ностальгия (как острое переживание утраты) по советскому прошлому. Кто-то заведомо заподозрит автора в очернительстве советской жизни. Ни того, ни другого у Травина нет. Он с пониманием относится к тем, кто действительно ностальгирует по советскому строю, но при этом на сотне примеров, порой весьма забавных, показывает его нежизнеспособность. «Проще говоря, — пишет автор, — требуется понять, почему мы и тоскуем по 1960–1970-м, и проклинаем их одновременно? Что в нашем прошлом определялось социальным строем, а что существовало независимо от него? От какого “наследства” мы должны были решительно отказаться ради движения вперед, а какое является той культурой, которая нас сформировала и перед которой мы в долгу?» (с. 11).

Травин Д. Как мы жили в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2024 (серия «Что такое Россия»).

О культуре особый разговор. Как передать современному молодому читателю (а именно ему, судя по авторским ремаркам, в первую очередь адресована книга) ощущение советского времени? Здесь не помогут рассказы о всеобщем дефиците, о «колбасных» поездах и торговле из-под полы. Даже советские анекдоты, которых в книге изрядно, не помогут. Апельсин все-таки надо пробовать самому. И вот здесь Травин находит поистине гениальное решение: он вплетает в ткань повествования четыре раздела, так называемые кинозалы, в которых знакомит молодого современника с лучшими советскими художественными фильмами той поры. И ведь действительно, сегодня, пожалуй, только то кино, уже ставшее ретро, со всеми известными оговорками способно передать атмосферу советского времени на уровне чувственности. Автор как бы приглашает к просмотру тех фильмов и осмыслению того времени, поскольку (далее цитата) «думаю, что кино, созданное шестидесятниками, — это культурное чудо, вполне сопоставимое по значению с русской художественной литературой XIX века. Надеюсь, что когда-нибудь оно станет обязательной классикой для каждого интеллигентного человека, причем не только в России» (с. 23).

Тем же, кто ностальгирует по советскому прошлому, полагая, что мог бы жить припеваючи, если бы не всякие там Гайдары с Чубайсами, Травин с квалификацией экономиста и легким пером публициста на

Травин находит гениальное решение: он вплетает в ткань повествования четыре раздела, в которых знакомит с лучшими советскими художественными фильмами

пальцах объясняет, почему плановая социалистическая экономика, лишившись сталинских инструментов внеэкономического принуждения собственного народа, была обречена на провал. С очевидностью это стало проявляться как раз в те самые «долгие семидесятые», о ко-

торых идет речь. Дисбаланс экономики и имманентный дефицит при социалистическом планировании — не открытие Травина. Но не все же читали труды Яноша Корнаи, вскрывшего «секрет» дефицита при социализме. Задача Д. Травина скромнее, но не менее значима — показать широкой публике, почему в советские годы дефицит был неустраним, апеллируя к ее (публики) опыту жизни в СССР знакомыми до боли примерами. Получилось достаточно убедительно.

Однако в те «долгие семидесятые» страна не только практически исчерпала возможности своего экстенсивного экономического развития (по-настоящему масштаб хозяйственного кризиса в СССР открылся лишь в годы перестройки) — в обществе стали происходить не менее губительные для идей социализма процессы: «обуржуазивание» населения. Семидесятые годы — время застоя и одновременно расцвета советского мещанства. Оно и понятно, поколение семидесятников не помнило коллективизацию и Большой террор, они не знали войны и послевоенного

голода. Их предшественники постарались создать для них по возможности максимально комфортную жизнь. В результате вместо борьбы за торжество социализма во всем мире семидесятники предпочли бороться за личный налаженный быт и уют, что, в общем-то, отражало общемировое движение к обществу потребления. Приобретенная по случаю импортная дубленка была им куда привлекательнее всяких там революций с их интернационалами. Мифологизированная романтика революции, свойственная еще шестидесятиникам, улетучилась, уступив место конформизму и практицизму. Верования в социализм превратились в выхолощенный, лишенный смысла ритуал. Дмитрий Травин достаточно точно уловил этот

Задача Травина – показать широкой публике, почему в советские годы дефицит был неустраним

поколенческий слом в семидесятые годы и на протяжении всей книги неоднократно обращается к нему: «Стремление к западным стандартам потребления могло вызывать недовольство родителей или бабушек, но в самом подрастающем поколении оно было практически всеобщим» (с. 68); «До перехода к рынку оставалось еще более двадцати лет, но внимательный наблюдатель обнаружил, что советский строй — уже не жилец, что рано или поздно он уйдет под давлением тех потребительских настроений, которые интенсивно формировались в новых поколениях» (с. 301). Своеобразным символом торжества советского мещанства, по Травину, стал знаменитый фильм Владимира Меньшова «Москва слезам не верит» (1980 г.). Успех киногероини измеряется здесь не наградами и должностями, как было принято в традиционном советском кино, а простым человеческим счастьем. «Да что там человеческим... — продолжает Травин. — Скажем прямо — мещанским, то есть тем самым, которое советская этика вроде бы полностью отвергала. “Москва” легитимировала мещанство на советском экране, и оказалось, что оно прекрасно» (с. 396).

Важная тема для автора — обретение советским человеком приватного жизненного пространства. Пространства в буквальном, физическом смысле. Речь идет о переселении людей из убогих бараков и коммунальных квартир, где, как писал Владимир Высоцкий, «на тридцать восемь комнаток всего одна уборная», в отдельные благоустроенные квартиры. Это началось при Хрущеве и продолжалось все годы позднего социализма, вплоть до его кончины. Советская коммуналка для Травина — воплощение самого дурного коллективизма, где личная жизнь человека на виду у соседей и днем и ночью, где процветает система тотального соглядатайства и доносительства и нет места индивидуальности. Любой человек в условиях коммуналки станет коллективистом, даже если он этот коллективизм ненавидит, поскольку вынужден будет адаптироваться, то есть приспособливаться к сложившимся в многоквартирной квартире нравам, отказываясь от части себя. И только обретение отдельных квартир

в пресловутых хрущевках разрушило этот коммунально-коллективистский ад. Более того, пишет Травин, «приватное пространство оказалось важнейшей базой для формирования разрыва советских поколений. Отдельные квартиры <...> во многом создали семидесятников, разрушили коллективизм, характерный для предшествующей эпохи, и заложили основы такого индивидуализма, какого раньше в СССР быть не могло» (с. 131).

В этом смысле показателен художественный фильм Юлия Райзмана «А если это любовь?» (1961 г.), который Травин разбирает в своем «первом кинозале» книги. Для него это не просто история школьной любви, таких фильмов в позднем СССР будет снято немало. Для Травина это

*Символом торжества
советского мещанства,
по Травину, стал фильм
Владимира Меньшова
«Москва слезам не верит»*

история «обретения советским человеком частного пространства (privacy), в котором он может уберечь свою душу, психику, индивидуальность от любого вмешательства со стороны» (с. 171). Фильм Райзмана зафиксировал, что превратный советский коллективизм, проявляющийся в бесцере-

монном вторжении учителей и родителей в личные отношения молодых людей, становится невыносимым для нового поколения. И что характерно, история, рассказанная в фильме, происходит на фоне тех самых хрущевских новостроек, давших семидесятиникам личное жизненное пространство.

Дмитрий Травин — коренной петербуржец, и это обстоятельство наложило свой отпечаток на книгу. Напиши ее, скажем, житель отдаленного уральского городка или степного аула, ретроспективный взгляд на советскую жизнь существенно поменялся бы, а некоторых тем (например, посещение модных ресторанов или популярных театров) не возникло вовсе, но появились бы другие, не характерные для столицы. Все мы жили слишком по-разному, да и страна у нас была слишком большая. Понимая это, автор не злоупотребляет собственными воспоминаниями, а обращается к многочисленным свидетельствам и свидетелям, интервью с которыми делает изображение повседневной жизни в СССР более объемным и многогранным. Из зарисовок на тему школьного воспитания, армейской жизни, взаимоотношений с соседями по коммунальной квартире, работы творческой интеллигенции на овощебазе и много чего еще у Травина складывается многослойная картина повседневной советской жизни, реальное наполнение которой далеко не соответствовало внешней декорации и понять которую, глядя из сегодняшнего дня, не так просто. «Я стремился к тому, чтобы внешняя оболочка, натянутая на наше советское прошлое, не заслоняла реальной жизни, существенно отличающейся от деклараций», — подытоживает автор (с. 495). И это у него вполне получилось. По прочтении книги долго сохраняется после-вкусие жизни в СССР.

Сергей Мошкин

Контрапункт

Не революция

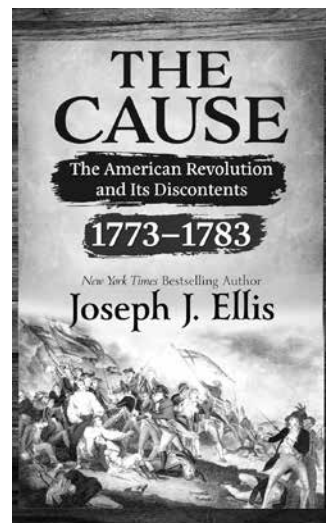
Среди версий, почему Американская революция оказалась успешной, есть и такая: революция получилась, потому что это была не революция. Согласно этой версии, отцы-основатели США много говорили о радикальных переменах во имя свободы, но на практике были убежденными, как выражались в России при последних Романовых, «постепеновцами».

Они выступали против «быстрых реформ» и «решительных действий». Их общий метод был «не опережай события». Они предпочитали улучшения, которые происходят сами собой и без усилий. Они не были слепыми и видели проблемы своего общества, но не спешили с принятием мер. Если им казалось, что ситуацию улучшить прямо сейчас невозможно, решение откладывалось на потом. Некоторые проблемы они сознательно перекладывали на плечи будущих поколений. Выражаясь мягко, для революционеров они были слишком терпимыми к уродливым несовершенствам мира сего. Вашингтон, Джей и даже по-парижски мечтательный Джефферсон были готовы мириться с тем, что рядом кто-то страдает, — черта, нехарактерная для тех, кого обычно называют революционерами.

Американские управленческие «эксперименты» на фоне масштабных проектов французских и позже российских революционеров выглядят как вполне сознательное упражнение в искусстве компромисса. Отцы-основатели относились к государственному управлению скорее как технократы. Революционный пыл не кружил им головы, и мечты о прекрасном будущем их не слепили. И, собственно, поэтому, как утверждают некоторые авторы, их республика, несмотря на все противоречия и конфликты, до сих пор существует.

Максим Горюнов,
философ

Ellis Joseph J.
The Cause: The American Revolution and Its Discontents, 1773–1783.
New York: Liveright Publishing, 2021.

Автор опровергает голливудскую версию революции в Америке

Книга известного американского историка Джозефа Дж. Эллиса «Американская революция и ее противоречия, 1773–1783» описывает отцов-основателей как «умеренных революционеров». Обычно, когда слово «умеренный» оказывается по соседству со словом «революционер», предполагается юмористический контекст. «Умеренный революционер» — это герой комедии Чехова, сказки Салтыкова-Щедрина или ядовитых мемуаров Герцена. У чешского писателя Ярослава Гашека была «Партия умеренного прогресса в рамках закона» — пародия сразу на все

В основе революции в Америке лежали не мечты колонистов о правах и свободах, а серия грубых управленческих ошибок Лондона

ультралоялистские партии предвоенной Австро-Венгрии. Партия американских умеренных революционеров вполне могла бы вступить в коалицию с чешской партией умеренных прогрессистов; они явно нашли бы, в чем согласиться друг с другом.

По мнению автора, отцы-основатели США — это необычный случай и абсолютно уникальное явление в политической истории Homo sapiens. Настолько уникальное, что в их отношении это словосочетание не должно вызывать улыбку.

Про автора следует знать, что он один из самых уважаемых американских историков наших дней. Эллис получил докторскую степень в Йельском университете в 1969 году и пишет книги об Американской революции уже пятьдесят лет. У него есть книга о Джефферсоне, книга о Вашингтоне, книга об Адамсе и даже отдельная книга о том, как они общались друг с другом. Выход его следующего творения анонсирован на октябрь 2025 года.

В списке его достижений есть звание заслуженного профессора истории, Пулитцеровская премия, американская Национальная книжная премия; две его книги стали бестселлерами The New York Times. «Американская революция и ее противоречия, 1773–1783» — это обобщающая работа Эллиса, если можно так выразиться. На лекциях, приуроченных к ее выходу, он часто говорил, что желал бы, чтобы книга про «умеренных революционеров» была его первой, но, к сожалению, это невозможно. Для ее написания ему понадобилось провести полвека в исторических архивах и выпустить десяток книг на иные темы. Помимо прочих нюансов, Эллис считает эту книгу самой свободной от предрассудков, условностей и ограничений, которые накладывают на нас наши культура, язык, класс и прочее, присущее человеку.

Автор настроен решительно и с первых страниц опровергает голливудскую версию революции в Америке. По его мнению, история революции в Америке не была яркой и поэтической: в ее основе лежали не мечты колонистов о правах и свободах, а серия грубых управленческих ошибок Лондона. Причем ошибок настолько вопиющих, что они занимают

особое место в хрониках британского государственного управления. Ни до, ни после Лондон не ошибался так серьезно и такое длительное время, как в случае с новыми налогами для американских колонистов. Несколько лет подряд парламент и король принимали плохие и очень плохие решения и в результате буквально вынудили колонистов взяться за оружие.

По словам автора, если бы не этот внезапный приступ неадекватности, недовольство в колониях легко можно было бы свести на нет. Несколько замен в колониальных администрациях, несколько уступок, пара новых торговых соглашений, допуск представителей колоний в парламент — и жизнь пошла бы своим чередом. Даже накануне событий, приведших к Декларации о независимости, колонисты не видели проблемы в своих отношениях с британским монархом. Им было комфортно в роли подданных, они были лояльны короне и не искали лучшего варианта для своих детей.

*Монарх страны, в которой
придумали абсолютную
монархию, поддерживал
борцов против монархии*

Кто знает, возможно, в наши дни Канада, США и Великобритания были бы одной страной. В ранних записях Бенджамина Франклина можно найти размышления — ироничные, но тем не менее — по поводу переноса столицы на новый континент. Увы, король и парламент сделали все от них зависящее, чтобы этого не произошло. В этом отношении история самого Франклина очень показательна. В 1776 году, когда была подписана Декларация о независимости, ему было семьдесят лет. Восемнадцать из них он прожил в Лондоне. Первый раз он оказался в метрополии, когда ему еще не было и двадцати. Он влюбился в Лондон с первого взгляда, и с годами его привязанность только росла. Франклин считал Лондон лучшим местом на земле, особенно для предпочитающих, как и он сам, интеллектуальные удовольствия.

Благодаря британцам случилось невозможное: семидесятилетний Франклин по-юношески резко изменил свое отношение к Лондону. За считанные недели он проделал путь от обожателя Лондона до убежденного сторонника независимости Штатов. Более того, он использовал все свое влияние и все свои таланты, чтобы уговорить короля Франции передать оружие сторонникам демократии в Америке. И у него получилось: девяносто процентов расходов американской армии покрывались из бюджета Франции. Уникальный случай в истории: монарх страны, в которой придумали абсолютную монархию, поддерживал борцов против монархии. Настолько убедительным оказался Франклин!

Что же послужило причиной такой трансформации? Событий было много, но последней каплей стало публичное унижение Франклина, когда ему пришлось в течение часа выслушивать обвинения в предательстве интересов Британии в центре Лондона в присутствии знавших его людей. Обвинения были беспочвенными по содержанию, оскорбительными по

форме и совершенно несправедливыми: обвинитель увидел в действиях Франклина революционные мотивы, хотя Франклин изо всех сил — и даже с риском для своей семьи — старался удержать колонии от восстания. Непонимание такого масштаба вкупе с ударом по репутации за один вечер превратило Франклина-монархиста во Франклина — отца-основателя Соединенных Штатов.

Многие колонисты, взявшие в руки оружие, уже имели похожий опыт. Чаще всего они получили его, взаимодействуя с местной колониальной администрацией; реже — в результате переписки с департаментами в Лондоне. Неадекватные, странные, грубые, без тени уважения ответы британских администраторов оказались самой важной причиной политического сдвига в колониях, как считает автор книги.

Что произошло в Лондоне? Откуда взялся этот новый тон? Джозеф Дж. Эллис прямо называет причину, и она более чем знакома и понятна российскому читателю: у британского правительства случилось чистое, сияющее, ничем не замутненное величие — у короля и парламента закружилась голова от успехов. Они только что победили Францию в долгой изнурительной войне, в результате чего Британии отошли владения по всему миру, от Канады до Африки. Победа над старейшим соперником, новые колонии в дальних странах, новые источники доходов, невиданные перспективы — Британия впервые для себя оказалась в роли мировой державы. Как это часто бывает в подобных случаях, успех многое поменял в головах, и не в лучшую сторону. На смену скучному реализму пришло радужное величие, которое потребовало масштабных свершений.

Повод ждать себя не заставил. Североамериканские колонии оказались подходящей площадкой для демонстрации миру своей мощи, своего размаха и своего масштаба. Для начала в ответ на скучные жалобы колонистов на налоги им дали понять, что никого не собираются слушать. Потом начались масштабные действия с театральным подтекстом. Десятки тысяч солдат были перевезены через океан. Судя по воспоминаниям наблюдателей, когда британский флот приплыл в Нью-Йорк, за корабельными мачтами не было видно горизонта — достойный повод задрать подбородок. Уже после поражения в Войне за независимость множество монархистов эвакуировались в Канаду, на Британские острова и даже в Африку — очередная демонстрация своих возможностей.

Тезис об одержимости величием должен пояснять читателю, почему автор считает отцов-основателей «умеренными революционерами». Это была не революция. Это был неизбежный переход власти к тем, кто остался в своем уме. Метрополия перестала быть собой, принимаемые ею решения, очевидно, становились все неприемлемее, и «отцы» — Вашингтон, Адамс, Франклин, Джей и прочие — не могли не попытаться взять ситуацию в свои руки. Другими словами, они не собирались менять общество — они хотели его сохранить. Основателям был удобен

порядок дел в колониях, каким он был до всплеска величия в Лондоне. Их революция была про возвращение к тому, что было раньше. В этом, как утверждает автор, ответ, почему Американская революция не привела к хаосу, о котором, к сожалению, так много известно российскому читателю. Отсутствие амбиций по улучшению общества ставит под вопрос революционность этой революции. Можно ли называть революцией событие, после которого общество либо совсем не изменилось, либо изменилось незначительно?

Джозеф Дж. Эллис подробно останавливается на вопросе о колониальных проблемах, которые отцы-основатели тактично игнорировали. В качестве яркого примера он приводит недавно восстановленную в деталях биографию Гарри Вашингтона — раба Джорджа Вашингтона, первого президента США. Гарри убежал с плантации в самом начале Войны за независимость. Он хотел записаться в британскую армию, в так называемый Эфиопский полк, и воевать за сохранение колоний в составе империи. По распоряжению короля всем рабам в штате Вирджиния, записавшимся в полк, была гарантирована свобода. Гарри хотел быть свободным и выбрал империю. Автор замечает: и Джордж Вашингтон, и Гарри Вашингтон отправились в армию для борьбы с тиранией во имя свободы. Они выехали из одной географической точки — Маунт-Вернон. Разница в том, что для Джорджа Вашингтона тираном являлся король Британии, в то время как для Гарри это был сам Вашингтон, а король — освободителем.

*Отцы-основатели
не собирались менять
общество — они хотели
его сохранить*

Гарри служил в так называемых «Черных пионерах», активно участвовал в боевых действиях и стал капралом. После поражения Британии в 1783 году он был эвакуирован в Новую Шотландию, на территорию нынешней Канады. Гарри женился на бывшей рабыне: она тоже воспользовалась революцией, чтобы сбежать от революционеров. Они родили троих детей, жили и работали на своей ферме. Долгие холодные зимы и конфликты с местными вынудили Гарри с семьей и другими бывшими рабами сменить Канаду на британскую колонию в Африке. В 1792 году они переехали в Сьерра-Леоне и купили ферму рядом со столицей, Фритауном. В 1800 году Гарри принял участие в протестах по традиционному для британских колоний поводу: администрация ввела новые налоги без обсуждения с налогоплательщиками. Протесты были подавлены, суд запретил Гарри посещать столицу и отпустил домой.

Джордж Вашингтон не освободил ни одного своего раба. На плантации, откуда бежал Гарри, их осталось почти семьсот человек. Так же поступили и многие другие отцы-основатели. Как пишет Эллис, по поводу рабства основатели придерживались мнения, что спешить не надо. Они были уверены, что рабство изживет себя само в ближайшие годы прежде всего в экономическом смысле. По их мнению, рабство может

существовать, пока оно прибыльно. Как только оно перестанет приносить доход, оно мгновенно уступит место обычному найму, и рабы станут свободны. Как мы знаем, эти расчеты не оправдались: новые технологии обработки хлопка сделали рабство еще более прибыльным. Через 20 лет после революции количество рабов в Штатах выросло в полтора раза.

Кроме рабства, существовало еще как минимум три проблемы, которые не были решены основателями. Во-первых, как пишет Эллис, подписание мирного договора с британцами одновременно означало объявление войны коренным народам Северной Америки. Теперь колонисты

*Через 20 лет после
революции количество
рабов в Штатах выросло
в полтора раза*

могли захватывать новые земли, не считаясь с мнением короля и парламента, которые при всех их недостатках пытались соблюдать некоторые приличия.

Во-вторых, как минимум четверть жителей колоний симпатизировали королю и не

верили в республику. Они воевали на стороне британских войск и после поражения ожидаемо столкнулись с преследованиями. Эллис оговаривается, что опыт американских монархистов не идет ни в какое сравнение с опытом бывших «белых» в СССР. Общим стремлением основателей было избежать преследований. Помимо прочих, здесь снова угадываются экономические мотивы. Необходимость выплачивать послевоенные долги делала нежелательными любые конфликты внутри американского общества. Ссора с американскими сторонниками короля, не бежавшими в Канаду, могла дорого обойтись, и поэтому их преследование не одобрялось. Тем не менее мнение лоялистов о том, как нужно управлять Штатами, никто учитывать не собирался.

И в-третьих, «отцы» не думали о женщинах. Американки не могли голосовать, не могли избираться, их судьба оставалась в руках мужчин, что, очевидно, противоречило программным документам. Если у каждого человека есть права, то и у женщин должны быть возможности для политического самовыражения. Эллис приводит в пример переписку Адамса, второго президента, с его супругой Абигаль по поводу права женщины на участие в выборах. Абигаль в письме рассуждает о необходимости участия женщин в политике. Адамс был так далек от этой мысли, что воспринял идеи своей супруги как шутку.

История Американской революции построена на преувеличении революционности

Кермит Рузвельт III, автор книги «Нация, которой никогда не было: реконструкция истории Америки», идет еще дальше и утверждает, что отцы-основатели мало похожи на американцев, живущих в Штатах сейчас.

Кермит Рузвельт III родился в 1971 году, за два года до выхода первой книги Джозефа Дж. Эллиса, он принадлежит уже к другому поколению. Рузвельт окончил Йельский и Гарвардский университеты и является профессором Пенсильванского университета, где преподает конституционное и международное частное право. Учитывая фамилию, следует сказать пару слов о его семье: Кермит Рузвельт III — праправнук Теодора Рузвельта, двадцать шестого президента Америки. И дальний племянник Франклина Рузвельта, тридцать второго президента.

Эта книга написана в очень специфической манере. Если Эллис пишет скорее романы, то Рузвельт как будто сочиняет расширенные посты для социальной сети. Его стиль можно назвать излишне эмоциональным, а суждения — не всегда сдержанными даже по американским меркам. Иногда читателю приходится напоминать себе, что это написал дипломированный юрист, а не анонимный блогер. И что в руках бумажная книга, а не смартфон.

Кермит Рузвельт III считает, что в школьных учебниках и СМИ сильно преувеличена революционность Американской революции. С его точки зрения, Декларация о независимости и Конституция не содержат ничего революционного, поскольку у тех, кто их подписывал, на уме было что угодно, кроме революции. В первую очередь они защищали свои экономические интересы. Их отношение к вопросам морали было, мягко говоря, не совсем таким, как у американцев в наши дни.

Ссылаясь на историков, он утверждает, что Джефферсон и Вашингтон стали считаться основателями не так давно. Для американцев во времена Войны за независимость эту роль выполняли основатели колоний первой половины XVII века. Адамс и Джефферсон были записаны в основатели после Гражданской войны, когда Авраам Линкольн, шестнадцатый президент Америки, начал выборочно ссылаться на их тексты, призывая Север и Юг забыть о разногласиях. Линкольн цитировал Джефферсона и других, потому что на тот момент это был лучший способ сплотить расколотое общество. После Гражданской войны любые средства для объединения были хороши, и Джефферсон пришелся к месту.

Roosevelt III K.

The Nation That Never Was: Reconstructing America's Story.

Chicago: The University of Chicago Press, 2022.

В наши дни, как считает автор, у американцев выбор есть. Если им в самом деле важны принципы свободы и равенства, то свои корни они будут искать в движениях за отмену рабства, за право женщин участвовать в выборах, за восстановление справедливости в отношении коренных народов. Так они найдут много общего с первыми американскими феминистками и ничего — или почти ничего — с отцами-основателями, которые нарочно обходили сложные вопросы стороной, заботясь больше о праве собственности и экономических материях.

*Любовь отцов-основателей
к идеям равноправия была
скорее платонической*

По мысли Кермита Рузвельта III, переосмысление роли основателей должно избавить американцев от ситуации, когда им приходится читать рассуждения рабовладельцев о равенстве. Логика здесь

простая и очевидная: если в основе Американской республики лежит идея борьбы за права каждого, то пантеон героев этой революции должен отойти на второй и, возможно, третий план. Поскольку их любовь к идеям равноправия была скорее платонической, к «отцам» следует относиться с тем же осторожным уважением, что и к первым европейским поселенцам на новом для них континенте. Сфокусироваться следует на тех, кто равные права ставил на первое место, в том числе на участников Гражданской войны, случившейся веком позже. Именно вопрос равноправия стал причиной столкновения Севера и Юга: Юг был уверен, что права человека напрямую зависят от цвета его кожи, а Север считал, что цвет кожи не имеет никакого значения. И это как раз тот сюжет, на который стоит обратить внимание демократии, считающей равноправие своей фундаментальной ценностью.

Чудо, каким является разговор

Двадцать пять лет назад все человечество было обеспокоено проблемой двухтысячного года, Y2K. Были опасения, что решение о сокращении формата указания года до двух позиций, принятое некогда программистами, при переходе от 99 (1999 год) к 00, то есть к году 2000-му, может испортить новогоднюю вечеринку и омрачить торжествующий приход нового тысячелетия, которое было попросту обречено на процветание. Предполагалось, что человечество сумело разрешить свои основные противоречия и успешно сдерживает мелкие конфликты в Африке, на Балканах и на Ближнем Востоке. Рано или поздно каждый должен будет прийти к той или иной форме умеренных взглядов и наслаждаться жизнью, потягивая шардоне. Мы были готовы тратить деньги, высвободившиеся после прекращения гонки вооружений, и жить долго и счастливо.

Тем не менее в течение десяти последних лет мы стали свидетелями следующих событий. Министр обороны США заявил, что ему не дает спать по ночам не растущее влияние Китая, не ИГИЛ и не Россия, а внутривнутриполитические противоречия в самих Штатах¹. Согласно опросу, проведенному компанией Ipsos по заказу Reuters, герой «Карточного домика» кроважидный Фрэнк Андервуд обошел по популярности президента Обаму. Опрос Yahoo / YouGov, проведенный в мае 2020 года, показал, что каждый третий из опрошенных американцев верит в теорию чипирования населения с помощью прививок и считает Билла Гейтса — человека, который предупреждал мир об угрозе пандемии и делал многое, чтобы ее предотвратить, — ответственным за возникновение пандемии COVID-19. Если вам кажется, что подобные вещи характерны исключительно для США, вспомните, как президент Макрон под давлением критики вынужден был закрыть свою alma mater, Национальную школу администрации (ENA), а Великобритания — страна, решительно отстаивавшая свободу торговли на

*Хакан Алтынай,
профессор практики
Университета
Тафтса в Бостоне,
основатель
и руководитель
Европейской школы
политики в Стамбуле*

протяжении последних двухсот лет, — по собственной воле вышла из крупнейшего в мире Общего рынка. И все это только за последние десять лет.

Столь поразительная близорукость свидетельствует об острой необходимости в инспекции оснований всей нашей конструкции. В этой работе я опишу трещины, которые удалось обнаружить мне, ни в коем случае не претендуя на всеохватность. Субъективен и диагноз, который я ставлю, и пути лечения, которые я предлагаю. Вот пять моих общих тезисов:

Забывтое *Fraternité*. Как мы прекрасно помним, у Великой французской революции было три лозунга: *Liberté, Égalité, Fraternité*. С тех пор все наше внимание было приковано к свободе и равенству, широко обсуждались только они — третьим лозунгом пренебрегли, это измерение оказалось упущенным из виду. Само *Fraternité*, братство, можно было бы заменить товариществом, *Сamaraderie*, восходящим к латинскому *самага* (комната, келья). Собственно, *Сamaraderie* возникает из совместного проживания в одном месте на протяжении значительного времени — как минимум мы ожидаем, что у живущих вместе возникнут товарищеские чувства друг к другу, и надеемся на это. *Сamaraderie* — результат, но в то же время и корень братства.

Соответственно, вопрос состоит в том, находимся ли мы на самом деле в каком-то общем пространстве. В Соединенных Штатах некоторое

В США все большая доля населения живет там, где одна из двух политических партий либо непобедима, либо доминирует

время назад начался процесс «большой сепарации». Все большая доля населения живет там, где одна из двух политических партий либо непобедима, либо явным образом доминирует. Согласно одному из подсчетов, в 2016 году 60% американцев жили в избирательных округах, где один из кандидатов в президенты получал подавляющее боль-

шинство голосов, тогда как в 1976 году в таких округах жило лишь 27% населения. По данным исследования Pew от октября 2024 года, лишь 8% избирательных округов являются «межпартийными», то есть округами, где не доминирует ни одна из партий. Как подсчитал Йон Йейтс², в Великобритании обычному квалифицированному специалисту придется пригласить на свою вечеринку не менее ста человек, прежде чем среди гостей появится первый безработный. Мы не живем все вместе в одном и том же пространстве и, вероятно, поэтому не сталкиваемся с похожими трудностями. *E pluribus unum*³, пожалуй, одинаково непостижимо и как утверждение, и как чувство. У этой центробежной динамики есть, судя по всему, как минимум две стороны. Первая — это физическая сепарация; вторая относится скорее к эмоциональному настрою: мы не интересуемся друг другом, можно даже сказать, слегка презираем друг друга. Это явление поразительно ярко описано в книге Дэвида Гудхарта

Патрисия Керсенхаут (Patricia Kaersenhout). *Also in Mea Culpa*. 2020

«Дорога куда-то»⁴. Гудхарт показывает два типа людей: «где-угодники» (anywheres) преуспевают в школе и делают успешные карьеры. У них портативная идентичность, а сами они по-настоящему мобильны. Они уверены, что способны преуспеть где бы то ни было, и эта позиция пронизывает их понимание достоинства и значимости. «Где-тошники» (somewheres) — существа куда более укорененные, их самоопределение связано с принадлежностью к какому-то месту, причем с принадлежностью позитивной. Как ясно показал получивший широкую известность слоновый график Бранко Милановича и Кристофера Лакнера⁵, где-тошники не особенно выиграли от глобализации. Параллельно то, что Гудхарт называет прогрессивным индивидуализмом где-угодников, сильно обесценило их социокультурный капитал. Гудхарт уверяет, что написал свою книгу, потому что не согласен с характерными для где-угодников самодовольством и уверенностью в собственной правоте и хотел бы восстановить достоинство где-тошников и ценность их восприятия мира. Другие авторы относились к гудхартовским где-угодникам с куда меньшим пиететом; Майкл Линд вообще описывает⁶ этот разрыв как новую классовую войну.

Пиппа Норрис⁷, в свою очередь, избегает столь резких оценок, однако недвусмысленно предостерегает против ориентации исключительно на социоэкономические параметры и недооценки весьма ощутимой для широких слоев западного мира социокультурной девальвации. Разница

между социоэкономическими и социокультурными факторами к излишним тонкостям явно не относится: большинство поборников прогресса интересуются только первыми. Я не вполне понимаю почему, как непонятно мне и нежелание различать между несогласием с темпом изменений и неприятием направления перемен. Нет ничего невероятного в том, чтобы не возражать против направления, в котором должны происходить изменения, и скептицизма по поводу их текущих темпов.

Социальный капитал, равно как и гражданские навыки, страдает не оттого, что мы им злоупотребляем, а оттого, что мы редко им пользуемся

Одним из признаков того, насколько тотально мы упускаем из виду товарищество, является полная взаимозаменяемость слов «сети» (networks) и «сообщества» (communities) в нашем словаре. Притом что в обоих случаях речь идет о связях между людьми,

сообщества предполагают хотя бы минимальный уровень заботы, тогда как для сетей забота нехарактерна. То, что мы не задумываясь подменяем сообщества сетями, должно беспокоить нас всех.

Как показал профессор Чикагского университета Николас Эпли⁸, мы «недосоциальны»: если подтолкнуть двух человек к тому, чтобы они по собственной инициативе вступили в честный разговор друг с другом, в конце этого разговора обе стороны чувствуют гораздо большее удовлетворение, чем ожидали в его начале. Это имеет большое значение, поскольку, как предупреждает нас профессор Университета Тафтса Питер Левин⁹, социальный капитал, равно как и гражданские навыки, страдает не оттого, что мы им злоупотребляем, а оттого, что мы редко им пользуемся. Создание и поддержание материальных условий, позволяющих нам участвовать в управлении общественной жизнью, можно уподобить мускулатуре, а мускулатура требует внимания и усилий, что нелегко и недешево. Однако критически важно то, что пренебрежение этими навыками обходится гораздо дороже. Сотрудники гарвардской Школы Кеннеди Эрика Ченовет и Джулия Минсон доказывают¹⁰, что наши идеологические противники крайне редко оказываются настолько сумасшедшими, насколько мы их себе представляем, что вызывает вопрос: не потому ли мы начинаем ненавидеть собственных соотечественников, что в недостаточной степени с ними взаимодействуем? Исследования Ги Ицхакова¹¹ показывают, что люди, которым кажется, что их слышат, сами готовы слушать больше и лучше. Vuslat Foundation уже много лет демонстрирует, что готовность выслушать человека по-настоящему — не просто для того, чтобы быстро составить ответ, а чтобы понять его, — создает не порочный, а добродетельный круг (virtuous circle). Слушая по-настоящему щедро, мы с большей вероятностью поймем собеседника, который, в свою очередь, почувствует, что его слышат и воспринимают всерьез, и сам отнесется к нам с большим доверием. Остается надеяться, что все эти годы пренебрежения товариществом

создали огромную потребность в нем и что запоздалое и осложненное всевозможными обстоятельствами удовлетворение этой потребности станет для нас не рутиной, а отрадой.

Должен добавить, что при всей моей глубокой озабоченности необходимостью возрождения товарищества меня не впечатляют такие книги, как «Человечество» Рутгера Брегмана и «Проект» Николаса Христакиса¹². Похвально, что эти авторы критикуют чрезмерно пессимистические оценки нашей скотской природы, однако если этот оптимизм не сопровождается открытым и честным отчетом о том, во что нам обходится сохранение порядочности, он просто приведет к новой череде разочарований. Порядочность не дана нам автоматически или по умолчанию, она требует (и по праву требует) непрерывной заботы, готовности к мужественным решениям касательно компромиссов и равнодушия в отстаивании своих принципов.

Упущенная из виду добрая воля. Товарищество и братство не исчерпывают круг вещей, которыми мы пренебрегаем и которые недооцениваем. От идеи важности доверия и доброй воли тоже отмахивались с благожелательной улыбкой. Слишком часто единственно возможным подходом к человеческим взаимодействиям предлагается считать трансакционный анализ, основанный на крайне поверхностном и узком понимании рациональности. В конце концов, не говорил ли нам сам Адам Смит: если хочешь обеспечить себе ужин, апеллируй к личным интересам мясника и бакалейщика, а не к их состраданию. Лауреат Нобелевской премии Милтон Фридман открыто заявлял, что в жадности нет ничего плохого. Расширяя отделы продаж, компании ищут людей с бойцовским характером. Экономисты считают щедрость пережитком былых времен, чреватым большими ошибками и неадекватными решениями. Тренеры-знаменитости доказывают, что нет такой вещи, как достойное поражение. В США эксперты-международники не устают сокрушаться, что американский народ не ценит грубую силу и предпочитает дурман высоких слов о моральных ценностях. Если прислушаться к этим голосам, то придется признать, что доверие и добрая воля никакой роли в обществе не играют и что место им в музеях и волшебных сказках.

Однако накопленные в течение тысячелетий опыт и знания свидетельствуют об обратном. Когда ученики спросили Конфуция об управлении государством, он ответил, что для этого должно быть достаточно пищи, достаточно оружия и народ должен доверять правителю. Тогда дотошные ученики стали спрашивать, какими из этих трех вещей можно пожертвовать, чтобы узнать, что считать главным, и трактат «Лунь Юй» отвечает: «Без доверия государство устоять не сможет». Идея, судя по всему, состоит в том, что с временным отсутствием оружия или пищи можно справиться: при наличии доверия и доброй воли эти вещи можно обрести заново, но если доверие утрачено, то ни еды, ни оружия больше

не будет, и государство обречено на гибель. Если Конфуций кажется вам слишком уж оторванным от реалий, можно обратиться к недавним исследованиям¹³, подтверждающим связь между доверием и экономическим благосостоянием общества.

Можно было бы вспомнить историю о том, как Бенджамин Франклина попросили помочь Бенджамину Уэббу — соотечественнику, оказавшемуся в отчаянном финансовом положении. Рассказывают, что Франклин несколько дней раздумывал над этой просьбой, а потом послал Уэббу чек на сумму, о которой тот просил, указав в письме, что вложенный чек — не безвозмездная помощь, а ссуда, однако возмещать ее следует не Франклину, а другому, столь же нуждающемуся соотечественнику с тем же условием, что тот даст впоследствии эти же деньги еще кому-то, кто попал в беду. Франклин, как многие, вероятно, пом-

Приветствие – вещь автоматическая, однако оно содержит в себе существеннейшую подсказку

нят, придумал библиотеку не просто как место, где хранят книги, а где их еще и выдают почитать. В обоих случаях Франклин утверждает готовность давать и поддерживать сеть доверительных отношений в качестве ключевой черты нового американского общества. И тем не менее этот эпизод даже не

упоминается в пространной книге Уолтера Айзексона¹⁴. Айзексон, судя по всему, разделяет присущее современности презрение к товариществу, доверию и культивированию подобного рода горизонтальной отзывчивости. Другие гении, чьи жизненные пути он описывает в пространных биографиях (Леонардо да Винчи, Стив Джобс и т.д.), как будто должны гордиться достижениями, охватить которые они сами не в состоянии. Здесь следует обратиться к прошлому, чтобы понять, как диагноз, который мы ставим самим себе, является результатом неполных генеалогий.

На минуту задумаемся о том, как мы приветствуем друг друга. Приветствие — вещь автоматическая, которую мы обычно даже не замечаем, однако оно содержит в себе существеннейшую подсказку. Во всех трех авраамических религиях приветствие имеет важную общую черту: в исламе, христианстве и иудаизме Assalamu alaykum, Pax vobis и Shalom aleichem означают «мир вам». Обычай отдавать воинскую честь, кстати, тоже основан на стремлении показать, что у человека нет оружия и что, соответственно, он пришел с миром. Считается, что в основе традиции рукопожатия лежит то же намерение продемонстрировать, что обе стороны безоружны и не таят никакого зла. Южноазиатское Namaste значит «я преклоняюсь перед вами», и отвечать на него следует тем же словом. Южноафриканское Sawubona означает «я вижу тебя». Считается, что индейцы майя приветствовали друг друга фразой, которая буквально означала «я еще один ты». Рассказывают, что последователи поэта-суфия, исламского богослова Руми, жившего в XIII веке, не открывали дверь, если на вопрос «Кто там?» из-за двери отвечали «Это я»: правильным ответом,

после которого пришельца впускали, должен был быть «Это ты». Эта общность важна, она говорит о многом. Человечество, свидетельствует эта общность, в какой-то момент решило, что взаимодействие должно начинаться с подтверждения взаимного признания и уважения и обещания, что участники встречи не понесут никакого ущерба. В каком-то смысле это и есть «код да Винчи», заключенный в наших приветствиях.

Этот код имеет смысл, если смотреть на вещи в долгосрочной перспективе. Мы не всегда приветствовали незнакомцев таким образом. В своей книге «Мир позавчера» Джаред Даймонд¹⁵ описывает мир родоплеменных отношений, в котором жили наши предки. Там люди делились на три категории: друзья, враги и незнакомцы. С друзьями и врагами все относительно просто; ключевое значение имел вопрос о том, как обращаться с незнакомцами. Даймонд показывает, что к незнакомцам относились, по сути, как к врагам, поскольку никаких поводов для добросердечных встреч с ними попросту не было. То есть изначально мы жили в мире, где в незнакомцах видели преимущественно врагов. В процессе эволюции возникли более сложные общественные и географические структуры, в рамках которых уже нельзя было позволить себе считать враждебными всех незнакомцев, потому что мы нуждались в их сотрудничестве и участии. Наши традиционные приветствия — способ преодоления этих затруднений. В конечном счете это то, что Кант, важнейший теоретик Просвещения, назвал правом гостеприимства, запрещающего относиться к другому как к врагу только потому, что мы его не знаем. Другими словами, каждый может рассчитывать на то, что к нему отнесутся как к человеку доброй воли. Наш мир построен на допущении, что чужой может стать другом, пока не доказано обратное.

*Наш мир построен
на допущении, что чужой
может стать другом,
пока не доказано обратное*

Современная общественная мысль не противоречит этим неиссякающим источникам мудрости. Как выяснили в Лаборатории трудных разговоров при Колумбийском университете¹⁶, мы только тогда обращаем внимание на критику в свой адрес, если ей предшествуют по меньшей мере три позитивных замечания. Другими словами, создание атмосферы доброй воли — вещь базовая и существенная. Антропологи, в свою очередь, описали распространенные повсеместно практики дарения как один из способов, которым многие из нас пользуются, чтобы показать, что в данном конкретном случае речь не идет об узко понятом транзакционном взаимодействии. Мы дарим подарки и ожидаем, что в ответ нам тоже их подарят, но никакой непосредственной взаимосвязи между даром и ответным даром нет, как нет и гарантии, что ответный дар вообще последует, — и сам дар как бы говорит, что мы не имеем ничего против, поскольку долговременное благополучие для нас важнее немедленно вознаградения. Другие исследователи — как, скажем, голландский

историк Йохан Хёйзинга в своей книге *Homo Ludens* (1938) — показали, что игра занимает центральное место в нашей истории и выполняет цивилизующие функции. Разумеется, игра в любой своей форме содержит элементы соревновательности и соперничества, однако они облечены в одежды дружелюбия и готовности играть по правилам. В игре никто не сомневается в возможности создать атмосферу доверия и товарищества. На протяжении многих лет могущественный техносектор принадлежал к числу акторов, не придававших доверию особого значения и готовых двигаться быстро, ломая все на своем пути, однако теперь Медиалаборатория Массачусетского технологического института тоже рекомендует¹⁷ «рост, соразмерный с ростом доверия». Лучше поздно, чем никогда.

Философ Хан Бён-Чхоль с сожалением пишет¹⁸ о постепенном исчезновении ритуалов, которые, как он показывает, вписывают правила сообщества в тело человека; по его мнению, в своем расколдовывании мира мы зашли слишком далеко. Все и вся подчинилось экономическим императивам, вполне допустимой стала неприкрыто нарциссическая модель, в силу чего не предполагающее коммуникации сообщество, существование которого поддерживается хотя бы отчасти обычаями и ритуалами, оказалось подмененным коммуникацией, не предполагающей никакого сообщества.

Презрение к взаимозависимости. Связанной со всем вышесказанным, но в то же время отдельной гранью пренебрежения товариществом и доброй волей является особо неуважительное отношение к взаимозависимости. Особенно замечательно эта парадигма описана в книге Джозефа Хенрика «Самые странные в мире. Как люди Запада обрели психологическое своеобразие и чрезвычайно преуспели» (2020)¹⁹. Хенрик не испытывает недостатка в данных, подтверждающих, что обычные наши представления основаны на индивидуалистических или атомистических посылах. Это чуть менее заметно в континентальной Европе и сильнее выражено в англоязычном мире, однако основное отличие присутствует и там. Чуть раньше к похожим заключениям пришел и Ричард Нисбетт в работе «География мысли: чем и почему мышление Востока отличается от мышления Запада» (2003)²⁰. Особый дискомфорт, связанный с взаимозависимостью, — неотъемлемая черта этой модели. Тем не менее невозможно написать историю человечества, не признав с самого начала первостепенную значимость нашей привязки к общественным и естественным экосистемам, в которых мы обитаем, и не задавшись вопросом, как оптимизировать нашу жизнь в условиях этой конститутивной для нас взаимозависимости. К счастью, новый подход предлагается в целом ряде недавних публикаций: самость не сингулярна, но представляет собой изменчивую сеть; человек не компьютер и не машина, а мелкий камушек в прекрасной мозаике. Антрополог Клиффорд Гирц, социолог Ричард Сеннет, психолог Майкл Томаселло, историк Юваль Харари,

Карл Марк (Carl Mark). *Homo Economicus Consumens Egoismus et novus homo*. 2002

политолог Роберт Патнэм, нейробиологи Иэн Макгилкрист и Лиза Фельдман Барретт, а также биолог Мерлин Шелдрейк выработали новое, довольно сложное представление о том, кто такие «мы».

Если мы не представляем собой ясно и окончательно очерченные единицы, то как нам лучше общаться друг с другом? Ясно, что не на манер *homo economicus*, которого заботит лишь максимизация собственной прибыли. Тридцать с лишним лет экспериментирования с игрой «Ультиматум» свидетельствуют²¹, что человек может быть кем угодно, но только не вариантом *homo economicus*. В этом эксперименте двум людям дают сто долларов, и один из них предлагает другому разделить эти деньги. Второй человек никак не может повлиять на предложение, которое сделает первый, поэтому игра и называется «Ультиматум». Второй человек может принять предложение о том, как поделить деньги, после чего каждый получает предложенную сумму, либо отвергнуть его, и тогда ни один из них ничего не получит. Если не питать иллюзий по поводу морального облика человечества, рациональным предложением следует считать раздел сотни на 99 долларов и один доллар. Предложить 100 к 0 невозможно, потому что тогда второму игроку будет незачем соглашаться с таким разделом, но проявлять большую щедрость, чем 99 к 1, тоже

незачем, поскольку один доллар — это больше, чем было ранее у второго человека, и с его стороны было бы глупо отказываться, раз уж никакой другой цели, кроме максимизации собственной прибыли, у него нет. И тем не менее в среднем по всему миру (вне зависимости от страны) участники игры предлагают разделить сотню на 55 и 45 долларов. Более того, мы видим, что предложения хуже, чем 75 к 25, в подавляющем большинстве своем просто отвергаются вторым человеком — феномен интересный и требующий объяснения: почему люди, которым досталась роль второго человека, отказываются принять хотя бы один доллар, не говоря уже о 25, ведь это же лучше, чем ничего? Получается, что справедливость нам намного дороже выгоды и мы готовы лично заплатить за то, чтобы обеспечить торжество справедливости и действенность этики взаимности, а это имеет смысл только в том случае, если мы и в самом

*Справедливость нам
намного дороже выгоды,
если мы и в самом деле
существа взаимозависимые*

деле по самой своей конституции существа взаимозависимые. Как показал проведенный в 2009 году опрос²² World Public Opinion, из двух возможностей — «наше государство должно добросовестно соблюдать международное право, нельзя на-

рушать международное право» и «если наше правительство считает, что соблюдение международного права не соответствует нашим национальным интересам, оно не обязано его соблюдать» — 57% респондентов из 21 страны выбирают соблюдение международного права и только 35% склоняются к тому, чтобы избавиться от этой необходимости. Трудно переоценить значимость того, что люди готовы настаивать на соблюдении законов, даже когда их правительство считает, что это противоречит национальным интересам. Тот же опрос показал, что люди рутинно недооценивают, до какой степени их соотечественники разделяют их приверженность многостороннему подходу, и чувствуют себя одиночками в своей поддержке международного права. Другими словами, даже после десятилетий разочарований и бесконечных рекомендаций стать уже, наконец, расчетливыми, эгоистичными и жадными порядочные люди так этого и не сделали. Тот факт, что доминирующие метанарративы не дают им осознать, что именно они составляют большинство в собственных странах и в мире в целом, можно либо признать достижением господствующего дискурса, либо включить в список задач для тех, кто верит в необходимость и достижимость иного положения дел.

Руми знал ответ на вопрос о том, как лучше всего жить в ситуации взаимозависимости, и описывал любовь как незаменимый мостик между нами и всем остальным. Замечательный ирландский поэт Джон О’Донохью тоже пишет, что любовь — тот единственный свет, который дает нам возможность увидеть индивидуальность и душу другого человека. Если вам это кажется заявлениями поэтов, склонных к украшательству, то самое время вспомнить, что любовь — или скорее агапе — сыграла

фундаментальную роль в движении за гражданские права. Сегодня историю этого движения излагают люди, которым интереснее стратегические судебные разбирательства и взаимодействия, однако подобное изложение событий складывается за счет того, что мы упускаем из виду глубочайший этос движения. Мартин Лютер Кинг определял агапе (древнегреческое слово, которое фигурирует в Библии и обозначает любовь) как особую форму эроса или филии. Агапе — это добрая воля для каждого, основанный на великодушии темперамент, который не дает нам махнуть рукой на людей, совершающих дурные поступки, даже если сами эти поступки мы презираем. После взрыва в баптистской церкви на 16-й улице в Бирмингеме, штат Алабама, жертвами которого стали четыре девочки в возрасте от 11 до 14 лет, именно агапе заставила Мартина Лютера Кинга провозгласить, что он не готов отвернуться от белых братьев и отрицать возможность того, что даже самые заблудшие души «научатся уважать достоинство и значимость каждого». Питер Левин, знаменитый исследователь гражданского общества и гражданских движений, пишет в своей недавней книге, что для

Джона Льюиса, Мартина Лютера Кинга и прочих агапе в принципе было не тактикой, а непоколебимой верой в то, что оппонентов нужно не превозмогать или уничтожать, а привлекать на свою сторону в качестве товарищей в деле создания лучшего будущего для всех. Можно вспомнить, что источником величайшего мужества, связанного с работой Комиссии по установлению истины и примирению в Южной Африке, была философия убунту, во многом схожая с всеохватной доброй волей, которую провозглашал Мартин Лютер Кинг. Убунту учит, что я есть, потому что есть ты, а ты есть, потому что есть мы. Сто лет назад Мартин Бубер говорил примерно то же самое, описывая конструкцию «Я — ты». Я-человек становится Я-человеком только за счет отношений с Ты-человеком. Бубер добавлял: «Любовь не присуща Я таким образом, чтобы Ты было лишь ее "содержанием", ее объектом; она между Я и Ты. Тот, кто не знает этого всем своим существом, не знает любви». Другими словами, мы глубоко и всесторонне переплетены, мы — авторы судеб друг друга.

Это основное положение бесчисленное число раз высказывалось, воспроизводилось и формулировалось заново в разных культурах по всему миру. Если требуется какое-то дополнительное доказательство, можно вспомнить, что сразу в нескольких культурах, в том числе связанных с христианством, иудаизмом, исламом и даосизмом, характерным признаком зрелого общества считается то, что старики сажают деревья, тенью которых они не смогут насладиться. Важно то, что сегодня об этом мало кто знает и мало кто понимает основания для такой оценки. Я бы сказал, что старикам имеет смысл сажать деревья или, точнее, вносить свой вклад в общие ресурсы и их развитие, только если мы будем понимать

*«Любовь между Я и Ты.
Тот, кто не знает этого
всем своим существом,
не знает любви»*

наше собственное существование как процесс, в начале которого мы зависимы от тех, кто старше нас, и оказываемся в долгу перед ними за их заботу и любовь к нам, однако этот долг мы отдаем не тем, кто о нас заботился, но тем, кто моложе нас, в том числе сажая деревья, тенью которых, как мы прекрасно знаем, мы не сможем насладиться. Мы не являемся

И Кемаль Ататюрк, и Махатма Ганди при рождении своих республик говорили не только на языке прав, но и на языке обязанностей

сущностями, которые просто вступают в транзакции и заключают сделки, и не можем таковыми быть.

Кроме того, можно вспомнить, что и Кемаль Ататюрк, и Махатма Ганди при рождении своих республик говорили не только на языке

прав, но и на языке обязанностей. Сегодня язык прав нам гораздо удобнее, ответственность мы склонны воспринимать как нечто неприятное, но неизбежное вроде мытья полов. Корень слова «ответственность» — «ответ», что в английском, что в турецком. Ответственность означает, что мы воспринимаем своих визави как равных, которые имеют право нас судить и способны на это. В книге «Гражданская информация для граждан» (Vatandaş için Medeni Bilgiler, 1931) Ататюрк пишет, что основатели республики и люди, которым она по-настоящему принадлежит, — это свободные и ответственные граждане. Когда граждане Османской империи обнаружили, что подписанный султаном мирный договор их не удовлетворяет, города и поселки, какими бы незначительными они ни были, созвали гражданские собрания, сформировали ополчения, ввели пошлины и собрали оружие для национальных вооруженных сил, то есть действовали точно так же, как итальянские коммуны несколькими десятилетиями ранее. Они брали на себя ответственность, потому что они были — и хотели оставаться — свободными, а свободными они были, потому что были — и остаются — ответственными. К сожалению, такие настроения систематически выпаривают и вытравливают из активного словаря и актуального мышления.

Выборочная генеалогия. До сих пор я утверждал, что мы с пренебрежением отнеслись к братству и что это пренебрежительное отношение было несостоятельным и бесполезным. Я также утверждал, что пренебрежительное отношение к братству совпало с абсолютным невниманием к доброй воле, непониманием важности доверия и товарищества. Кроме того, я настаивал, что действующая парадигма игнорирует взаимозависимость, присущую нашей природе. Маршалл Салинс уже поставил диагноз²³: западное общество было построено на превратном представлении о человеческой природе. «Ой, прошу прощения». Наверное, нужно будет проанализировать господствующую сюжетную линию, лишившую нас способности видеть то, что у нас под носом, и выяснить, насколько неизбежным является суровый вердикт Салинса.

Я достаточно стар для того, чтобы помнить, что западный колониализм описывался в государственных средних школах США как цивилизационная миссия и бремя белого человека, и я до сих пор нахожу зомби-ошметки этого метанарратива, объясняющего, что такое Запад и как он стал таким, какой он есть. Одним из наиболее могущественных и самых показательных метанарративов о том, как устроен Запад, были читавшиеся едва ли не во всех элитных университетах курсы From Plato to NATO («От Платона к НАТО») и отзвуки того, что там говорилось, проникавшие в самые отдаленные отростки нашей культурной экосистемы. Западная цивилизация, если верить этому нарративу, представляла собой целенаправленное движение в сторону демократии, капитализма, науки, личной автономии и прав человека. Важнейшими этапами эволюции западного мира были Древняя Греция, Древний Рим, синтез античной классической цивилизации и христианства, европейский Ренессанс, Великие географические открытия, подъем науки Нового времени, в последние два столетия подъем современной либеральной демократии, распространение достатка и с окончанием холодной войны сближение с Западом всего остального мира. Когда авторы этого метанарратива оглядывались назад, чтобы найти в прошлом истоки такого настоящего, они вынуждены были закрывать глаза на все несовместимое с нынешним либеральным Западом.

*Атлантическая хартия
1941 года – критически
важный момент
для развертывания сценария
«от Платона к НАТО»*

Любимым греком этого гранд-нарратива всегда был философ Сократ: в рамках этого дискурса он считается изобретателем морального индивидуализма, то есть идеи о том, что каждый сам должен понять, как поступать правильно, каждому предстоит самостоятельно сформулировать, что велит долг. В качестве первой жертвы популистского противостояния смелым идеям Сократ превратился в первого мученика, отстаивавшего правду и свободу выражения. В 399 году до н.э. он предстал перед судом по обвинению в богохульстве и был приговорен к смерти. Большой нарратив с легкостью преодолевает последующие столетия; обнаружить Плотина и его многочисленные связи за пределами западного мира способен только узкий специалист. Следующей вехой стало отплытие Христофора Колумба из Европы в 1492 году и открытие им Америки. Это произошло на пике Возрождения — эпохи, которую гранд-нарратив считает пробуждением Европы от тысячелетнего неведения. Никто не рассказывает нам ни об араваках, ни о том, что с ними случилось (погуглите «геноцид таино»), ни о том, что Ренессанс как культурная революция — это на самом деле изобретение XIX века.

Атлантическая хартия 1941 года — критически важный момент для развертывания сценария «от Платона к НАТО». В августе 1941 года американский президент Франклин Делано Рузвельт и британский премьер

Уинстон Черчилль встретились на корабле ВМС США у берегов Нью-фаундленда, чтобы принять совместную декларацию, получившую впоследствии известность как Атлантическая хартия. Этот документ определил современный Запад через набор политических и экономических норм, которые должны были восприниматься и воспринимались как цели, к которым стремятся все разумные люди на планете. Атлантическая хартия дала определение западной цивилизации и провозгласила, что задача Второй мировой войны состояла в том, чтобы защитить эту цивилизацию от угроз и распространить ее блага на как можно большее число людей. После 1945 года поколения студентов восприняли этот сюжет как собственную биографию. Дальнейшее — история.

Забавным образом марксизм, на протяжении столетия выступавший в качестве главного врага либерального метанарратива, не лишен тех же слепых пятен. Марксизм считал классовую борьбу главным двигателем истории. Дитя XIX века, Маркс беззаветно верил в прогресс и позитивизм. Он так и не смог примириться, как он выражался, с «утопическим коммунитаризмом», присущим другим подходам к добру и справедливости. Поэтому он поддерживал британский колониализм в Индии как движение к благу. В этом смысле нет ничего удивительного, что немецкие марксисты сотрудничали с национал-социалистами в деле подрыва Веймарской республики или что индийские марксисты продолжают презирать зеленую революцию за то, что она улучшает положение индийского крестьянства и тем самым препятствует быстрому созреванию классового конфликта. Когда конфликт не только неизбежен, но и благотворен, никто не станет ценить товарищество и поддерживать разговоры как действенное средство совместного управления общими делами.

Стерильный и чрезмерно прямолинейный метанарратив «от Платона к НАТО», как и его главный соперник — марксизм, упускает из виду богатство, присущее европейскому пути, где на каждого Адама Смита найдется свой Томас Пейн и на каждого Милтона Фридмана — своя Элинор Остром. Томас Пейн доказывал, что политические революции в Америке и Франции так и останутся незавершенными, если не наделять их существенно важными чертами того, что он называл аграрной демократией, в рамках которой граждане по достижении 21 года получают значительные гранты, которые позволяют им начать жизнь, располагая хоть какими-то активами, а не только долгами и обязательствами. Надо отметить, что Брюс Акерман описывает похожую схему в своей книге «Общество заинтересованных сторон»²⁴, причем грант составляет 250 000 долларов, а средства для выплаты таких грантов обеспечиваются ежегодным двухпроцентным налогом на богатство. Элинор Остром (нобелевский лауреат, как и Милтон Фридман) описала, как благополучным обществам удается управлять своими общими ресурсами на основе ответственного и равного участия, не создавая при этом левиафана, и тем самым опровергла тезис о трагедии общих ресурсов, доживший до

Фрагмент рукописи Magna Carta Libertatum. XV век

наших дней в качестве зомби-мема. Декарт мог стремиться к абсолютной достоверности и остановиться на *cogito ergo sum* как на первом несомненном факте, но уже его современник Спиноза развивал свою мысль на совершенно иных путях, да и Рильке, который советовал нам ценить и уметь проживать вопрос, а не довольствоваться ложной достоверностью, тоже по праву составляет часть западной генеалогии. Менее известный Мартин Бубер отмечал, что все по-настоящему живое связано с отношениями и встречами. *Cogito ergo sum* он считал ребяческим и наивным. Макиавелли мог убеждать своего государя, что лучше, чтобы его боялись, а не любили, но девиз короля Артура гласил, что мы остаемся свободными, служа друг другу, — это этос сотрудничества на равных. Герберт Спенсер мог верить, что выживают наиболее приспособленные, а Гете был готов на многое ради того, чтобы понять другого, — не доминировать над ним, а воздать ему должное как равному. На каждую пошлую мыльную оперу типа «Далласа» всегда найдется «Домик в прерии» с его неизменным добродушием. На каждого наглеца типа Томаса Фридмана всегда найдется Дэвид Брукс, испытывающий неподдельный интерес ко всему, о чем бы он ни писал²⁵. Каждому фанфарону типа Дональда Трампа мы всегда можем противопоставить приветливую и невзыскательную Джасинду Ардерн²⁶. Мы забываем, что Magna Carta

Libertatum (1215) неразрывно связана с Лесной хартией (1217), учредившей общественную собственность и гарантировавшей доступ к ней простым людям как залог общественного здоровья, — на протяжении веков эту хартию четырежды в год прилюдно зачитывали вслух, чтобы никто не посмел забыть и нарушить ее положения. В Скандинавских странах определенные земли до сих пор считаются общедоступными, что часто закрепляется в законе как *allmannsrätten*. *Allmannsrätten* дает людям право беспрепятственно заходить даже на те земли, которые находятся в частной собственности; свободно бродить; собирать ягоды, если есть такое желание; и разбивать лагерь при условии, что он не будет находиться в непосредственной близости к жилищу законных резидентов. Норвежская королевская семья и по сей день живет летом на ферме, не огороженной никакими заборами.

Проблема, связанная с телеологическими описаниями в целом и сюжетной линией «от Платона к НАТО» в частности, состоит в том, что они выхолащивают присущее западной истории разнообразие, рассматривают нынешний статус-кво как единственный жизнеспособный вариант и не оставляют места для каких бы то ни было альтернатив, даже воображаемых. Это крайне несправедливо как по отношению к прошлому, так и по отношению к будущему. Нет никаких сомнений в том, что мы способны пойти иным путем, произвести переоценку нашей генеалогии и рассказать свою историю иначе. Вопрос в том, хватит ли нам для этого мужества и любопытства.

Ущербные разговоры и неумение слушать. Если бы мы лучше понимали, что делает нас людьми и способствует нашему преуспеянию, если бы мы располагали более полным представлением о том, как мы пришли в нынешнее свое состояние, если бы мы осознавали тот фундаментальный факт, что мы по своему устройству взаимозависимы, если бы мы не забывали о ценности товарищества, доверия и доброй воли, то единственным человеческим занятием, без которого мы не могли бы обходиться, был бы разговор, полноценная беседа.

Я возглавляю Школу политики в Стамбуле, и одной из моих функций в этой роли является организация встреч с высокопоставленными лицами из ЕС и разными светилами и знаменитостями. В ходе одной из таких встреч наших участников попросили дать европейцам рекомендации касательно того, как им лучше иметь дело с Эрдоганом — правителем Турции, который, как кажется, становится все более автократичным и сложным. Первое и довольно конструктивное предложение состояло в том, что с ним нужно поговорить. «Разговор» по-турецки будет *muhabbet*, в корне которого — арабские слова, означающие любовь и дружбу. То есть турецкое слово в гораздо большей степени отсылает к доброй воле и предполагает ее наличие, чем английское *conversation*. Кроме того, в английском и некоторых романских языках этимология слова «разговор», на которую редко обращают внимание, указывает на совместный

процесс изменения (con+verse). Меняться вместе не значит находиться в процессе конвергенции, однако предполагает, что в хорошем разговоре стороны не застрахованы от того, что каждая может измениться под воздействием другой. В этом смысле дебаты — это не разговор, поскольку ни одна уважающая себя сторона дебатов никогда не признает, что услышала от своего соперника что-то новое и незаурядное, что заставило ее пересмотреть свои взгляды. Вступая в дебаты, стороны представляют окончательные позиции, тогда как участники хорошего разговора по ходу этого разговора все больше открываются друг для друга. Надо отметить, что все больше данных свидетельствуют: внимательно слушать и задавать открытые вопросы гораздо эффективнее, чем навязывать собеседнику традиционные аргументы, которые должны его переубедить.

Покойный Дэвид Грэбер пишет в своей последней книге «Заря всего. Новая история человечества»²⁷, что возмущение, которое французские поселенцы вызывали у коренного североамериканского народа гуронов (вендат), относилось не только к их грабительскому поведению, но и к неумению вести беседу (французы, по мнению вендат, постоянно спорили, перебивали друг друга и стремились переключить внимание на себя) и нежеланию внимательно слушать. Эдуардо Галеано сообщает то же самое об индейцах майя, которые, когда приходило время выбирать нового вождя, выбирали того, кто лучше всех умел слушать. Монахи-бенедиктинцы, даосы, равно как и разные суфийские течения, предписывали своим последователям слушать ухом сердца. Эта рекомендация должна напомнить нам, что в добросовестном слушании нет никакого автоматизма, здесь многое зависит от имеющихся намерений. Слушать с тем, чтобы ответить быстро и громко, совсем не то же самое, что слушать ради того, чтобы понять. Слушать сердцем как будто бы означает последнее.

Способность выслушать называли даром и актом любви, а желание рассказать об этом — чистейшей формой щедрости. Внимание и в самом деле дорогого стоит. Лауреат Нобелевской премии Даниэль Канеман объяснил нам, что есть Система 1 и Система 2. Система 1 — это, по сути, функционирование на автопилоте: в этом оптимизированном режиме наша сложнейшая машина работает, не включая энергозатратную Систему 2. Система 2 вводится в действие, когда возникают новые ситуации, где все, что делалось по умолчанию, оказывается недостаточным. По другим исследованиям мы знаем, насколько не соответствует действительности устаревшая модель мышления, согласно которой компьютер, работающий в спящем режиме в темной комнате нашего мозга, просыпается под воздействием каждого нового стимула. Наше мышление — машина предвосхищения. Мы не только предугадываем, чем закончится каждое следующее предложение, — мы пытаемся предсказать, что случится в каждый следующий момент. Поддерживать функционирование антиципаторной модели, корректируя ее всякий раз, когда она

ошибается, куда менее затратно, чем считать каждое предложение и каждый следующий момент времени источником бесконечных возможностей. Система 2 занимается тем, что формулирует новые предсказания. Известно, что шахматист тратит до шести тысяч калорий в день, просто сидя перед доской, потому что каждый новый ход противника требует полного и неограниченного внимания. Этим и объясняется синдром музейной усталости: дело не в том, что мы проходим по залам, а в том, что каждый экспонат представляет собой нечто новое и требует полного внимания Системы 2.

Внимание и любопытство затратны, тогда как негодование ничего не стоит, но доставляет при этом облегчение. То, что вызывает у меня моральное отвращение, недостойно моего внимания и не создает дополнительной когнитивной нагрузки. Наш постоянно ускоряющийся мир предъявляет к нашим познавательным способностям все большие

*Внимание и любопытство
затратны, тогда как
негодование ничего
не стоит, но доставляет
при этом облегчение*

требования. От посягательств социальных инженеров и манипуляторов никто не гарантирован. Есть сообщения, что создатели колыбельных снимают на видео двухлетних детей, чтобы поймать моменты, когда они отводят глаза от экрана, и впоследствии дополнить их новыми сти-

мулами. Если негодование блокирует какие-то стимулы, наш организм это приветствует. В результате мускулатура гнева оказывается у нас перегруженной, тогда как жажда познания атрофируется. Стоило бы задуматься, достаточно ли у нас оазисов, внутри которых мы можем ощутить, что нас слушают, и заново разжечь в себе любопытство. После чего имеет смысл спросить, кто должен создавать такие оазисы, если мы не желаем скатиться в дикость и ненависть. Желающих нам что-нибудь продать — миллионы, стремящихся достичь с нашей помощью своих политических целей — тысячи, но кто даст нам шанс выслушать и услышать друг друга со всеми нашими несовершенствами, противоречиями, во всей нашей глубине и поверхностности? Может ли вообще существовать мир, в котором мы оказываемся только покупателями и политическими приверженцами, но никогда не бываем товарищами и соседями?

Дополнительной структурной проблемой является текущее соотношение транзакций и разговоров. Большую часть нашей истории мы много разговаривали. По вечерам мы собирались у костров и обменивались историями. Участники этих собраний знали, что в какой-то момент очередь дойдет и до них и они получают внимание своих товарищей. Любые транзакции были встроены в густую сеть, созданную этими разговорами. Полезно помнить, что слово «компания» буквально значит «сохлебники», совместно едящие хлеб (com+panis). Сегодня у нас колоссальное количество транзакций и очень мало разговоров. Неудивительно, что люди, чувствуя, что их обогнали и бросили, становятся не слишком

разборчивыми в поисках хоть каких-то тормозов. Совесть означает — и практически, и этимологически — совместное знание. Без разговора совместное знание невозможно, а без интересубъективных нормативных рамок мы не можем двигаться дальше. Если мы все же продолжим движение, пунктом назначения неизбежно окажется дикость.

Посмотрите, сколько у вас возможностей улучшить качество своих публичных выступлений, научиться убеждать или создавать убийственно эффективные презентации, и спросите себя: а предлагали ли вам когда-нибудь оценить ваше умение слушать и как-то усовершенствовать эти навыки? Что лучше всего способствует разногласиям, если не пренебрежение к практике слушания? Исследования показывают, что люди, чувствующие, что им уделяют внимание, с большей вероятностью будут слушать внимательно. Другими словами, можно выйти из нынешнего порочного круга, в котором недостаток внимания принуждает перейти на крик, чтобы привлечь к себе внимание, которого мы заслуживаем, и тут же обнаружить, что твой крик заглушен криком другого человека, и войти в добродетельный круг, где, выслушав кого-то внимательно, можно получить то внимание, в котором мы нуждаемся. Вопрос в том, есть ли в этой системе акторы, которых столь неоптимальный статус-кво заботит до такой степени, что они готовы дать людям передышку и возможность на себе почувствовать, как это, когда тебя внимательно слушают. Опыт свидетельствует, что люди удивительно ясно помнят, когда их в последний раз по-настоящему выслушали.

*Совесть означает —
и практически,
и этимологически —
совместное знание*

Что дальше?

Если все сказанное выше верно и мы действительно упустили из виду существенные слабости, пренебрегли основополагающими принципами и проявили предвзятость по отношению к важнейшим вещам, то что нам теперь делать, кроме того, что осознать их?

Далай-лама как-то заметил, что планете не нужно больше «успешных людей», но она отчаянно нуждается в большем числе разного рода миротворцев, целителей, восстановителей, рассказчиков и людей, способных и умеющих любить. Мария Попова пишет, что люди исключительные — это те, «кто возгоняет гнев и страдания до любви, кто перерабатывает разочарование в способствующее росту удобрение, кто расщепляет цинизм на составляющие его беспомощность и высокомерие, а затем выводит токсин из системы, которую мы называем обществом». У меня пока нет условного обозначения для таких людей, но если хотя бы часть написанного мною выше соответствует действительности, то эти исключительные люди нам просто необходимы.

И тем не менее сфера деятельности этих исключительных людей окажется довольно скромной — неопределимо важной, но скромной. Нужно

будет уделять систематическое внимание необходимости культивировать добродушие, в котором мы испытываем потребность, привлечь внимание к братству и товариществу, дать центростремительной динамике шанс уравновесить ее центробежную противоположность. Я многого жду от местных властей. Когда Аристотель сформулировал свое ставшее теперь классическим определение человека как политического животного (ζῷον πολιτικόν), в греческих городах (полисах) редко проживало более 50 000 человек. То, что Аристотель понимал под политикой, больше похоже на то, что сегодня мы называем гражданскими движениями. На протяжении столетий в европейских городах были граждане, достаточно умело управлявшие вместе с согражданами своими общинами. Местным властям следует снова отнестись к совместному управлению общиной как к жизненно важному навыку, к общественным мускулам, которые необходимо сохранять в тонусе, и увидеть свою основную задачу в том, чтобы поддерживать исключительных личностей, поэтическое описание которых дали далай-лама, Мария Попова, Криста Типпетт²⁸ и другие.

Школа политики, к созданию которой я был причастен, начиналась как попытка показать достоинства либеральной демократии, но постепенно превратилась в гражданское пространство, в котором люди разных профессий и призваний чувствуют себя достаточно легко и свободно, чтобы прислушаться к людям, на встречу с которыми они никогда в жизни не рассчитывали. Когда выпускников школы через несколько лет

после окончания попросили рассказать, что она для них значила и что им дала, люди чаще всего называли вкус к разговору. Многие из обсуждавшегося на этих страницах в терминах диагноза и лечения

Хороший разговор – важнейшее из изобретений человечества

основано на том, что я вынес из работы в Европейской школе политики. По итогам десяти лет работы в школе я готов утверждать, что хороший разговор — важнейшее из изобретений человечества. То, что эта возможность доступна всем, можно смело назвать чудом.

Мы с коллегами по Европейской школе политики изучили опыт других стран, проанализировав то, что делают люди с близким нам темпераментом и схожими методологиями. Таким образом в США мы вышли на Монику Гузман и организацию «Ангелы похрабрее» (The Braver Angels), объясняющих важность любопытства для политической жизни, и вспомнили, как Марк Аврелий ратовал за то, чтобы у каждого была возможность не иметь своего мнения. Мы обнаружили Дэвида Брукса и его ткачей²⁹, поразивших нас своей разностью. С интересом и энтузиазмом мы изучили несколько примеров мини-обществ и с легкостью представили себе, где они могли бы материализоваться — начиная с парков и библиотек, но далеко не только там. Мы обратили внимание на Элизабет Олдфилд, председателя совета директоров консалтинговой компании Larger Us и директора аналитического центра Theos, занимающегося

вопросами религии и общества, и познакомились с идеей микромонастыря. Олдфилд отмечает, что мы оторваны от корней, глобализованы и рассеяны по свету. Навыком заключать долгосрочные соглашения и строить любящие отношения с большим числом участников нужно овладевать специально, потому что это не происходит случайно. Методологию Олдфилд следует изучить глубже. К нашему удивлению и огромной радости, мы убедились в том, что брошюра, выпущенная скромной молодежной группой Yes Word, содержит в себе больше мудрости и легко выполнимых жизненных советов, чем все опубликованное McKinsey Global Institute за почти восемьдесят лет его существования.

Этих примеров — как и множества тех, которые мы наверняка упустили из виду, но хотим найти и показать другим, — должно быть достаточно, чтобы доказать, что близорукость, которой мы в данный момент страдаем, вполне преодолима. Мы способны быть лучшими товарищами и должны стремиться к этому. Мы можем и обязаны отказаться от стерильного языка и воображения и вернуть им былую зачарованность.

*Одной из причин присущей нам
сегодня близорукости
было высокомерие и нежелание
считаться с остальным миром*

Одной из причин присущей нам сегодня близорукости было высокомерие и нежелание считаться с остальным миром. Теперь мы обязаны к нему повернуться — не потому, что живем в постзападном мире, а потому, что стремимся быть достойными наследниками Гете, Генри Дэвида Торо и Бартоломе де лас Касаса; наши будущие исследования должны будут найти и поддержать тех, кто идет по стопам Эдуардо Галеано, Десмонда Туту и Ту Вэймина.

Вполне возможно, что разговор является важнейшим из наших изобретений. Умением внимательно слушать способен овладеть каждый. Ценители этих практик должны рассказывать о них другим, а еще лучше — создавать для других возможности, пусть даже самые скромные, опробовать эти режимы на самих себе. Говорят, что проблему с изменением климата можно сформулировать так: притом что большинство думает, что это важно, очень немногие чувствуют, что это важно. Давайте поблагодарим Антонио Дамасио³⁰ и Лизу Фельдман Барретт³¹ за то, что они объяснили нам, насколько существенную роль эмоции играют в нашем мышлении и существовании. К счастью, мы способны чисто инстинктивно осознать и запомнить, что такое хороший разговор, добродушие и товарищество. Мы — источник проблемы, но мы же и средство ее разрешения. Нельзя мгновенно избавиться от последствий многолетнего пренебрежения, но, как гласит пословица, сажать дерево лучше всего было двадцать лет назад. Чуть менее удачное время это сделать — сейчас. То, что лучший момент упущен, не повод упускать второй шанс.

Перевод с английского Ольги Серебряной

¹ Об этом Джеймс Мэттис, глава Пентагона в первое президентство Трампа, пишет в своих мемуарах *Call Sign Chaos*. Книга написана в сотрудничестве с военным публицистом Бингом Уэстом и вышла в Random House в 2021 году.

² *Yates J.* *Fractured: Why Our Societies Are Coming Apart and How We Put Them Back Together Again*. HarperCollins, 2021.

³ Из многих — единое (лат.) — элемент лицевой стороны Большой печати США и национальный девиз страны.

⁴ *Goodhart D.* *The Road to Somewhere: The New Tribes Shaping British Politics*. Penguin Books UK, 2017.

⁵ *Lakner C., Milanovic B.* *Global Income Distribution: From the Fall of the Berlin Wall to the Great Recession* (Report). Policy Research Working Papers, December 2013.

⁶ *Lind M.* *The New Class War: Saving Democracy from the Managerial Elite*. Penguin Random House, 2020.

⁷ *Norris P., Inglehart R.* *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. New York: Cambridge University Press, 2019.

⁸ *Epley N., Kardas M., Zhao X., Atir S., Schroeder J.* Undersociality: miscalibrated social cognition can inhibit social connection. In: *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 26, Issue 5, May 2022. P. 406–418.

⁹ *Levine P.* *What Should We Do? A Theory of Civic Life*. Oxford University Press, 2022.

¹⁰ Слушайте подкаст гарвардской Школы Кеннеди с их участием:

<https://www.hks.harvard.edu/faculty-research/policycast/we-can-productively-discuss-even-toughest-topics-heres-how>

¹¹ *Itzhakov G., Weinstein N., Leary M., Saluk D., Amar M.* Listening to Understand: The Role of High-Quality Listening on Speakers' Attitude Depolarization During Disagreements. In: *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 126, Issue 2, November 2023. P. 213–239.

¹² *Bregman R.* *Humankind: A Hopeful History*. Bloomsbury, 2021; *Christakis N.* *Blueprint: The Evolutionary Origins of a Good Society*. Little, Brown Spark, 2019. В обеих книгах на основании разных доводов утверждается, что люди лучше, чем принято думать.

¹³ См.: *Social Capital 2025: The hidden wealth of nations* — доклад Энди Холдейна, бывшего главного экономиста Банка Англии, и профессора Дэвида Халперна, основателя Bitcoin Investment Trust: <https://demos.co.uk/research/social-capital-2025-the-hidden-wealth-of-nations/>

¹⁴ *Isaacson W.* *Benjamin Franklin: An American Life*. Simon & Schuster, 2003.

¹⁵ *Даймонд Д. М.* *Мир позавчера. Чему нас могут научить люди, до сих пор живущие в каменном веке* / Пер. с англ. А. Александрова. М.: АСТ, 2016.

¹⁶ <https://news.climate.columbia.edu/2018/09/28/navigating-political-polarization-times-crisis-lessons-difficult-conversations-lab/>

¹⁷ <https://www.ccc.mit.edu/about/>

¹⁸ *Byung-Chul H.* *Vom Verschwinden der Rituale. Eine Topologie der Gegenwart*. Berlin: Ullstein, 2019.

¹⁹ Русский перевод вышел в издательстве «Альпина нон-фикшн» в 2024 году.

²⁰ Русский перевод вышел в издательстве «Астрель» в 2011 году.

²¹ См.: *Krawczyk D. C.* Reasoning: The Neuroscience of How We Think. In: *ScienceDirect*, 2018.

²² <https://worldpublicopinion.net/people-in-17-of-21-nations-say-governments-should-put-international-law-ahead-of-national-interest/>

²³ *Sahlins M.* *The Western Illusion of Human Nature*. Prickly Paradigm Press, 2008.

²⁴ *Ackerman B., Alstott A.* *The Stakeholder Society*. Yale University Press, 1999.

²⁵ Колумнисты *The New York Times*.

²⁶ Премьер-министр Новой Зеландии в 2017–2023 годах.

²⁷ *Грэбер Д., Уэнгроу Д.* *Заря всего. Новая история человечества*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025.

²⁸ В подкасте *Becoming Wise* (<https://onbeing.org/series/becoming-wise/>).

²⁹ Участники проекта «Ткать: ткань общества» (*Weave: The Social Fabric Project*) при Институте Аспена (<https://weavers.org/>).

³⁰ *Damasio A.* *Feeling & Knowing. Making Minds Conscious*. Pantheon, 2021.

³¹ *Barrett L. F.* *Seven and a Half Lessons About the Brain*. Pan Macmillan UK, 2021.

Александр Казачков (1954–2025)

9 марта умер Александр Казачков — любимый и уважаемый Саша.

Александр Казачков родился 28 июля 1954 года в Москве. Окончил среднюю общеобразовательную школу № 65 с преподаванием ряда предметов на испанском языке. Высшее образование получил в Институте иностранных языков им. Мориса Тореза.

С 1990-х в качестве переводчика-синхрониста участвовал в самых разнообразных проектах и мероприятиях в различных сферах: экономика, социология, медицина, право, искусство, литература и многое другое.

Был членом Союза переводчиков России. Занимался литературным переводом как с испанского на русский, так и с русского на испанский. Перевел ряд книг известных испаноязычных писателей.

Сказать, что Саша был гениальный переводчик — это упростить и спрямить истину. Саша жил через язык, а испанский язык жил через Сашу, и это пример того, как отдельно взятый человек вместил в себя целую многовековую культуру — от нюансов политического устройства, истории, традиций, глубокого понимания искусства, музыки до оттенков речи, до страсти в звуке, до мельчайших подробностей самой ткани жизни.

Саша, аристократ слова, формы и мысли, проживал Испанию в слове и через себя раскрывал пространство Испании и Латинской Америки для других.

В Школе Саша стал голосом великих испанских и испаноязычных современников — от министров до историков, от дипломатов до правозащитников, профессоров, юристов, адвокатов. Испанский опыт преодоления страшного прошлого и примирения, опыт демократии и политической культуры, верховенства права и примата прав человека, который несли нам Альваро Хиль-Роблес и Томас де ла Куадра-Сальседо,

Мануэль Фрага и Альберто Карнейро, — все это Школа знала через голос Саши, через его тончайшее понимание оттенков, связей и смыслов.

Но важнейшее и совершенно неповторимое качество Саши — он сам был добродетелью. Он показывал пример, как не согнуться под тяжестью жизни, как не уступить ни на дюйм в принципах, как идти через время, не меняясь в важном, но при этом ставить себя после других, становиться пространством, в котором другие раскрываются и звучат.

Рядом с Сашей всё и все невольно преображались. Невозможно было не пытаться стать лучше, невозможно было не ощущать, как высоко поставлена планка. И при этом он будто бы одним своим присутствием поднимал всех окружающих на новую высоту — показывая, как можно видеть другого, уважать другого, как можно жить с другим, оставаясь собой.

Саша преподнес нам главнейший урок человеческого и гражданского мужества в самой эстетике своего бытия — предельный стандарт и обещание, что человеку возможно дотянуться до этого стандарта, будто бы в наших силах действительно выстроить такой мир, в котором все связи основывались бы на взаимной поддержке и взаимном творчестве, мир, в котором насилию не было бы места.

*Инна Березкина
Лена Немировская
Юрий Сенокосов*

Александр Казачков с Леной Немировской и комиссаром Совета Европы по правам человека Альваро Хиль-Роблесом

TABLE OF CONTENTS

No. 2 (97) 2025

FEATURE ARTICLE

- Life Goes On
Yuri Senokosov 5
- Demographic Trends of Civic Activity
Ivan Krastev 16
- Holding Trial over the Unimaginable
Andrei Kolesnikov 35

POLITICS

- Global Politics: A Shift in Values
Vladislav Inozemtsev 42
- Two Ages of Enlightenment
in Conflict
Mykhailo Minakov 59

CIVIC SOCIETY

- On the Universal Concept
of Human Rights
Kirill Koroteev 76

OPPOSITION

- The Body of Protest
Serguei Medvedev 84
- Navalny: A Political Strategy and
the Mechanisms for Implementation
Nikolay Mitrokhin 92
- Whispers and Shouting: On the Political
Actions of the Opposition
Andrei Arkhangelsky 97

HISTORIC EXPERIENCE

- Conflict in the Middle East: A Part of
the World Disorder
Konstantin Eggert 101

BOOKS

- The Aftertaste of the Soviet Past
Serguei Moshkin 117
- The Counterpoint
Maxim Goryunov 121

NOTA BENE

- The Miracle of Conversation
Hakan Altınay 129

IN MEMORIAM

- Alexander Kazachkov 151

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ДЕМОКРАТИЯ, ЭКОНОМИКА, МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК

Наши авторы:

Валдис Биркавс

Ирина Бороган

Максим Горюнов

Василий Жарков

Владислав Иноземцев

Максим Курников

Джон Ллойд

Сергей Петров

Никита Соколов

Андрей Солдатов

Илья Шуманов

Константин фон Эггерт

Фредрик Эрикссон

Алекс Юсупов

ISSN 2592-897X

Просвещение – это выход человека из состояния
своего несовершеннолетия... причина которого
заключается не в недостатке рассудка,
а в недостатке решимости и мужества
пользоваться им без руководства кого-то другого.
Sapere aude! – имей мужество пользоваться
собственным умом! – таков, следовательно,
девиз Просвещения.

Иммануил Кант
“Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?”